

Владислав
КРАПИВИН

•
Ковер-
самолет

Моему маленькому
барабанщику Павлику

* * *

Иногда среди ночи я просыпаюсь от прилива радости. Я смотрю на темный потолок и стараюсь вспомнить: что же было?

Ну конечно! Только что рядом со мной смеялся Виталька. Не тот худой высокий дядька Виталий Андреевич, который недавно приезжал ко мне в гости, а настоящий Виталька – белобрысый, давно не стриженный мальчишка в голубой майке, с облезшей от загара кожей на плечах и расцарапанными острыми локтями.

Мы только что, свесив ноги с ковра, летели вдвоем над знакомыми улицами. Теплый ветер будто мохнатыми мягкими крыльями бил нас по ногам, а в спину горячо светило утреннее солнце. Внизу проплывали темно-зеленые груды тополей, коричневые железные крыши и серебристый купол городского цирка. Навстречу нам, возвышаясь посреди редких желтых облаков, двигалась белая колокольня, похожая на крепостную башню. В сквозных оконных проемах верхнего яруса темнели уцелевшие с давних времен колокола. Выпуклую крышу устилали ржавые железные квадратики. Кое-где они отстали и топорщились, будто крыша взъерошилась от ветра.

Мы с Виталькой сидели, обняв друг друга за плечи, и хохотали. Смешно было, как взъерошилась крыша. Смешно было, какие маленькие, игрушечные внизу на реке баржи и катера. Смешно, как у Витальки с ноги слетел старый брезентовый полуботинок. Он был стоптанный, с протертой на месте большого пальца дыркой, и мы не стали его догонять. Башмак упал на цирковой купол и поехал с него, словно санки с горы. Потом прыгнул с карниза, как с трамплина, и нырнул в тополиную гущу.

– Бросай второй! – крикнул я, потому что зачем он, один башмак.

Но Виталька помотал головой. Он достал из кармана катушку ниток и привязал к полуботинку.

– На буксир!

Мы круто снизились к реке, будто с горы съехали, и полетели над самой водой. Так низко, что ноги окунулись и вокруг них вздыбились фонтаны с брызгами и пеной. Виталька отпустил полуботинок, и он запрыгал позади нас, как на буксире. Вот потеха!

– Как на подводных крыльях! – закричал я и от хохота повалился на спину, махая мокрыми ногами.

Нитка оборвалась, и башмак поплыл сам по себе. Потом его выудит вместо пескаря какой-нибудь незадачливый рыбак. Вот смешно будет!

Мы пролетели под старым деревянным мостом, который поскрипывал от тяжести грузовиков, и стали подниматься к заросшему откосу, где белели старинные стены и башни.

Воспоминание тускнеет, уходит, но радость не кончается. Я лежу и улыбаюсь в темноте. Потому что все равно это было. Пусть не сейчас, но было!

Понимаете, было!

Глава первая

Детство я провел в северном городке на берегу большой реки. Городок был деревянный, с дощатыми тротуарами вдоль тесовых заборов, с хитрыми узорами на древних, покосившихся воротах. За воротами скрывались просторные дворы. Они зарастали мягкой травой и одуванчиками, а по краям – непролазным репейником и крапивой. Во дворах стояли сараи и возвышались длинные поленницы сосновых и березовых дров. От поленниц пахло лесной чащей и грибами.

Здесь было такое раздолье для игр! Даже для футбола хватало места, если только никто не развешивал на веревках белье.

Конечно, были в городе и новые кварталы – крупноблочные пятиэтажные дома, будто сложенные из цветных кубиков. Встречались старинные кирпичные здания – с колоннами и узорными балконами. Но главным образом на улицах стояли одноэтажные и двухэтажные деревянные дома. Были они, впрочем, совсем не деревенские – большие, с окнами двухметровой высоты.

Улицы выходили к речному обрыву. На обрыве поднимался каменный монастырь, построенный по приказу царя Петра. Это был не просто монастырь, а крепость – с высокими стенами, с башнями, у которых темнели узкие прорезы бойниц.

Над стенами и башнями, над церковными куполами возносилась белая колокольня с черными круглыми часами. Часы были громадные – метра три в диаметре. Жаль только, что они стояли.

Остановились они давным-давно, в девятнадцатом году, когда был бой между красными и белыми. Говорят, что на верхнем ярусе колокольни засел белогвардейский пулеметчик и держал под обстрелом полгорода. Никак его не могли выбить. Наконец из-за Каменного мыса выполз буксирный пароход, переделанный в канонерскую лодку “Мировая революция”. С “Мировой революции” по колокольне шарахнула трехдюймовка.

Что там стало с пулеметчиком, никто не знает. А часы остановились, прощально позвенев колоколами. Их потом и не пытались чинить. Деревянные перекрытия и лестницы обгорели и рухнули. Попробуй доберись до часов. А если и доберешься, то как разгадать хитрости механизма? Его вручную точил и ковал из меди еще при Екатерине Второй какой-то мастер-самоучка. Чертежей-то он не оставил.

Да и до часов ли было? В тридцатых годах кто-то хотел вообще взорвать и разобрать на кирпичики весь монастырь, как взорвали несколько церквей. До этого, правда, не дошло, но и о ремонте никто не думал: были дела важнее – строили судовой верфь и новый порт. Потом началась война, а после войны хватало других забот.

Вот так и получилось, что целых сорок лет на большущем циферблате, который висел над городом, как черная луна, стрелки показывали без пяти минут час.

Но даже и с такими часами колокольня была красива и знаменита. Особенно любили ее капитаны. Все теплоходы, которые шли вниз по реке, держали от Каменного мыса курс на колокольню. Она была на всех лоцманских картах.

Теплоходы проходили часто. Я и Виталька засыпали и просыпались под их протяжные, немного печальные гудки.

Мы с Виталькой жили вместе. По крайней мере летом. С тех пор как подружился. А подружился мы целую вечность назад – за два года до случая с ковром. Мне тогда не было и восьми лет, а Виталькины годы едва подтягивали к девяти. Он спас меня тогда. Это целая история, которая началась печально, а кончилась хорошо.

Когда меня еще не было на свете, мой отец воевал с фашистами. Он вернулся живой, но с пробитыми легкими. Сначала болезнь его не очень мучила. Он стал работать учителем физики, женился. Затем родился я. Годы шли спокойно. А потом вдруг болезнь открылась, и врачи ничего не смогли сделать.

Почти три года мы с мамой прожили вдвоем. А когда я кончал первый класс, у нас дома появился дядя Сева. Всеволод Сергеевич. С пятилетней Ленкой. Он работал в управлении речного порта и носил фуражку с якорем.

Но ни эта фуражка, ни сам он мне не понравились. Все не понравилось. Даже то, что говорил он почти как папа – глуховато и с прикашливанием.

У него было худое лицо с бородкой, две прямые морщины над густыми бровями и большие коричневые глаза. Если не придираешься, то вполне нормальное лицо, даже симпатичное. И глаза не сердитые, а наоборот. Он смотрел этими глазами на маму, как Данила-мастер на Каменный цветок. А на меня смотрел как-то виновато.

Ну и пусть! Мог бы и вообще не смотреть!

Не думайте, что я скандалил или дулся открыто. По утрам я говорил ему “здравствуйте”, а вечером – “спокойной ночи”. Я даже стал звать его не “Всеволод Сергеевич”, а “дядя Сева”. По маминой просьбе. Но когда дядя Сева пытался тронуть меня за плечо или погладить по голове, я шарахался, как от крапивы. Ничего не мог поделать с собой. Да по правде говоря, и не хотел.

А тут еще Ленка! Сразу прилепилась к маме. Будто бы век была ее дочерью! И говорить стала “мама”. Я каждый раз вздрагивал, будто мне за шиворот падал таракан. Мама однажды взяла меня за локти, поставила перед собой и тихо сказала:

– Олечка, Олечка... Она же маленькая. А свою маму она и не помнит. Разве ты не понимаешь, как плохо без мамы?

Я понимал. Это я прекрасно понимал! Еще бы! В детском саду, даже в старшей группе, если мама задерживалась и вовремя не приходила за мной, я готов был удариться в слезы. А если мама вечером уходила в кино, я с головой, как в холодную воду, погружался в печаль.

Поэтому я проглотил комок и кивнул. Но хоть сто раз кивни, а ничего не поделаешь, если не проходит обида.

Ленку я не обижал. Иногда приходил даже в детский сад за ней. А один раз показал, как делают из бумаги двухтрубные пароходики. Но когда Ленка взяла без спросу моего фарфорового котенка и нечаянно

но грохнула о половицы, я не выдержал. Молча давясь слезами, я собрал осколки в газету (может, потом склею) и достал из-под дивана заброшенный школьный ранец.

Кроме осколков котенка я уложил в ранец свитер, книжку “Снежная королева”, бутылку с водой, полбуханки хлеба, нарезанную ломтиками колбасу, спички и папину медаль “За победу” на черно-оранжевой ленточке. Потом вытащил из шкафа школьную форму: штаны с аккуратной заплаткой на левом колене, гимнастерку с пуговками, похожими на военные, только без звездочек, и ремень с латунной пряжкой. На пряжке – веточки, книга и буква “Ш”. Форма эта, неуклюжая и тяжелая, как доспехи рыцаря, осточертела мне за долгие месяцы школьной жизни. Но что делать? Без теплой одежды в дальней дороге пропадешь.

– Ты в школу пойдешь? – подавленно спросила Ленка.

– Дура, – мстительно сказал я. – Кто это ходит в школу, когда каникулы?

Я вытер глаза, щелкнул пряжкой и сунул ноги в мамины резиновые сапоги. Сапоги были велики. Я отогнул голенища, и получились отвороты, как у охотников или мушкетеров. В правое голенище я сунул свой узкий тонкий кинжал, сделанный из ножовки для металла. У него была рукоятка, обмотанная изолентой, и перекладинка из медной проволоки. В левое голенище я опустил детскую лопатку.

А еще взял самодельное ружье с тугой резинкой. Оно стреляло скобками из алюминиевой проволоки. С десяти шагов такая скобка пробивала навылет плотный лист бумаги. Если попадешь зверю в глаз – тому сразу капнут.

Не сказав больше Ленке ни слова, я ушел из родного дома. Ушел, грохоча сапогами и прощаясь с детством.

Я решил пойти за реку, в дальние леса. Там среди корней старого дерева я вырою землянку. Буду спать на подстилке из пахучей лесной травы, охотиться на зайцев, а по вечерам сидеть у маленького уютного костра, беседовать с верной собакой и читать ей сказку про Снежную королеву.

Целый квартал я шагал довольно бодро. Потом решительность моя пропала.

В глубине души я прекрасно понимал, что едва ли сумею выкопать настоящую землянку, годную не только для летней жизни, но и для зимовки. Чувствовал, что одному у ночного костра будет жутко. А кроме того, мне ужасно жаль было убивать симпатичных добрых зайцев, про которых я знал целую кучу сказок.

Но больше всего (чего уж скрывать-то!) мне жаль было покидать маму.

Верная собака Джулька (не моя, а общая, уличная) предательски бросила меня, как только я скормил ей последний ломтик колбасы. Я растерянно остановился на перекрестке. Как же быть, в самом деле?

Я был бы просто счастлив, если бы сейчас меня увидели мама и дядя Сева: они как раз должны были возвращаться из кино. Мама крепко взяла бы меня за руку, привела домой, отругала как следует и, может быть, поставила бы даже в угол за умывальник. Ну и пусть! Я оказался бы схваченным, но не побежденным. А прийти домой сам я не мог. Такой позор, такое поражение!

Но мамы и дяди Севы не было. Может быть, лечь в канаву рядом с тротуаром и умереть от горя? Однако умирать здесь было неудобно. Во-первых, меня увидели бы прохожие, во-вторых, несмотря на вечернее время, стояла жара, и я совсем измучился в походном снаряжении. Попробуйте лежать, дожидаясь смерти, когда такая духота! Долго пролежите?

Ничего не оставалось, как продолжать путь. И я побрел.

А когда я прошел еще полквартала, судьба послала мне навстречу Витальку. Он неторопливо шел по кромке тротуара и толкал перед собой обруч от бочки. Недалеко от меня он остановился и крутнул обруч вокруг оси. Тот завертелся на месте, превратившись в прозрачный шар. Виталька засмеялся, хлопнул “шар” по макушке и остановил вращение. Поднял глаза и увидел меня.

– Э, Олега! Ты куда?

Мы были знакомы, но никогда не дружили. Просто иногда играли в одной компании. Я даже не знал, где он живет.

Но случилось так, что именно он встретился на моем горьком пути.

– В лагерь? – спросил он.

Я чувствовал, что, если начну говорить, разревусь. И покачал головой. Виталька перестал смеяться. Уже другим голосом поинтересовался:

– В лес?

Я кивнул. Виталька стал серьезным. Зачем-то надел через плечо обруч, осмотрел меня от сапог до ранца, торчавшего над плечами, и тихо спросил:

– Насовсем?

Я даже не удивился, как он догадался. Главное было удержать слезы. Я снова кивнул.

Виталька обошел меня вокруг, осторожно потрогал ранец. Затем снова встал передо мной. Я впервые увидел близко его глаза. Виталькины.

Он был мудрый человек, даже в те годы. Он сказал:

– Чего тебе в лесу делать одному? Айда ко мне.

Если бы я не боялся говорить, я заспорил бы. Ну чего я пойду к нему, к почти незнакомому? Ему, наверно, влетит. Скажут: что за бродягу привел с улицы?

Но разговаривать я не мог, а молча стоять было глупо. И я, понурившись, зашагал рядом с Виталькой.

Он привел меня в старый дом. Из прихожей по скрипучей лесенке мы поднялись в невысокую комнату. Там была лежанка на чурбанах, косоногий стол и старинное кресло с завитками и вылезшей из сиденья пружины. А на стенах какие-то картинки – я тогда их не разглядел.

Виталька стащил с меня ранец и сказал:

– Гляди-ка, ты весь мокрый. Вылезай из своей шкуры и айда умываться.

Я с облегчением выбрался из походных доспехов. Виталька дал мне вместо сапог свои старые тапочки и повел вниз, к умывальнику.

Умывальник оказался в точности такой же, как у нас: голубой, эмалированный, с длинным болтиком вместо крана. Надавишь болтик снизу – и в руки бьет струйка.

Такой знакомый, просто родной был умывальник, что я поспешил уткнуть лицо в ладошки с водой.

Когда умылся, стало легче.

“Может, все еще наладится в жизни?” – подумал я.

Виталька, видно, почуял, что я ожил. Он припечатал свою мокрую ладонь к моей спине в круглом вырезе майки и бодро сказал:

– Топаем!

Мы “протопали” в комнату с хрустальной люстрой. Люстра горела, хотя вечер за окнами был совсем светлый. Только это стеклянное сверкание я и заметил в первый момент.

– Тетя Валя, это Олег. Ты нас покорми. Ладно? – сказал Виталька.

И я увидел тетю Валю.

– Здравствуйте... – испуганно пискнул я.

Тетя Валя смотрела на нас поверх очков. Она была высокая, горбоносая, в синем платье с воротничком, стоячим, как у офицерского кителя. Волосы у нее были гладкие, собранные сзади в тугий валик. Таких дам, худых и строгих, я видел в английском фильме про мальчишку по имени Давид Копперфилд, когда мы ходили с мамой в клуб речников. А в жизни мне такая тетенька ни разу не встречалась.

В ответ на мое “здрате” она кивнула, а Витальке сказала:

– Покормить? Гм... А руки мыли?

Виталька вытянул вперед растопыренные ладошки и повертел ими. А я не решился. Тогда он взял мои руки и тоже протянул тете Вале.

– Ничего не подделаешь, – сказала она. – Ступайте на кухню.

Потом мы ели сосиски с горячей картошкой и пили холодное молоко. Я помнил мамины уроки, как держать себя в гостях, и сидел прямо, локти на стол не ставил, старался аккуратно орудовать ножом и вилкой.

А Виталька болтал ногами и шумно втягивал в себя молоко.

– Ты поучился бы у мальчика вести себя за столом, – заметила тетя Валя.

– Он просто стесняется, потому что первый раз, – бесстрашно возразил Виталька. (Увы, будущее показало, что он был прав.)

– Ты издалека? – обратилась ко мне тетя Валя.

– Да ты что! – торопливо вмешался Виталька. – Он с нашей улицы из дома номер четырнадцать, где собака Джулька. Знаешь?

Я ожидал, что тетя Валя возмутится: с чего это она должна помнить всяких Джулек? Но она кивнула.

– Он у нас переночует, – как-то очень уж обыкновенно сказал Виталька.

Тетя Валя слегка подняла брови.

“Сейчас начнется”, – с замиранием подумал я и приготовился к расспросам. Тетя Валя глянула на Витальку, опустила брови и сказала:

– Унеси наверх вторую подушку.

...Мы улеглись на Виталькином топчане. Было тесновато, но ничего...

– Рассказывай, – велел Виталька.

Я не стал притворяться и спрашивать: “А чего рассказывать?” От разговора все равно не уйдешь. Только как объяснить про все, я не знал.

– Насовсем ушел из дома? – прошептал Виталька.

Я вздохнул.

– Отлупили? – понимающе спросил он.

– Да что ты! Меня никто никогда пальчиком даже не тронул!

– Без битья обижают?

Я опять проглотил комок.

– Да не обижают... Из-за Ленки. Ну, не из-за Ленки, а вообще. Из-за котенка...

Я все-таки начал рассказывать. Сперва просто так, а потом, конечно, разревелся. Виталька не успокаивал, только переспрашивал иногда, если я замолкал. Выслушал все и мудро сказал:

– Ну ладно. Это бывает...

“Да, бывает! – подумал я. – А как же там, дома?” – и отбросил одеяло.

– Ты куда?

– Домой я. Мама ищет, наверно...

Виталька натянул на меня одеяло.

– Мама знает. Тетя Валя сходила и сказала. Завтра пойдешь.

Я почувствовал, что измучился до полусмерти. Благодарно уткнулся носом в острое Виталькино плечо и тут же уснул.

Рано-рано я проснулся, оставил спящего Витальку, осторожно спустился в прихожую и отодвинул на двери щеколду.

Ух как мчался я домой! Мама ждала меня у калитки. Она взяла меня за плечи. Ладонки у нее были сухие и горячие.

Я глупо улыбнулся и стал смотреть на свои ноги в Виталькиных тапочках.

– Олечка, – сказала мама, – давай договоримся. Не отправляйся больше в дальние экспедиции без предупреждения. Ладно?

– Угу... – сипло сказал я. И ткнулся лицом в мамину кофточку.

В тот же день я побежал к Витальке. Наверно, он ждал меня. Сидел на крыльце под узорным навесом и нетерпеливо смотрел, как я подхожу.

– За вещами пришел? – спросил он.

– Да нет. Я так... Можно?

Он заулыбался и сразу стал не старшим, а таким же, как я.

– Полезли ко мне на вышку!

...Вечером мы уговорили маму, чтобы я опять ночевал у Витальки.

– У него подозрная труба есть, мы будем на луну смотреть, – умоляюще говорил я и даже пританцовывал.

– И солдатики у нас недоделаны, – вторил Виталька.

Мама почему-то вздохнула и согласилась.

...Вещи мои так и остались у Витальки. Даже мамины сапоги. Даже папина медаль. И ружье, и кинжал. И котенок. Его склеил Андрей Николаевич, Виталькин отец, когда вернулся из рейса. А потом он сколотил второй топчан – напротив Виталькиного. Натянул мне на уши фуражку (такую же, как у дяди Севы) и сказал:

– Живите, люди...

Глава вторая

Андрей Николаевич Городецкий был капитаном грузового теплохода “Тобольск” и плавал по рекам от нашего города до самого моря. А иногда и по морю. Вместе с ним плавала и Виталькина мама – не то поваром, не то буфетчицей. Они отправлялись в плавание на месяц и больше, потом появлялись дома на несколько дней и снова уходили в рейс. И так от весны до ледостава. Виталька и тетя Валя в это время жили вдвоем. (А потом прибавился я.)

Жили в просторном старом доме. Его еще в годы своей молодости купил тети Валин дед. Тетя Валя рассказывала, что дед вовсе не хотел связываться с покупкой, но его назначили директором гимназии, а директору было неприлично жить в казенной квартире: в маленьком городке он считался очень важным лицом. Потом деда прогнали из директоров, потому что в доме его стали собираться польские повстанцы, сосланные царем на Север. А дом до самой революции все равно назывался “директорский”. Власти считали его “опасным гнездом”.

В доме было много старинных вещей. Висели фотографии в рамках – с них без улыбок смотрели на нас с Виталькой бородатые дядьки в длиннополых мундирах и тетеньки в платьях до пят. В буфете с разноцветными стеклышками блестели хрустальные рюмки и вазочки. Тетя Валя ими очень дорожила. Был шкаф с толстенными книгами и журналами, где каждое слово то с буквой “ять”, то с твердым знаком на хвосте. Книги нам казались нудными, а журналы “Нива” мы с Виталькой иногда разглядывали.

Были у тети Вали и часы с кукушкой. Кукушка большая, в настоящих перьях – каждые полчаса не выпрыгивала, а вываливалась из окошечка, повисала на тонкой пружине и хрипло орала не то “ку-ку”, не то “ква-ква”. От этого нечеловечьего крика мы с Виталькой иногда просыпались по ночам. А тетя Валя не просыпалась, хотя спала в комнате с часами. У нее был очень крепкий сон. Это, кстати, часто спасало нас от неприятностей.

На кухне царствовал большущий самовар с медалями, выбитыми на медном брюхе. Андрей Николаевич, когда бывал дома, любил “раскопегарить эту систему”, и тогда всем делалось весело и мы до самой ночи сидели у стола, а самовар шипел, пыхтел и притворялся сердитым.

А граммофон с большущей трубой был совсем безработный. Тетя Валя даже любимые старые пластинки с Шаляпиным и Собиновым крутила на обычном проигрывателе “Рекорд”. А граммофон дремал в углу на тумбочке, под вязаной салфеткой. Конечно, ему было обидно! Ведь его механизм с могучей пружиной ничуть не ослабел за долгие годы.

Когда тети Вали не было дома, мы ставили граммофон на пол, отцепляли трубу, закручивали до отказа пружину и по очереди садились на оклеенный малиновым бархатом диск. Граммофон раскручивал нас. Вначале медленно, потом быстрее, быстрее...

Ух и здорово было! Комната вертелась вокруг нас, и все сливалось в разноцветные полосы! Главное, не бойся и держи равновесие, чтобы не слететь с диска. Ну а слетишь – тоже не беда. Шлепнулся, посидел, пока голова не перестанет кружиться, – и вставай. Виталька, вставая, всегда деловито щупал сзади штаны: не провертел ли дырку штырек для пластинок? И говорил:

– Ну, тренировка! Будто у летчиков-испытателей!

Сейчас бы любой мальчишка сказал: “Как у космонавтов”. Но тогда космонавтов еще не знали. Мы с Виталькой познакомились за три месяца до запуска первого спутника.

Тетя Валя, по-моему, догадывалась о наших проделках с граммофоном. Она вообще о многом догадывалась и многое прощала, потому что лишь на вид была строга.

Кстати, Витальке она приходилась не тетей, а двоюродной бабушкой. Виталькин отец был ее племянником. Он рано стал сиротой, и тетя Валя его воспитала. А потом воспитывала Витальку и заодно меня, потому что в летние месяцы я пропадал у них днем и ночью.

Впрочем, как воспитывала? Тетя Валя считала, что мальчишки не должны курить, играть на деньги и говорить нехорошие слова. Вот и все.

Курить? Ну что ж, мы один раз попробовали. Я нашел в канаве нераспечатанную пачку “Памира”, мы укрылись за сараем и задымили... Ой-ей-ей! Весь день я ходил потом с таким чувством, будто выпил таз мыльной воды, и все вокруг было в отвратительном желтоватом тумане. Витальке тоже было не лучше. С тех пор я ни разу не брался за сигареты и папиросы. Даже когда стал большим. Однажды я спросил у Витальки, тоже взрослого уже, не научился ли он курить. Он ответил, как в детстве: “Что я, чокнутый?”

На деньги мы тоже не играли. Чаше всего их у нас не было. А если были, то общие. Какой смысл выигрывать друг у друга?

Ругательные слова мы говорили. Но тетя Валя их не понимала. Мы придумывали их сами, на ходу, если что-нибудь случалось. Иногда эти слова походили на иностранные пиратские ругательства или марсианские заклинания.

В общем, тетя Валя считала нас вполне нормальными детьми. А если уж мы очень ей надоедали возней и проделками, она говорила:

– Виталий и Олег! Вы совершенно невозможные люди.

Это означало, что тетя Валя сердится всерьез. Пора, значит, притихнуть и обдумать свое поведение. А если мы все-таки не притихали, тетя Валя заявляла:

– Я выставлю вас из дома, и ночуйте на дворе, пока не станете приличными людьми.

Но ни разу в жизни она не намекнула мне, что ее дом – это вовсе не мой дом и что я не должен про это забывать. И я, по правде говоря, забывал.

Мама тревожилась и огорчалась. Ей казалось, что я убегаю из дома из-за дяди Севы и Ленки. Но теперь уже не в этом было дело. Мы с Виталькой просто не могли друг без друга. Не могли, вот и все.

Мама наконец поняла это. Но ее беспокоило и другое. Плохим аппетитом я не страдал, а обедал, завтракал и ужинал у тети Вали чаще, чем дома.

– Как она кормит вас на свою пенсию? – волновалась мама.

Мое сообщение, что, кроме пенсии, есть зарплата Виталькиных родителей, ее не успокоило. Я узнал потом, что мама пыталась даже предложить тете Вале деньги за мое “содержание”, а тетя Валя с улыбкой, но твердо сказала:

– Оставим это.

Тетя Валя вообще была немногословна. Если жизнь текла без особых происшествий, мы знали заранее, какие фразы когда от тети Вали услышим. Утром она стучала шваброй в потолок и сообщала:

– Граждане! Солнце встало! Вставайте и вы!

Перед завтраком она обязательно спрашивала:

– Надеюсь, вы умылись, хотя бы символически?

А вечером, когда мы возвращались с улицы после многотрудного дня, она неизменно говорила:

– Боже мой! На кого вы похожи!

На кого мы были похожи? Ну, на своих мам и пап, конечно (хотя своего папу я теперь видел только на фотографиях). Немножко – друг на друга. На всех обыкновенных мальчишек. И больше всего – на самих себя.

Виталька был повыше меня, белобрысый, вечно нестриженный – на шее волосы косичкой. Глаза у него были длинные, серо-зеленые, рот большой и толстогубый, а нос тонкий, с чуть заметной горбинкой. На горбинке сидело пять желтых веснушек. Эти глаза, губы, нос, если смотреть на них отдельно, как-то не подходили друг для друга. Но когда все вместе – как раз и получался Виталька.

Себя я почти не помню. С той поры у меня сохранилась только одна фотокарточка. Я на ней с мамой, дядей Севой и Ленкой. Причесанный, лупоглазый и удивительно примерный. Виталька говорил, что совсем на себя непохожий, только оттопыренные уши похожи.

А в зеркало я почти не смотрел.

Правда, одно зеркало все время попадалось на пути: оно стояло в прихожей, там, где начиналась лестница. Мутное, пятнистое. Высокое – от пола до потолка. Когда я брал разбег, чтобы взлететь по ступенькам, в зеркале этом, как в узкой темной двери, проскакивал рядом со мной щуплый тонконогий пацаненок с облезлыми от загара плечами.

Но я ни разу толком не разглядел себя: некогда было. Я спешил наверх – в нашу каюту, наш с Виталькой штаб, нашу крепость, наше царство. В наш мезонин, который мы с Виталькой называли вышкой. Кстати, знаете, что такое мезонин? Это когда на дом как бы ставят еще один домик. Получается второй этаж, только поменьше.

Наш мезонин состоял всего из одной комнатки. Стены были обшиты некрашеными досками. Доски потрескались от старости, и в щелях жил разный мелкий народ: какие-то пауки, жуки, сверчки. Мы их не боялись и не обижали. На стенах висело мое деревянное оружие и Виталькины картины. Не все, конечно, а самые лучшие. Мне особенно нравились “Летучий голландец” и “Восстание гладиаторов”.

“Летучий голландец” – это темный таинственный фрегат с изодранными парусами. В самую большую дыру на парусе проглядывает острый уголок месяца. На корме слабо горит желтый огонек.

“Гладиаторы” были еще лучше. Они восстали прямо на арене римского цирка и теперь гнали по мраморным лестницам богачей в длиннополых одеждах.

А еще на стене висели карманные большущие часы тети Валиного деда. Это была серебряная “луковица” старинной французской фирмы. Тетя Валя дала их нам, чтобы мы научились ценить минуты. Но трогать их она не разрешала и заводила сама.

В комнате было два окна: одно на юг, другое на север. В южное окно целые дни светило веселое солнце, а в северном окошке по вечерам висела посреди светлого неба большая звезда, названия которой мы не знали.

Иногда заглядывала розовая ноздреватая луна.

Мы разглядывали луну в маленький медный телескоп, который тоже достался тете Вале от деда. Раньше, давным-давно, в такие телескопы наблюдали планеты гимназисты.

Несмотря на древний возраст, телескоп работал исправно. Луна в нем казалась громадным румяным караваем. Близким-близким. Хоть рукой трогай. И у нас замирало дыхание.

...Стоит мне прикрыть глаза, и я вспоминаю все точно-точно. Даже не вспоминаю, а будто опять оказываюсь в мезонине.

Там полумрак. Телескоп стоит на подоконнике, а мы с Виталькой сидим перед ним на корточках. В сумраке за нашими спинами шуршат и шелестят в щелях и под рисунками на стенах наши жуки и сверч-

ки. От телескопа кислотовато пахнет старой медью. Виталька дышит негромко и часто. Он смотрит в окуляр, а я рядышком – щека к щеке – жду очереди. Виталькины отросшие волосы щекочут мне висок.

Вдруг Виталька шепотом говорит:

– А вот эти... гимназисты... Неужели они тоже планету изучали?

– Конечно.

– Это же давным-давно... Даже непонятно. Тогда даже электричества не было.

– Ну и что? А телескоп Галилей придумал. Это еще давнее... Ты, Виталька, целый час уже глядишь, ну-ка пусти...

Он послушно убирает голову, и я придвигаю глаз к окуляру.

...Чужой, до ужаса таинственный мир рывком приближается вплотную. Выпуклая пустыня в каменных кольцах и воронках... Что там? Кто там? Узнаем ли когда-нибудь?

Мы с Виталькой твердо верим, что полеты в космос начнутся скоро. Может быть, завтра. Ведь уже несколько спутников кружат над Землей. Но тайна от этого не становится меньше.

– ...Уже целый час смотришь, – ворчит Виталька.

Я со вздохом отрываюсь от телескопа. Что это? Неужели розовато-золотой ноготок, повисший высоко над чердаками и антеннами, – та самая планета, которая была сейчас почти рядом?

Виталька сидит у окуляра. Я выбираюсь в окошко и, свесив ноги на улицу, сажусь на теплый подоконник. Рядом с телескопом. Его объектив темнеет у моего локтя, словно громадный выпуклый глаз. В глубине этого глаза золотым семечком плавает отражение луны.

Я хитро улыбаюсь и прикрываю объектив ладошкой. Телескоп сердито дергается.

– Ты чего? – спрашивает Виталька.

– Это марсианский корабль пролетел.

– Ты у меня сам сейчас полетишь, – для порядка сообщает Виталька. – На планету Земля. Хочешь?

– Не-а. Мне здесь хорошо... Смотри, Виталька, самоходка идет. Может, “Тобольск”?

За темными крышами, пихтами и тополями, на светлой излучине появляется силуэт судна с тремя цветными огоньками.

Виталька торопливо выбирается из комнаты и садится рядом со мной. Снимает с подставки телескоп и берет его как подзорную трубу. Мы часто так делаем, когда хотим поглядеть, что вокруг нового на земле. Правда, в телескопе все вверх ногами, но это даже интереснее.

С полминуты Виталька смотрит в окуляр, как адмирал Нельсон из фильма “Леди Гамильтон”. Потом разочарованно говорит:

– Эх ты, “самоходка”. Буксир идет. Моряк – с печки бряк...

Надо бы Витальку за такие слова пихнуть в комнату, сесть на него верхом и натереть ладонями уши. Но, во-первых, неизвестно, получится ли. Во-вторых, мне слегка неловко: у меня-то мама в двух кварталах отсюда, а у него уже целый месяц в дальних краях. А я: “Тобольск” идет...”

Чтобы Виталька не заскучал, я завожу разговор:

– На Луне людей точно нет. А вот на Марсе... Если есть...

– Ну и что? – говорит Виталька.

– Если есть... Значит, мальчишки тоже есть?

– Ну... наверно... Ну конечно.

– А играют они в солдатиков?

Глава третья

Солдатики – это была наша любимая игра. Мы ее затеяли в то лето, когда подружились. А через два года у нас в больших коробках из-под обуви накопились громадные армии – тысячи три пехотинцев, конников, артиллеристов и разведчиков. Храбрые солдаты ростом с мизинец. Мы рисовали их на картоне и вырезали маникюрными ножницами.

Вернее, рисовал Виталька. Он уже тогда был почти настоящий художник. И главное, он придумывал здорово! Столько разноцветных мундиров, шлемов с перьями, барабанов, знамен...

Зато я изготовил всю артиллерию для обеих армий. Тетя Валя отдавала нам катушки от ниток, и они сразу превращались в оружейные стволы и колеса. Стреляли пушки горохом, сухой рябиной и стеклянными шариками от бус, которые тоже отдала тетя Валя. Бусинки считались тяжелыми, особо опасными снарядами.

Когда за окном моросил дождик и улица не манила, мы устраивали на полу поле сражения. Развертывали широким фронтом конный строй драгунских и гусарских полков, рассаживали по укромным

уголкам разведчиков-наблюдателей, строили в каре разноцветных пехотинцев и егерей. Ставили батареи. У каждой пушки укладывали в пирамиду ядра, натягивали на стволы боевые резинки...

Артиллерия безжалостно косила картонные войска, и приходилось для защиты возводить брустверы, ставить редуты и бастионы.

А однажды Виталька укрыл свою армию за высоченной стеной из ватмана. Стена была разрисована под кирпич и выглядела совершенно непрошибаемой крепостью.

Мои разукрашенные генералы в малиновых и голубых мундирах приуныли вместе со мной, а потом устроили военный совет, укрывшись от вражеского огня за перевернутой табуреткой (Виталькина артиллерия вела из бойниц методическую стрельбу). Через пять минут мы сказали противнику:

– Ха-ха! Нам не страшен серый волк!

Укрепили колеса на подставках – так, что стволы оказались задранными вверх, – и открыли мортирную стрельбу. Навесом! Ядра сначала летели “в небо”, а потом сыпались на головы врага. За крепостной стеной началась паника. Падая в гущу солдат, снаряды отскакивали от пола и рикошетом обязательно сшибали кого-нибудь.

Главнокомандующий Виталька вступил в переговоры и обвинил нас в нарушении благородных правил ведения войны. Он придрался к тому, что наши ядра отскакивают от потолка и это делает их удары сильнее.

– Вот и хорошо! – беспощадно сказал я. – Это нам как раз и надо.

– А не имеешь права. Если по правде, то никакого твердого неба нет, значит, снаряды отскакивать не могут.

– А мы в старинную войну играем. Тогда еще люди не знали, что твердого неба не бывает. Они, наоборот, говорили: “Небесная твердь”!

– Ну и что! На самом-то деле тверди и тогда не было, – разбил мои хитрости Виталька.

Я не знал, что сказать, и поэтому брякнул:

– Откуда ты знаешь? Может, была. Никто ведь не летал, не проверял!

Виталька поморгал. Видно, не мог придумать, что возразить. Потом нахально заявил:

– Откуда ты взял, что не летали? Может, летали!

– Ха-ха-ха! – сказал я. – На чем?

– Хе-хе-хе, – мрачно ответил Виталька, понимая, что проиграл спор. – На коврах-самолетах.

Я сочувственно посмотрел на него и вздохнул.

Если бы мы знали тогда...

Но мы ничего еще не знали, нас волновало сражение.

– Убирай стену, тогда опущу пушки, – предложил я.

– Фигушки-фиг! – изящно ответил фельдмаршал Городецкий и стремительно перестроил войска в длинные колонны с большими интервалами. Потери его сразу уменьшились. Потом он открыл крепостные ворота и вывел в атаку кирасир в панцирях из фольги.

Чтобы уберечь от разгрома левый фланг, я спешно кинулся строить редут из костяшек домино...

Вот так мы и воевали.

Пол в мезонине сколочен был из могучих плах какого-то нездешнего дерева. От времени мягкая древесина источилась и выветрилась, и сверху осталось лишь переплетение твердых жил. Ползать на четвереньках по ним было больно. Однако в боевом азарте мы не думали о себе. Меняя позиции, кидаясь от пехоты к пушкам, от фланга к флангу, мы всеми суставами грохались об пол – так, что внизу у тети Вали звенел в буфете старинный хрусталь, а на наших локтях и коленках глубоко отпечатывались красные древесные узоры.

Эти отпечатки и ссадины мы считали боевыми ранениями и даже гордились ими. А тетя Валя, разглядывая нас после очередного сражения, покачивала головой и жалостливо щурилась. Женщины всегда жалеют тех, кто пострадал в боях. Кроме того, я думаю, тетя Валя жалела свои хрупкие рюмки и графинчики. И однажды она сказала:

– Уважаемые полководцы! Я хочу спасти вас от увечий, а дом от разрушения.

Мы переглянулись. Неужели мы довели бедную тетю Валю до такого отчаяния, что она решила нас выселить с вышки?

– В чулане у меня есть ковер, – сообщила тетя Валя. – Конечно, не очень новый, но... Если выбить из него пыль, почистить, можно постелить у вас наверху. Тогда будет гораздо меньше грохота и синяков.

Ковер? Ура! На ковре можно устраивать соревнования по классической борьбе (и по неклассической тоже). Можно просто лежать рядышком друг с другом и болтать про все на свете. Можно вытащить ковер на крышу и загорать там, не боясь расцарапать пузо о кровельные листы. Можно сделать из него чум или кибитку и жить, будто кочевники!

Это взрослые думают, что ковры нужны только, чтобы вешать на стенку или класть на пол. А мы-то знали настоящую цену вещам!

Ковер, свернутый в большую трубу, стоял в самом углу чулана. Мы, конечно, бывали здесь не раз, но не обращали на него внимания: он был полузадавлен всякой рухлядью. Пока мы добрались до ковра, я успел поцарапаться о сломанную птичью клетку, а Витальке на голову упал дырявый шелковый абажур.

“Труба” выглядела внушительно. Я похлопал по плетеной изнанке ковровой материи. Она была жесткая и шероховатая.

– Тяжеленный, наверно, – вздохнул я.

– Это точно. Свалится – придавит, как мышат, – “утешил” Виталька. – Ну, взялись...

Ковер оказался поразительно легким.

– Как из пенопласта! – изумленно сказал Виталька.

Мы без труда выволокли ковер в коридор. Потом взвалили на плечи и торжественно понесли на двор. Виталька шагал впереди, и рыжий шелковый абажур качался на его голове, будто колокол.

– Выбейте пыль как следует, – сказала вслед тетя Валя.

Мы развернули ковер на траве. Он был небольшой: длиной метра три, а шириной около двух. Грязно-серый. Пахло от него кладовкой, плесенью и старыми мешками.

– Жуть, – сказал Виталька и выдернул у забора могучий стебель прошлогоднего репейника. А я отыскал у крыльца палку от швабры.

Мы врезали по ковру с двух сторон, и пыль поднялась, словно дым над вулканом. Ковер пружинил и подпрыгивал, как живой. Мы чихали, хохотали, а тетя Валя с крыльца уговаривала нас пылить не так сильно, иначе соседи вызовут пожарную машину.

Наконец мы выдохлись. Прочихались. Ветерок унес пыльное облако. И тогда мы разглядели узор на ковре. Ну, узор как узор. Ничего особенного. Какие-то зубчатые треугольники по краям и угловатые загогулины, а в середине – два больших квадрата, положенных друг на друга так, что получилась восьмиугольная звезда. А в этой звезде была другая, похожая на шестерню. Ковер после чистки остался серым, а рисунок был красновато-коричневый, выцветший и расплывчатый. Чуланный запах мы выбили из ковра не до конца. А ворс, там, где он не вытерся от старости, стал после наших ударов ершистым и колючим на вид.

Не все ли равно! Мы так устали! Мы посмотрели друг на друга и разом бухнулись на ковер.

Я падал, зажмурившись. Поэтому первое ощущение было особенно удивительным. Казалось, я упал не на старый ковер. На что-то другое – мягкое, шелковистое, теплое. Живое.

Я изумленно открыл глаза и сел. Мои ладони скользили по ковровой щетине, которая выглядела жесткой и кусачей. А казалось, что я глажу ласкового зверя с короткой, но пушистой шерстью. Виталька сидел на корточках и обалдело смотрел на меня.

Я ему ничего не сказал. Я лег ничком и прижался к теплому ковру голыми руками, ногами, щекой. Я купался в этой ласковости. И вдруг почувствовал, что от ковра пахнет не только плесенью и мышами. Пробивался запах чего-то незнакомого, южного, загадочного. Словно кто-то втер в ковровую ткань семена заморских трав.

Вздохнул я и открыл глаза. И увидел, что Виталька лежит, как и я. Носом ко мне.

– Вот это да, – сказал он, улыбаясь и не отрывая щеки от ковра.

Я промолчал, потому что в самом деле “вот это да”.

– Наверно, его тети Валин дед из какой-нибудь Персии привез, – проговорил Виталька. – Тетя Валя говорила, что дед много путешествовал, когда молодой был.

– Наверно, его делали старые мастера, а теперь этот секрет утерян, – сказал я.

– Наверно... – сказал Виталька.

Мы медленно перевернулись на спину.

– А тетя Валя? – спросил я. – Разве она не знала, что он... такой?.. В чулан запихнула.

– Может, знала, да забыла, – откликнулся Виталька. – Она же... ну, в общем, немолодая уже. Пожилые люди про многое забывают.

– Память у нее хорошая, – заступился я.

– Ну, хорошая... А может, она и не понимала, какой это ковер. Она ведь на нем не валялась, как мы.

– Почему? – удивился я.

Виталька хмыкнул:

– А ты видел ее фотокарточку, когда она девчонкой была? Платье чуть не до пяток, кружева всякие, бант на спине, ботинки высоченные с пуговицами. Попробуй поваляйся.

Я пожалел тетю Валью, которая лишена была такого удовольствия, сладко вытянулся на ковре и опять погладил его.

– Как живой, да? А мы его, бедного, палками...

– Ничего, – утешил Виталька. – Зато чистый стал... А мы с тобой – наоборот.

Он согнул потемневшую от пыли руку и подул на нее. А я увидел на его локте красную капельку.

– Смотри, поцарапался, – сказал я.

Виталька улыбнулся и тронул каплю мизинцем. Она разломилась пополам, выпустила прозрачные крылышки и улетела в густую траву.

– Божья коровка, улети на небо... – запоздало сказал Виталька.

– А по правде они могут на небо улететь? Высоко, как самолеты? – спросил я.

– Не-а, – сказал Виталька. – Им зачем? Они же травяные жители.

– Ну а если захочет? Вдруг захочет?

– Она не захочет, – сказал Виталька. – Это ты, может, захочешь, потому что ты человек. А она же просто так, божья коровка.

Я лежал, раскинув руки. Левая ладонь оказалась в траве, и между пальцами попал высокий стебелек одуванчика. Я машинально теребил его, а сам думал вот о чем: если бы я даже был божьей коровкой, все равно попробовал бы лететь выше и выше. Конечно, там на высоте давление другое, холод, воздуха мало, но я летел бы, пока хватит дыхания.

Я представил, что вот так, лежа на спине, начинаю медленно подниматься к одинокому облаку, насквозь просвеченному июльским солнцем.

Показалось мне, что шевельнулась под ковром земля, а все пространство слегка сдвинулось. Так бывает, когда голова на миг закружится. Стебель одуванчика, который я держал, скользнул вниз, пушистая головка проскочила между пальцами, растеряв семена. Потом я увидел, что уходит вниз разохшаяся бочка, стоявшая неподалеку.

– Мама! – заорал я и бухнулся в траву.

Крепко бухнулся. Потому что от ковра до земли было уже метра полтора...

Даже сейчас, когда я вспоминаю тот случай, мне делается неловко. Ведь что ни говори, я испугался и бросил Витальку. И слегка утешает меня лишь то, что Виталька поступил так же: заорал и плюхнулся на землю. Только с другого края ковра.

Мы сидели в примятой траве и перепуганно таращились друг на друга.

– Ты чего? – сказал Виталька.

– Чего “ты чего”? – сказал я.

– Как это ты? – спросил он.

– Я никак. Я ничего, – ответил я, потому что понял наконец: Виталька думает, что это мои шуточки.

Ковер плавно, как большой бумажный лист, опустился между нами. Я икнул и сказал:

– Это он.

Виталька задумчиво осмотрелся, зачем-то заглянул под ковер и опять вопросительно уставился на меня. В моей голове стремительно прыгали всякие догадки и фантастические мысли: “Может, было незаметное землетрясение и нас плавно трянуло?.. Может, у нас обоих сон или гипноз?.. Может... Может...”

А что “может”, в конце концов?!

Я опять икнул и спросил Витальку:

– Попробуем?

– Н-ну... давай... – сказал он без восторга.

Мы осторожно, как на горячую плиту, сели на ковер.

– Н-не поднимается, – сообщил Виталька.

– Значит, показалось.

– Обоим?

Я икнул третий раз и потер ушибленное место. Ничего себе “показалось”.

– Ты чего-нибудь делал, когда он... это самое? – шепотом спросил Виталька.

– Ничего я не делал. Я о нем даже и не думал совсем.

– А о чем думал? – требовательно спросил Виталька.

– Сейчас... Ну, кажется, о божьей коровке... Долетит она до облака или нет.

– Значит, о полете, – обрадованно сказал Виталька. – Значит, так... Попробуем! – Он прищурился и скомандовал: – Вперед! Полетели!

Ковер не шелохнулся.

– Вперед! Старт! – повторил Виталька и даже поерзал, словно подгонял ковер.

Тот не двигался.

– Хочу подняться до крыши, – сказал Виталька почти жалобно.

И мне захотелось. Страшновато было, но все равно захотелось, чтобы ковер шевельнулся, чтобы стена дома плавно заскользила вниз и узорчатый карниз под крышей оказался у наших глаз.

И тогда... Тогда это случилось!

Нас приподняла ласковая сила, и мы увидели перед собой кромку железной крыши и старое деревянное кружево карниза: хрупкие завитушки и зубцы с круглыми отверстиями. Из одного отверстия, как из иллюминатора, озадаченно глядел на нас воробей.

В первый миг я хотел повторить старый трюк: завопить и свалиться. Виталька ухватил меня за майку.

– Стой! Высоко...

Я замер. Ковер медленно опускался.

– Вот так, – прошептал Виталька. – Нельзя же каждый раз прыгать. Привыкать надо.

Под эти слова мы приземлились.

– Если бы знать, отчего он летает, – все еще шепотом сказал Виталька. И опять потребовал: – Ну, давай! Вверх!

А я догадался... Нет, в самом деле, я, кажется, понял!

– Не надо командовать! Надо просто захотеть. Понимаешь, надо просто представить, что летишь... Подожди...

Я глянул на заросли полыни и репейника у забора и подумал, что вот сейчас приподнимемся и заскользим над самой травой к этим зарослям... И мы заскользили!

Я мысленно сделал разворот у забора и представил бреющий полет по кругу. И ковер-самолет послушался!

“Скорей”, – не скомандовал, а пожелал я. Зашелестел встречный ветер, мелькнула поленница, крыльцо, сарай, опять поленница... Потом я опустился посреди двора. Сердце бухало, как барабан. Виталька сидел, вцепившись в мое плечо.

– Попробуй сам, – великодушно сказал я. – Знаешь как? Подумай, что летишь. Как будто сам летишь, вот и все.

– Ага, – торопливо сказал он. – Я... сейчас.

Нас опять мягко приподняло, ковер наискосок пересек двор, мягко взмыл над забором и пошел над улицей. Я заметил, что по дороге мчится под нами квадратная тень.

– Ты что? Увидят! – крикнул я.

Мы опять влетели во двор и плавно сели на прежнее место.

– Слушается... – с тихим восторгом сказал Виталька.

– “Слушается”! – упрекнул я. – Чего тебя на улицу понесло? Заметят же...

Виталька заулыбался и пожал плечами.

– Пускай. Все равно это сон...

Он завалился на спину и, мечтательно болтая в воздухе ногами, проговорил со сладким вздохом:

– Хороший сон. Подольше бы не просыпаться.

Я поглядел на его отросшие вихры, ухватил белобрысую прядь и довольно беспощадно дернул.

– У-ы-а! – взревел Виталька. – Ты чего, жабомыра с повидлом?!

– Видишь, не спишь, – сказал я.

И вдруг испугался: а если это я сплю?

– Ну-ка, щипни.

Виталька отплатил мне полновесным щипком выше локтя. Я заорал не только от боли, но и от радости: не сплю!

И, обалдев от счастья, мы облапили друг друга, покатались по ковру, выколачивая из него локтями и пятками остатки пыли. Потом разом спохватились: а вдруг ему больно? Притихли. Погладили ковер-самолет, как большую собаку.

Виталька задумчиво потрогал вихор, за который я его дернул, и сказал:

– Значит, это по правде бывает? Не во сне?

Глава четвертая

Мы постелили ковер у себя на вышке между топчанами. Затем испугались: а вдруг он больше не станет летать? Сели и попробовали подняться к потолку.

Поднялись! Ура!

Тетя Валя стучала в потолок:

– Воины! Обед остывает!

Увидев нас, она ахнула, велела набрать воды в корыто и отмывать друг друга. Мы безропотно подчинились.

За столом в этот раз мы вели себя так примерно, что тетя Валя заволновалась: может быть, мы в пыли наглотались микробов и скоропостижно заболели? Потрогала наши лбы, успокоилась и велела после обеда отправляться на рынок за картошкой. Это было самое нелюбимое дело – тащить через весь город, по жаре тяжелую корзину. Однако мы с радостью ухватились за него.

Лишь бы скорее бежало время!

Лишь бы скорее пришла ночь!

Только ночью ковер-самолет можно испытать как следует. А если днем – представляете, какой шум поднимется в городе!

Конечно, мы не ждали полной темноты. В середине лета ночи у нас серебристые, словно в воздухе рассеяна алюминиевая пыль. Иногда можно даже книжку читать, особенно если буквы крупные. Однако ночью пустеют улицы и меньше риска, что нас увидят.

Мы принесли картошку. Послонились по двору. Потом испугались: не потерял ли ковер свою волшебную силу? Побежали на вышку – проверять. Ковер добросовестно поднял нас к потолку. Мы опять слегка обалдели и на цыпочках спустились по лестнице.

Сели играть в шахматы. Не игралось.

Пошли в соседний переулок, где ребята играли в футбол. Но наши ноги нас не слушались, и через пять минут девятиклассник Клим, мой сосед, перевел нас в запасные.

Мы пошли на реку, искупались. Но и в этом не было сегодня большой радости.

Да что такое случилось с временем?! Застряло оно, что ли? Просто издевательство какое-то!

Мы улеглись в постели еще до захода солнца и этим снова напугали тетю Валю. Она опять принялась щупать наши лбы. Пришлось сочинить, что мы очень устали, играя в футбол. Тетя Валя покачала головой и ушла.

– Как же все-таки он устроен? – шепотом сказал Виталька.

Он уже тысячный раз об этом спрашивал. И я, по правде сказать, рассердился:

– Как да как! Самое главное, что летает!

Виталька не обратил внимания на мою сердитость.

– Нам всю жизнь объясняли, что сказка – это сказка. Значит, ковер-самолет – не сказка?

– Нет, сказка. Только по правде, – возразил я.

– А может, это такой аппарат? Помнишь, в книжке “Тайна желтой звезды”? У ихних жителей такие летательные аппараты были, мыслями управлялись. Мыслелеты! У них эта была изобретена... как ее... ну, против тяжести!

– Антигравитация, – вспомнил я мудреное слово. – Ну так это же на той планете! А у нас откуда?

– Может быть, когда-то космонавты с другой звезды прилетели и позабыли. Давным-давно...

Я свесил голову с топчана и посмотрел на ковер.

Коричнево-серый узор. Края потерты. Вон даже суровые нитки изнанки просвечивают через вытершийся ворс. Обыкновенные нитки. Обыкновенный ковер...

– Знаешь, Виталька, не городи чушь. Если бы это было с другой планеты, то уж получше что-нибудь. Думаешь, там дураки? Они бы сиденья сделали, иллюминаторы, кабину...

– А может, им это не надо. Может, на той планете вообще сидений нет!

– Ну ладно. А где установка, чтобы антигравитацию делать? Из шерсти, что ли, она вырабатывается?

– Вот это и есть загадка, – хмуро сказал Виталька. – Это что-то новое для науки... А раз новое, значит, мы должны ученым сообщить. В Академию наук. Чтобы они изучили и разгадали.

Это мне и в голову не приходило! Но Виталька прав: надо писать в Академию. Иначе получится, что мы скрыли важное научное открытие.

– Только тогда уж нам коврика не видать. Заберут, – печально сказал я.

Виталька вздохнул.

– А может быть, никакой тут науки и нет? – неуверенно спросил я. – Обыкновенный сказочный ковер-самолет.

Виталька опять вздохнул.

Вздыхай не вздыхай, а выхода нет.

И все-таки выход нашелся!

– Виталька! А для науки его испытывать будут? Надо же ученым знать, как он летает?

– Конечно!

– А кто будет испытывать?

– Ну кто... Летчики-испытатели.

Я победно сказал:

– Летчики-испытатели умеют самолеты водить. А на коврах они ни разу не летали. Мы-то уже пробовали, а они нет! У них и не получится, они к разным рукояткам привыкли да к педалям!

Виталька приподнялся на локте и смотрел на меня с радостным ожиданием.

– Значит, мы должны испытывать! В конце концов, мы его открыли, значит, мы и должны! А когда как следует испытаем, тогда и расскажем!

Виталька даже подскочил.

– Точно! Мы должны сперва все его свойства изучить! И летать научимся хорошенько. Может, тогда нас и дальше его испытывать возьмут, когда изучать будут!

Эти мысли успокоили нашу совесть. Мы решили, что лето посвятим испытаниям ковра-самолета, а осенью расскажем о нем ученым.

Пока мы спорили и решали, окна слегка потемнели и тети Валина кукушка прокричала внизу одиннадцать раз.

Мы выждали еще полчаса.

Потом осторожно натянули штаны и футболки.

Южное окно мезонина выходило на плоскую крышу задней части дома. Эта крыша стала нашей стартовой площадкой. Мы расстелили на ней ковер-самолет.

Первый старт был неудачным. Ковер сильным толчком поднялся в воздух, боком скользнул к забору и сел на упругие верхушки репейника.

Я скатился в колючки.

– Чего это он? – шепотом спросил Виталька.

– Это ты чего, – сердито сказал я. – Ты куда хотел лететь?

– Через забор, на улицу.

– А я хотел сперва круг по двору сделать! Ковер же не разорвется, чтобы сразу двоим угодить.

Сердиться было глупо, мы это быстро поняли. Просто надо было договориться, чтобы ковром управлял кто-то один.

– Давай ты, – великодушно сказал Виталька. – У тебя пока лучше выходит.

Мы опять уселись на ковре, и я представил, как медленно, плавно скользим мы вдоль забора, мимо крыльца, мимо поленницы. Идем по кругу, постепенно набирая высоту...

Ковер приподнял края, упруго поднял нас и пошел, пошел...

Мы перелетели через забор. Пересекли улицу. Поднялись до высоты печных труб и тихо полетели над огородами.

Я сидел, крепко обхватив за плечи Витальку. Мы молчали. Виталька часто дышал, и под майкой у него быстро-быстро стучало сердце. Ковер мягко прогибался под нами, и мы сидели, как в шелковистом гамаке. Я отпустил Виталькины плечи и подвинулся на край: хотел посмотреть, что под нами. Кромка ковра приподнялась, стала тверже.

– Охраняет. Вот молодец, – шепотом сказал Виталька.

Осторожно-осторожно я сел на краю и спустил ноги. Равновесие не нарушилось. А край ковра совсем затвердел, еще сильнее выгнулся вверх и упруго поддерживал меня под коленками.

Виталька спустил ноги с другой стороны. Опять сказал: “Вот молодчина!” – и погладил ковер. Потом спросил:

– А если вместе сесть?

– Перевернемся.

– Давай тихонечко попробуем.

Он стал осторожно перебираться ко мне и наконец сел рядом. Ковер летел и летел, без всякого крена. Видимо, обычные законы равновесия на него не действовали.

Виталька снова уполз к середине. Встал на четвереньки, потом на колени и наконец поднялся во весь рост. Постоял, балансируя, и весело сказал мне:

– Все нормально. Вставай.

Я добрался до Витальки, ухватился за его футболку и распрямил колени (а они слегка вздрагивали).

Ковер мягко продавливался под босыми ногами, но стоять было можно – летели мы ровно, как по ниточке.

И вдруг я понял, что ковер летит сам по себе! Я давно уже не управлял им. Значит, он может сам? Значит, надо ему только показать направление?

А вдруг ковер-самолет просто заманил нас на себя и теперь унесет в тридевятое царство, за темный лесной горизонт? Я моментально решил сделать разворот! И ковер послушался. В тот же миг.

– Вот умненький, – ласково сказал я и от радости опять обхватил Витальку за плечи.

Мы пролетели рядом с темной пихтой, растущей в незнакомом дворе – так близко, что мохнатая ветка чиркнула меня по плечу. На крутой железной крыше, у печной трубы, сидел кот. Он услышал шорох, увидел нас, взгорбился и зашипел. А внизу, у крыльца, загавкала собака. Но мы уже пролетели. Ощущение полной безопасности радостно захлестнуло меня. Я прибавил скорость, и на этой скорости мы стали круто подниматься над городом.

Зашумел, ударил в грудь встречный воздух, откинул назад наши волосы. Мы покачнулись, но опять крепко встали, держась друг за друга. И снизу, и сверху, и по сторонам была пустота, но она не пугала. Мы сразу и крепко поверили в надежность ковра-самолета. Он был наш друг и не мог нас обмануть.

Мы летели, прошивая светлый ночной воздух. Он лежал пластами – теплыми и остывшими, вперемежку. Мы попадали то будто в нагретую вату, то в продутый осенними сквозняками коридор. А иногда случалось так, что мы двигались словно по пояс в нагретой воде, а локти и шея – в пупырышках от колючей свежести.

Внизу под нами разрастался город с россыпью светящихся квадратиков-окошек, с тонкими бусами фонарей вдоль главных улиц. Они горели, хотя ночь была совсем светлая.

С трех сторон город обнимала широкая река. В ней отражалось серебристое небо и желтоватая заря – она не гасла над северным горизонтом.

Я вдруг подумал, что с земли мы теперь кажемся не больше почтовой марки. И все-таки...

– А если увидят? – прошептал я. – Небо-то вон какое светлое.

– Кто увидит? – откликнулся Виталька. – Улицы пустые.

– Но не совсем же пустые...

– Ну и пусть видят, – беззаботно сказал Виталька. – Подумают, что это марсианская летающая тарелка.

– Четырехугольных тарелок не бывает.

– Это у нас не бывает. А на Марсе?

Мы оба засмеялись. А ковер-самолет уносил нас в светлую высоту, где, как жидкие огоньки, переливались две самые яркие звезды.

Глава пятая

Я проснулся с улыбкой и жалостью. С улыбкой – потому что целую ночь снился чудесный сон про ковер-самолет. А с жалостью – потому что сон кончился.

Пока не забылись все подробности, надо рассказать.

Виталька тихо посапывал, лежа носом к стене. На его заросшем затылке сидел пушистый солнечный зайчик.

Я скрутил в тугую муфту подушку, взвесил ее в руке и прицелился. А для верности левой рукой уперся в пол.

Ладонь легла на что-то шелковистое и удивительно мягкое. Я вздрогнул и уронил подушку. Она упала на шерстяной серовато-коричневый узор.

Ковер лежал на полу между нашими топчанами!

Я, замирая, сполз на него и... захотел подняться до потолка.

Поднялся.

Потом осторожно приземлился на прежнее место.

Значит, сон продолжается?

Не бывает таких снов!

Вот разлохмаченный угол на старом Виталькином одеяле. Вот похожие на клочки папиросной бумаги чешуйки кожи на Виталькином плече, шелушащемся от загара. Вон идет по стене маленький черный жук, и на его круглой спине блестит солнечная точка. Разве во сне увидишь все с такой точностью?

Я лег щекой на ковер и стал смотреть снизу вверх. На Витальку. Чтобы разбудить его взглядом. Но он не будился.

– Да вставай же! – заорал я. – Это не сон! Понимаешь? Это не сон!

Братцы, за что же нам такое счастье привалило?! Мы от радости были готовы обнять всю землю. Мы хотели всем людям делать только хорошее. И сами хотели быть хорошими.

Мы опять напугали тетю Валю, потому что без всякого грохота спустились по лестнице, а потом добровольно вымыли шеи и уши (с мылом!).

После завтрака мы взяли громадный жестяной бидон и отправились в керосиновую лавку. Это был подвиг, на который мы не могли решиться целую неделю.

Притащив керосин, мы побежали ко мне домой и лихо помогли маме провернуть воскресную уборку. Мама тоже слегка растерялась, а потом заявила, что дружба с Виталькой действует на меня облагораживающе. Я захохотал и пихнул Витальку ниже спины. Он сел на меня верхом. Со стены на нас упало жестяное корыто. Мама прогнала нас на улицу.

День только начинался. Мы знали, что это будет чудесный день. Мы не станем теперь торопить время. Вечер все равно придет, и мы опять пустимся в полет!

А до вечера мы будем купаться, гонять в футбол, смотреть по телевизору мультики, пускать с крыши бумажных голубей и носиться с ребятами по заросшим травой переулкам – играть в разведчиков. Жизнь прекрасна!

Для начала мы решили сбегать на речку, окунуться.

И побежали. И повстречали на углу Ветку.

Так ее звали – не Светка, а Ветка. Она, как и я, перешла в четвертый класс, только училась не со мной, а в параллельном. Девчонка как девчонка – невысокая, худая, волосы по ушам пострижены. Обыкновенные такие волосы – не темные, не светлые, прямые, как струнки. На школьных утренниках она часто выступала с танцами. Я к танцам был равнодушен и к девчонкам тоже. Но она нравилась Витальке. Он мне про это не раз говорил.

– Что в ней хорошего? – спрашивал я. – Она даже и не красивая. Курносая, и рот как у лягушки.

– Жабокряк бесхвостый! При чем здесь красота?

Ну и ладно. Мне-то что?

Ветка шагала, опустив голову и поддавая коленками большую клеенчатую сумку. Из сумки, как зеленые хвосты, торчали перья лука. Если бы я шел один, то не остановился бы. Пробормотал бы “здорово”, а то и молча прошел бы. Мы ведь почти не знакомы были. Но Виталька быстро заглянул ей в лицо и сказал:

– Что с тобой?

Ветка остановилась, подняла голову. По щекам у нее тянулись следы от слезинок.

– Что с тобой, Ветка? – опять спросил Виталька, будто у хорошей знакомой, хотя она, может быть, его и не помнила.

Ну и правильно. Раз у человека следы от слез, не все ли равно – знакомый он или нет? Два года назад мы с Виталькой тоже почти не знали друг друга, а он спас меня.

Ветка поглядела на нас, узнала и шепотом сказала:

– Велосипед отобрали.

– Кто?! – сказали мы.

– Да там один... Разиков.

– Из какого класса? – деловито спросил я.

Ветка чуть-чуть улыбнулась большим своим, слегка кошачьим ртом:

– Что вы... Он большой. Старый. Иван Иванович...

– Что за Иван Иванович? – грозно спросил Виталька.

– Ну... человек такой. Раньше он пожарниками командовал, а теперь на пенсии. Ко всем придирается...

Что же это на свете делается? У одних людей счастье, а у других какой-то Иван Иванович Разиков отбирает велосипед! Где же справедливость?

– Почему он отобрал?

– Да я по краешку тротуара проехала, потому что на дороге яма. А он как заорет: “Хулиганка! Правила нарушаешь! А еще девочка! – Схватил за багажник и говорит: – Не отдам, веди родителей!”

– Вот и веди, – сказал я. – Разве они не заступятся?

– Может быть, заступятся, а от мамы все равно попадет. Она не велела на базар на велосипеде ездить.

– А ну, пойдем, – сурово сказал Виталька. – Какое он имеет право!

Ветка послушно повернулась, и мы пошли отстаивать справедливость. Ветка посередине, а мы по краям.

Луковые хвосты шелкали меня по ноге. Я покосился на сумку. Полная и вроде тяжелая.

– Ну-ка, дай сюда.

Ветка удивилась, но отдала. Ого-го! Я перегнулся на один бок. Как она таскает эту тяжесть? И я сразу Ветку зауважал.

Мы дошли до угла, и Ветка вдруг остановилась.

– Вон он, Разиков...

Тощий высокий дядька в старом зеленом пиджаке чинил скамейку у калитки. У него был костлявый лысый череп и хрящеватое лицо.

Мы присели за палисадником.

– Ничего ему не докажешь, – прошептал Виталька. – Помнишь, мы в разведчиков играли, он за Вовкой Рыбиным погнался?

Я помнил.

Ветка растерянно смотрела то на меня, то на Витальку.

– Ничего, – сказал он. – Придумаем. Велосипед он где спрятал?

– Во дворе у крыльца поставил... Туда не проберешься, там такой барбос на цепи...

– Ничего, – опять сказал Виталька. – Сейчас мы тебя проводим, посмотрим, где живешь. А через час машина будет у тебя.

– А как?

– Слушай, – слегка торжественно произнес Виталька. – Вот его зовут Олег Лапников. А меня – Виталий Городецкий. Если мы что-нибудь обещаем, значит, не бойся.

Ветка жила недалеко, в небольшом доме с палисадником, на улице Челюскинцев. Мы дотащили ей сумку и побежали к себе.

Я сразу понял, что задумал Виталька.

– Увидят, – на ходу сказал я.

– Мы незаметно пролетим, под самыми заборами. А потом только разик взлетим, спикируем, схватим велик – и айда!

– А барбос? Он как прыгнет да как схватит!

Виталька перешел с бега на быстрый шаг.

– Боишься? – спросил он.

– Мозги у тебя из гороха, – обиделся я. – Кто боится? Просто все обдумать надо.

– Мы из веревки лассо сделаем. На руль накинem и подтянем. Пускай барбос прыгает.

– Гавкать будет.

– Пускай гавкает.

– Хозяин прибежит.

– Ну и что?

– Что “ну и что”? Крик подымет! А потом жаловаться побежит.

– Кому? – злорадно спросил Виталька. – И что он скажет? “Прилетели два хулигана, схватили велосипед...” – “На чем прилетели?” – “На ковре-самолете!” Ему скажут: “Иди, дядя, в больницу, проверься!”

Я засмеялся. В самом деле, кто поверит?

У нас на вышке среди разного имущества хранился бельевой шнур. Мы вытащили его из-под лежака и сделали на конце петлю. Потом вынесли на крышу ковер и расстелили.

– Я поведу. Я знаю как, – прошептал Виталька.

– Давай.

Мы спланировали во двор, перемахнули через забор в соседний огород и повисли за кустами смородины. Огляделись. Никого поблизости не увидели. Мы заскользили в тени, снова “перепрыгнули” через изгородь. Потом заметили, что в соседнем переулке тоже никого нет, и понеслись по нему вдоль длинного забора, у самой земли, так, что трава шелестела под ковром.

И опять – дворы, огороды, тень заборов и шорох кустов.

Кое-где на грядах возились хозяйки, но они не смотрели по сторонам. Один раз какой-то трехлетний мальчишка радостно завопил:

– Мама, смотри!

Мы, конечно, не стали ждать, когда мама посмотрит.

Двор Ивана Ивановича Разикова был обширный. Дом стоял посреди двора. От крыльца до калитки тянулась проволока, на нее была надета цепь, а на цепи сидел грязно-серый пес громадных размеров и свирепого вида.

Мы скользнули в дальний угол и притаились в тени сарая.

Разикова не было видно. У крыльца стоял голубой мальчишечий велосипед-подросток. Виталька приготовил веревку.

– Поехали!

Мы взмыли на высоту и повисли рядом с крышей, над велосипедом. Тень от ковра упала на пса. Он поднял голову, присел, молча прыгнул почти на метр, шлепнулся и зашелся булькающим лаем.

– Тявкой, тявкой, – хладнокровно сказал Виталька.

Он опустил веревочную петлю к рулю и дернул. Петля затянулась на изогнутой рукоятке. Пес бе-
сился.

Виталька стал подтягивать велосипед. Я вдруг испугался, что ковер не удержит лишнюю тяжесть,
но он удержал. Даже не шелохнулся.

От калитки, махая молотком, бежал Иван Иванович.

– Помоги, – сказал Виталька.

Я тоже вцепился в веревку. Мы медленно полетели над двором. Велосипед, вертясь на веревке, дви-
гался в метре от земли.

Разиков хотел ухватить его за колесо, но промахнулся. Только тогда он понял, что происходит неве-
роятное.

– Ай! – громко сказал он и сел, раскинув тощие ноги в шлепанцах.

Мы подтянули велосипед и уложили его на ковер. Иван Иванович вдруг задребезжал мелким смехом
и погрозил нам пальцем. А потом бросил в нас молоток.

Молоток упал обратно и стукнул его по ноге.

Иван Иванович Разиков тихонько завыл, держась за шлепанец. Так мы его и оставили. Нырнули в со-
седний двор и прежней дорогой помчались к дому.

Едва мы опустились на своем дворе, как на крыльцо вышла тетя Валя.

– Мальчики! Что вы делаете с ковром?

– Решили его почистить, – торопливо соврал Виталька и зашлепал по ковру ладошками.

– А откуда велосипед?

– Это одной девочки, она просила починить.

– Это прекрасно, – заметила тетя Валя. – Но зачем грязный велосипед укладывать на ковер? Осо-
бенно если вы его чистите...

Мы убрали ковер-самолет на вышку. Затем для вида повозились у велосипеда и вывели его за ка-
литку. Виталька сел в седло, а я на раму. Через три минуты мы были на улице Челюскинцев.

– Вет-ка-а!

Она открыла окно и выпрыгнула в палисадник.

– Ой...

Глаза у нее сделались счастливые. Блестящие такие, зеленые глаза. И заулыбалась она так хорошо.
Почему это я решил, что у нее лягушачий рот? Нисколько.

– Как это вы сделали? – тихонько спросила она.

Виталька вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами: “Как хочешь”.

– Никому не скажешь? – спросил он у Ветки. – Это такая тайна...

Если бы Ветка начала обещать изо всех сил и давать всякие клятвы, мы бы что-нибудь наврали. Но
она просто сказала:

– Что вы! Я не болтливая.

– Ладно, – решил Виталька. – Пойдем.

И стало нас трое.

Глава шестая

Когда я начал писать эту историю, меня так и подмывало что-нибудь сочинить. Рассказать, напри-
мер, что однажды мы с Виталькой поссорились и ковер перестал нас понимать. Можно было даже при-
думать, что, поссорившись, мы разрезали ковер пополам – каждый для себя. И он, разумеется, не стал
летать. И мы поняли, что из-за глупой ссоры погубили сказку своего детства. И конечно, помирились, но
было уже поздно...

Это был бы поучительный конец.

Но это была бы неправда.

Мы с Виталькой никогда не ругались. Ну, в крайнем случае поспорим немного, обзовем друг друга
жабохвостами или еще как-нибудь. Разве это ссора?

И с Веткой мы ни разу не поссорились.

Она оказалась отличной девчонкой. С виду такая тихая, даже испуганная немного, а на самом деле
ничуть не боязливая и характер твердый.

...В тот день мы показали ей ковер-самолет, а в полночь прилетели за ней.

– Ой, я так волнуюсь, – шепотом сказала она, когда выбралась из окна.

– Не пугайся, – успокоил Виталька. – Мы сперва не будем высоко летать, а потом привыкнешь.

Она махнула рукой.

– Я не про это. Вдруг мама проснется...

Мы засмеялись: не полета боится, а мамы.

Она посмотрела на нас по очереди, поворачивая по-птичьи голову на тонкой шее, и тоже засмеялась.

Мы взлетели от Веткиного палисадника прямо в ясное небо. Высоко! И опять мчался мимо нас шелестящий воздух – то теплый-теплый, то колючий от свежести. И опять разворачивался внизу город, опоясанный светлой рекой. Черные кораблики мигали красными и зелеными огоньками. На телевизионной вышке горели большие рубиновые огни. А в домах, где еще не спали, и на улицах – огни неяркие, желтые.

Мы остановили полет. Воздух перестал шуметь и трепать наши рубашки. Ласковый и мягкий, он окутывал нас и согревал. И было тихо-тихо.

Мы взяли Ветку за горячие ладошки, и она встала рядом с нами.

– Какая красивая земля, – сказала она. – И небо. Небо даже лучше...

За рекой, над темным туманом лесного горизонта, светила желтая зорька. Над ней повисло прозрачное облако, а чуть в стороне от него – еле видный, похожий на серебряную нитку месяц. А выше, где небо было синевато-серым, полыхали две белые звезды.

Мы медленно-медленно поплыли вверх.

– А я учила для праздника танец “Звездочка”, – вдруг шепотом сказала Ветка. – Знаете, почему я вспомнила? Потому что эти звезды увидела.

– А ты станцуй, – серьезно сказал Виталька. – Если “Звездочка”, значит, это танец для неба.

Она не стала по-девчоночьи отнекиваться и стесняться. Только сказала:

– Как же без музыки?

– А ты вспомни, – посоветовал я, – и представь, будто играет.

– Я-то представлю... А вы?

– Мы тоже.

– А... вы это по правде? Смеяться не будете?

– Ты что! – сказал Виталька.

Мы отодвинулись на самый край ковра-самолета. Ветка встала на другом краю. Он сразу же заботливо приподнялся.

Конечно, ей было страшно с непривычки на такой высоте. Пока мы держали ее за руки – еще ничего, а сейчас она одна оказалась среди пустоты. Огоньки да небо... Но она была храбрая девчонка. И может быть, она в самом деле представила себя звездой. Или ей подумалось, что это сон, а во сне страх высоты иногда пропадает.

Сначала Ветка постояла, обняв себя за плечи, а потом вскинула руки и закружилась. Я не знаю, хорошо ли она танцевала. И музыки никакой я представить не мог. Ветка была в желтом платье, и казалось, что громадная светлая бабочка трепещет над кромкой ковра-самолета...

Ну, бабочка так бабочка. Все равно я на всю жизнь запомнил, как в негаснущем небе летней ночи, высоко-высоко над уснувшей землей, танцует девчонка...

Слегка запыхавшись, она села рядом с нами.

– Ты молодец, – сказал Виталька.

И я тоже сказал, что Ветка молодец. И было заметно, что она обрадовалась. Она отдышалась и весело заговорила:

– Если я буду большая и сделаюсь балериной, всем буду рассказывать, что танцевала “Звездочку” в настоящем небе... Ой! – Она испуганно посмотрела на меня и на Витальку. – Не буду, честное пионерское. Я только на минутку забыла, что это тайна.

– Рассказывай, – разрешил Виталька. – Тогда уже будет можно... А ты правда будешь балериной?

Ветка шевельнула остреньким плечом.

– Я понимаю: про это почти все девчонки мечтают. Только это ведь очень трудно. Это на сцене кажется, что легко и красиво, а на самом деле такая работа... Каждый день... Я не знаю, получится ли...

– Получится! – сказал Виталька.

Мы летали каждую ночь. Иногда с Веткой, иногда одни. Ветка все-таки боялась, что дома узнают про ее ночные приключения. Отец у нее был спокойный и добрый, а мамаша – сердитая. Даже не верилось, что Ветка – дочь этой крикливой краснолицей тети.

Мы понимали, что Ветке может крепко влететь, и поэтому не каждый раз брали ее в полеты.

Не думайте, что мы просто катались над городом, на высоте. Мы испытывали ковер-самолет. Впервые, на быстроту. Мы ложились ничком, крепко хватались за передний край ковра и наращивали скорость. Скорей, скорей, скорей! Встречный воздух становился обжигающим и холодным. Он пытался со-

драть с нас одежду, а самих нас оторвать от ковра и сбросить на землю. Виталька называл такую быстроту “ухоотрывательная скорость”.

Долго с такой скоростью мы лететь не могли – захлебывались ветром и уставали. Начинали болеть уши.

Один раз мы предприняли высотный полет. Натянули свитера, лыжные брюки, зимние шапки и рванули с крыши прямо в зенит.

Сначала было все, как раньше. Но мы уходили выше и выше. Мы не боялись, потому что верили в полную надежность ковра-самолета, но все же сердце стучало у меня чаще и чаще. Может быть, потому, что воздух становился реже?

Не знаю, высоко ли мы поднялись. Ведь приборов у нас не было. Город с высоты выглядел почти как и в прежних полетах, только огни телевышки ушли далеко вниз и смешались с другими огоньками. Горизонт сделался совсем расплывчатым и начал выгибаться вверх, словно край громадной чаши. Над этим туманным краем невозмутимо висел тонкий месяц, такой же, как всегда.

Стало трудно дышать, и воздух сделался холодным, даже зимой запахло. Ледяной холод стал просачиваться сквозь свитера. Несколько минут мы еще упрямо летели вверх, потом Виталька выдохнул:

– Хватит... Ковру-то что! Он, наверно, и до Луны долетит, а мы...

– Если бы высотные скафандры достать... Тогда хоть в космос... – пробормотал я и стукнул зубами.

– Где их взять...

Высотный скафандр – не маскарадный костюм. Из картона не склеишь. Мы это понимали.

Ну что же, ковер был не виноват. Мы сами не могли дальше подниматься. Даже у летчиков есть свой потолок.

И мы круто пошли вниз: в теплый воздух, к ласковым деревьям, к огонькам в домах, к доброй земле, без которой мы не могли жить...

Несколько раз мы встречали в небе восходы.

Горизонт был размытым и сливался с небом, по краям которого лежали слоистые облака. Они сначала были светло-серыми и сизыми, а потом делались разноцветными – золотистыми, оранжевыми, бордовыми. А некоторые, наоборот, темнели и становились густо-лиловыми. Потом из-за самого нижнего облачного слоя вырастала малиновая горбушка солнца. Она быстро светлела, делалась ослепительной и выбрасывала в середину неба прямые белые лучи. И незаметные облака в зените сразу наливались солнечным светом.

И к нам прилетали лучи.

– Ура! – кричали мы, а потом Виталька вскакивал и начинал петь.

Он сам тут же придумывал песню:

Мы летаем над городом,
и никто нас не достанет!
Потому что мы летаем выше всех!
Да здравствует солнце,
Потому что мы его увидели
самыми первыми!
Мы летучие бродяги,
потому что умеем догонять ветер!
У нас уже солнце,
а в городе еще темно!
А здесь уже утро!

Город и в самом деле еще спал в предрассветных сумерках. Лучи не касались крыш, и даже высокая колокольня была в тени.

А у нас было солнце!

Виталька, оранжевый от лучей и загара, стоял на краю ковра, махал руками и пел свою песню.

Один раз я подумал, что Виталька похож на веселого петуха, который раньше всех встречает песней рассвет. Я это не с насмешкой подумал, а с радостью. У Витальки горели от солнца волосы.

Виталька – Золотой петушок...

Тетя Валя изумлялась:

– Сколько можно спать? Я не могу вас добудиться!

Еще бы! Мы засыпали на рассвете.

Если даже мы летали недолго и укладывались пораньше, то все равно не могли сразу уснуть. В каждой жилке у нас звенела радость полета. Каждая клеточка кожи, обдутаая теплым ветром, была словно прошита электричеством. Закроешь глаза – и начинает опять поворачиваться перед тобой громадная Земля с огоньками, рекой и темными лесами по краям. Зашуршит сверчок – и кажется, что тихонько смеется Ветка.

Во время завтрака мы чуть не падали головами в тарелки, и тетя Валя опять пугалась:

– Что с вами происходит?

Один раз Виталька мотнул головой, чтобы стряхнуть с волос крупинки гречневой каши, и строго спросил:

– Тетя Валя, а что бы ты сказала, если бы у нас появился ковер-самолет?

Я обмер.

Тетя Валя усмехнулась:

– Я сказала бы: не забывайте чистить его. Вы ужасные неряхи...

– Нет, я серьезно, – сказал Виталька, не обращая внимания на мои пинки под столом. – Ты сильно испугалась бы?

Тетя Валя внимательно посмотрела на Витальку и задумчиво сказала:

– Я не испугалась бы. В детстве у многих бывает свой ковер-самолет. У тех, кто сумеет найти...

– А у тебя был?

Тетя Валя засмеялась, нажала Витальке на нос указательным пальцем и вышла из комнаты. Виталька повернулся ко мне:

– Ну вот. А ты лягаешься.

– Все-таки не стоит ей пока говорить, – сказал я. – Это она сейчас так рассуждает, пока не знает. А увидит нас в полете и перепугается.

– Это я и сам понимаю, – согласился Виталька.

Сначала мы боялись улетать от города, но дальние леса манили нас. И один раз мы решились. Пролетели над рекой (в ней проплыло наше черное отражение), скользнули над лугами низкого берега и пошли над верхушками совершенно темного, молчаливого леса. Внизу было непроглядно и тихо, но казалось, что кто-то большой спит и еле слышно дышит под ветвями. Самые старые сосны и ели поднимались над лесом, как башни заколдованного города. Среди этих башен плыла слева от нас желтая половинка луны.

Один раз под нами прошумел крыльями филин.

Наконец мы разглядели внизу свободное от деревьев место и опустились на траву. Темные стволы и кустарники обступили нас. Виталька включил фонарик и смело шагнул в неизведанное. Он тут же ойкнул и опять заскочил на ковер. Обиженно сказал:

– Стоило лететь из дома! Крапивы и на дворе хватает.

Откуда здесь крапива? Это не лесное растение, оно жмется ближе к домам.

Мы поводили фонариками и разглядели среди деревьев странную круглую постройку. Перелетели ближе. Это была полуразрушенная эстрада над прогнившей танцевальной площадкой. Видимо, недалеко был дачный поселок, а мы попали в уголок заброшенного лесного парка.

– Вот тебе и джунгли, – разочарованно сказал я.

Мы перелезли через перила. Площадка была устроена не на возвышении, как обычно, а прямо на земле. Сквозь гнилые доски проросла трава. А в одном месте поднимался на тонком стебельке маленький пунцовый цветок – пять зубчатых лепестков с темными крапинками. Это была, наверно, дикая гвоздика, а мы такие цветы называли “часики”. Ходили слухи, что можно по ним узнавать время, но как – никто не знал.

“Часики” нас обрадовали. Нам казалось, что это не простой цветок, а загадочный аленький цветочек из сказки. Правда, никакого чуда не случилось. Мы просто вернулись в город и бросили цветок в форточку Ветке. Пусть удивится...

– Путешествовать надо днем, – сказал Виталька. – Ночью все равно ничего не видеть.

– Точно, – согласился я. – И можно к черту на рога залететь, а не то что в крапиву.

Мы стали думать, как быть.

Проще всего, конечно, улететь к лесу до восхода, пока город спит. А как встанет солнце – отправляться в путешествие по лесам. Там уж никто не увидит, а если и увидит – не поверит своим глазам.

Но попробуйте исчезнуть до завтрака. Тетя Валя постучит в потолок, а нас нет. Ого!

Виталька придумал. Он сказал, что можно летать и днем. Надо только выбирать переулки, где меньше людей, и лететь над самой землей, по верхушкам травы. Если кто окажется близко, надо плюхнуться на траву – будто просто сидим на ковре. А если спросят, можно сказать: понесли в химчистку и решили отдохнуть по дороге.

А может, и не спросят.

Ведь никто нас не заметил, когда мы летали выручать Веткин велосипед.

Мы решили рискнуть и попробовать. После завтрака стартовали с нашей крыши, махнули через забор и полетели по Якорному переулку. Ниже палисадников, над самыми одуванчиками, растущими вдоль тротуаров.

Несколько раз и правда приходилось “отсиживаться” на траве. Прохожие не обращали на нас внимания. Ну в самом деле, что особенного? Сидят у калитки двое мальчишек на старом ковре. Наверное, мать велела вытащить на улицу и почистить, а они балуются...

Потом переулок совсем опустел, мы осмелели и полетели к перекрестку прямо над дорогой.

Тишину резануло милицейским свистком. От неожиданности мы остановились. Откуда он взялся, этот милиционер?

– Нарушаем? – не совсем уверенно сказал он.

Мы сперва втянули головы в плечи. Но милиционер был молодой и, кажется, не очень строгий. Виталька довольно нахально спросил:

– Как это нарушаем? Мы по правой стороне двигались.

– А права у вас есть?

– Какие права? Это же не автомобиль!

– А что это? – язвительно спросил милиционер. – Телега? Тогда где лошадь?

– А если автомобиль, тогда где колеса? – сказал Виталька.

Мы висели в полуметре от земли. Милиционер заглянул под ковер, выпрямился и заморгал. Тихо спросил:

– Как это вы, парни? А?

– На воздушной подушке, – нашелся Виталька.

– И еще эта – антигравитация. Которая против тяжести, – добавил я.

– Разве изобрели уже? – с уважением спросил милиционер. – Я думал, это пока фантастика... Вы из Дома пионеров?

– Ага, из кружка юных техников, – бойко сказал Виталька. – Пробную модель испытываем.

– Ну... вы осторожнее... На проезжей-то части не болтайте зря.

– Ладно, не будем! – весело крикнули мы и устремились к дому. А милиционер остался на углу, полный уважения к современной науке.

– Нет, уж лучше на высоте летать, – сказал Виталька. – Если повыше забраться, может, и не заметят. Взрослые вообще редко в небо глядят, у них на земле забот полно.

– А ребята? – сказал я.

– Ну и что... Ну, подумаешь, летает что-то квадратное... Может, змей запустили!

– Без хвоста?

– Ну, сделаем хвост! Долго, что ли?

Это была мысль!

Мы разодрали на полосы старый мешок и соорудили хвост, как у правдашнего воздушного змея, только громадный: метров пятнадцать длиной. Пришили его к углам ковра толстыми нитками.

Было страшновато: вдруг ковер-самолет обидится на уколы толстой иголки или мы его нечаянно повредим. Поэтому шили, взлетев над полом. Мы думали, что если ковра не понравится наша выдумка, он сразу приземлится. Но ковер перенес операцию, не дрогнув.

Я оставил Витальку на крыше, а сам взлетел и поднимался, пока Виталька не сделался крошечным, как солдатик из картона. Из-за лесов шел теплый плотный ветер. Он подхватил хвост из мешковины, развернул его и заполоскал.

Я впервые оказался на такой высоте под солнечным небом. Громадная зеленая Земля распахивалась на тысячи километров. Она была яркая и веселая. Мне все-все хотелось рассмотреть. Но Виталька-лилипутик скакал на нашей крошечной крыше и махал руками: спускайся скорей!

Пришлось спускаться.

– Здорово! – крикнул он. – Как настоящий змей! Только зачем ты уселся на край? Разве на змеях кто-нибудь сидит?

Мы решили позвать Ветку и отправиться в первый большой полет при свете дня.

Но Ветка прикатила сама. Она позвякала у калитки велосипедным звонком и крикнула:

– Видели, какой змей летает?!

Мы расхохотались. “Змей”! Вот потеха! Значит, правда похоже.

– Вы чего? – удивилась Ветка.

– Это не змей! – радовались мы. – Не змей! Понятно?

– Как это не змей? Смотрите сами. Да не туда смотрите! Вот там!

Мы озадаченно повернулись.

На фоне кучевых облаков парил пестрый прямоугольник с тонким раздвоенным хвостом.

Глава седьмая

Бумажный змей в небе – вещь обычная. Многие ребята у нас этим делом увлекались. Поэтому Виталька и я не удивились. А Ветка сказала:

– Здорово, да? Красивый какой...

Змей и правда был красивый. Большой, с красными и желтыми узорами. И держался в небе он ровно, без рывков. Почти неподвижно.

Ну и что? Мы, если бы захотели, не хуже могли сделать.

Но Ветка сказала опять:

– Давайте посмотрим, кто запустил.

– Зачем? – слегка ревниво спросил Виталька.

– Ну... интересно же.

– Чего интересного? Не все ли равно кто...

Но у меня мелькнула тревожная мысль:

– Слушайте, а если он видел, как я взлетал? Он же сидит и в небо смотрит.

Виталька растерянно посмотрел на меня.

– Верно... А что делать?.. Ну и пусть! Если видел, то подумал, будто это тоже змей. А может, и не видел: он в другую сторону смотрит.

– Вот и надо разведать: видел или не видел, подумал или не подумал!

Разведать – это дело. Это похоже на приключение. И Виталька сразу согласился.

– Бежим! – обрадовалась Ветка и прыгнула к своему велосипеду.

– Хитрая, – сказал Виталька. – Сама на колесах, а мы – бежим? Пошли лучше на вышку, у нас телескоп. Лезь сюда.

Ветка по лестнице забралась на крышу, а потом через окно мы влезли в нашу “каюту”.

В телескоп казалось, что змей рядышком – прямо за окном. Даже подтеки акварели и капельки клея были видны. Даже узелки на уздечке из суровых ниток...

– Правда ведь красивый? – сказала Ветка. – Дай я тоже посмотрю.

Потом стал смотреть Виталька. Он разглядывал змей недолго. Шевельнул трубу и плавно повел ее в сторону и вниз. Я понял, что он скользит объективом по нитке.

Труба остановилась, шевельнулась, замерла.

Виталька смотрел несколько секунд, потом почему-то заулыбался и, улыбаясь, сказал:

– Вот он... Незнакомый какой-то. Ага?

Я глянул в окуляр.

Конечно, я помнил, что в телескопе все наоборот, но в первый миг все-таки вздрогнул: на перевернутой крыше стоял вниз головой и смотрел в опрокинутое небо желтоволосый мальчишка. Мне показалось, что сейчас он ухнет в голубую пропасть. Но перевернутый мальчик стоял прочно, словно его старенькие полукеды примагнитились к тесовому скату.

Он шевелил пальцами и локтями, перебирая нитку, и, кажется, что-то шептал. На нем была ярко-зеленая расстегнутая рубашка-распашонка. Ветер прижимал ее к спине мальчишки, а свободные края полоскались в потоках воздуха.

Мальчик был похож на зеленый флажок или маленькое деревце под ветром. А ростом он казался вроде нас.

Телескоп наш был хотя и старенький, но сильный. Он выхватил незнакомого мальчишку из километровой дали и придвинул к нам почти вплотную. Я смог разглядеть даже родинку на мочке уха и царапину на щеке. Только глаз его я не видел, потому что он стоял к нам боком и чуть затылком.

И вдруг он оглянулся. Наверное, его окликнули. Он улыбнулся и что-то ответил. Мне показалось, что у него очень славное лицо, но как следует разглядеть я не мог, потому что все, что мы видели, было опрокинуто. А мне отчаянно захотелось разглядеть!

Раз нельзя перевернуть изображение, я решил перевернуться сам. Оперся о Виталькино плечо, прыгнул на подоконник и повис над телескопом вниз головой.

Голова перетянула. Я не удержался и загремел на пол вместе с телескопом. Брякнулся о доски лбом. Так, что в глазах целый салют вспыхнул.

Мотая головой, я сел на полу.

– Ой... – тихо сказала Ветка.

Я молча взял медную трубу и приложил к шишке на лбу. Но Виталька отобрал у меня телескоп. Сказал, что от шишек не помирают. Он опять установил наш прибор на подоконнике и стал наблюдать сам.

– Смотрите-ка! – сказал он (хотя мы, конечно, не могли смотреть). – Он нитку к антенне привязал, а сам спускается...

– Значит, обедать пошел, – подала голос Ветка. – Он в это время всегда обедает.

Я забыл про шишку. Виталька оторвался от телескопа.

– Откуда ты знаешь? – спросили мы хором.

– А... – начала Ветка и покраснела так, что мы тут же отвернулись. – А я... – сказала она. – Ну... я один раз шла и видела... Он с крыши самолеты пускал. А его позвали.

Мы с Виталькой переглянулись. “Один раз”! А сама говорит: “Всегда в это время обедает”...

Можно было припереть Ветку к стене двумя-тремя вопросами. Но мы опять посмотрели друг на друга: “Зачем?” И, хотя стало нам грустновато, мы не подали вида. Виталька лишь спросил:

– А как его звать?

– Саня... или Саша. Ну я не знаю! – опять спохватилась она. – Я же только чуть-чуть слышала.

Виталька тряхнул заросшей головой и весело взглянул на меня:

– А давайте узнаем! Давайте все вместе познакомимся с этим человеком! Сперва удивим, а потом познакомимся!

Ветка, конечно, познакомиться очень хотела. Я тоже. Мне с первого взгляда этот мальчишка понравился. Но зачем его удивлять? И как?

– Пока он дома сидит, давайте слетаем к змею и записку к хвосту привяжем, – объяснил Виталька.

– Давайте, – обрадовалась Ветка.

– А вдруг он увидит? – сказал я.

– “Вдруг-вдруг”! – досадливо сказал Виталька. – Если бояться, то всю жизнь в темноте просидим.

Я пожал плечами. Я ведь просто так спросил. В конце концов пускай видит. От хорошего человека чего прятаться?

На половинке тетрадного листа мы нацарапали вот что:

Мы хотим с тобой

познакомиться.

Как тебя зовут?

Напиши на змее.

Летучие Бродяги.

Из этой записки и нитки мы сделали бантик – вроде тех, какими играют с кошками.

Ветку мы попросили следить за крышей в телескоп, а сами выбрались из окна, улеглись на ковре и рванули в солнечное небо. К змею.

Мы совсем забыли, что ковер-самолет тоже должен изображать бумажный змей. Если бы кто-то разглядел нас в небе, то страшно изумился бы: змеи не летают с такой бешеной скоростью. Но мы спешили, мы думали только об одном: лишь бы незнакомый мальчишка раньше времени не увидел нас.

С высоты мы не могли отыскать глазами его крышу и не знали, там он или нет. Да и некогда было разглядывать землю. Мы подлетели к змею. Большой, красно-желтый, горящий на солнце, он почти неподвижно стоял в воздухе и лишь слегка шевелил хвостом. Виталька ухватил мочальный конец с грузиком из камешка, проволочным крючком прицепил к нему записку. Змей дернулся, возмущенно вырвал хвост и опять замер в потоках ветра. А мы понеслись вниз.

– Все в порядке! – крикнула из-за телескопа Ветка. – Он не появлялся!

Мы стали ждать.

Мальчик в зеленой рубашке выбрался на крышу минут через двадцать. И спокойно уселся рядом с шестом антенны, к которому была привязана нитка змея. Мы даже рассердились: неужели он не видит записку?! Ведь клочок бумаги горел, как белая искра, на хвосте у змея.

– Ага! – обрадованно сказал Виталька.

Он как раз наблюдал в телескоп. Я тут же отжал его в сторону и приник к окуляру.

Мальчик стоял и торопливо сматывал нитку.
– Змей спускается, спускается! – заволновалась Ветка и оттерла меня от телескопа. – Ой, спустился... Большой какой... Ой, он записку отвязывает...
– Перестань ойкать и рассказывай толком, – велел Виталька.
– Он читает... Ой, он удивился! Смотрит кругом, будто нас ищет... Ой, опять читает. Опять смотрит... А теперь с крыши слезает вместе со змеем...
– А вдруг он испугался? – встревоженно сказал Виталька.
– Вот еще! – слегка обиженно откликнулась Ветка.
И я был с ней согласен. Я лишь мельком видел этого мальчишку, но сразу понял, что он ни капельки не боязливый. И мне все больше хотелось с ним познакомиться.
Он был такой же, как мы.
– Посмотрим, – сказал Виталька.
И мы стали смотреть. Ждать.
Ждали полчаса.
Змей поднялся опять. Он взлетел ровно и быстро, словно у него был двигатель. Мы снова стукнулись головами у окуляра.
На желто-красных узорах змея чернели крупные буквы:

САША ВЕТРЯКОВ

– А теперь что? – нетерпеливо спросила Ветка. – Опять, что ли, записку к хвосту привязывать?
Виталька задумался:
– Нельзя два раза одно и то же... Давайте ему ночью письмо оставим.
– У, это долго, – заспорил я, и Ветка посмотрела на меня с благодарностью.
Но Виталька сказал:
– До завтра подождать – это недолго. Зато интересно будет.
Мы сочинили такое послание:
Если хочешь познакомиться,
приходи в двенадцать часов
дня на угол Якорного и
Первомайской.
Летучие Бродяги.
Ночью мы с Виталькой отправились в полет и отыскиали дом, где жил хозяин змея. Наше письмо было привязано к старой лыжной палке. Палка с шелестом ушла вниз и воткнулась в деревянную крышу рядом с антенной.
Мы были уверены, что мальчик придет. А он не пришел. И мы расстроились. Особенно Ветка. Мы брели к дому и хмуро молчали.
Вдруг Ветка обрадованно сказала:
– Какие мы бестолковые! А вдруг он сегодня на крышу даже и не лазил и палку не видел? Не каждый же день он змей запускает!
Правильно! Как мы не подумали?
Мы разом глянули в небо, чтобы убедиться, что нет никакого змея.
Змей был. Только не такой, как вчера. Белый, с черными точками.
Мы бросились домой, к телескопу.
На просвеченной солнцем бумаге змея чернели слова:

?????????????
Мы переглянулись.
– Раз не может, идем сами, – сказал Виталька.

Дом стоял на улице Лесосплавщиков. Обыкновенный старый дом со ставнями, покосившимися воротами и овальной жестяной старинного страхового общества на этих воротах. А над домом трепетал зеленый флажок – это дежурил на крыше маленький хозяин змея. Он нас не видел, потому что стоял к нам спиной и смотрел на змея.

Мы встали шеренгой на краю дороги. Мы с Виталькой по бокам, а Ветка посередине. Вопросительно глянули друг на друга: дальше что? Ветка почему-то отвернулась и засмеялась. Тогда Виталька отчетливо сказал:

– Саша Ветряков!

Тот сразу повернулся, и рубашка взлетела у него за спиной, как зеленые крылья.

Он улыбнулся. Сперва чуть-чуть, потом сильнее, потом еще сильнее. И стало сразу видно, что хороший он человек.

– Это вы? – сказал он и шагнул к самому краю. И отпустил нитку.

Змей, кувыркаясь, пошел к земле.

– Это мы, – серьезно сказал Виталька. – А зачем змея-то бросил?

– Пускай, – сказал Саша Ветряков. – Теперь все равно, раз вы пришли... Это вы – Летучие Бродяги?

По хлипкой приставной лестнице, стоявшей у крыльца, мы забрались к нему на крышу. Саша сказал, что ему на землю нельзя.

– Почему нельзя, Саня? – спросила Ветка, забравшись наверх.

Она сразу повела себя с ним как со знакомым. И звать его стала Саней, а не Сашей. Наверно, ей казалось, что это имя ему больше подходит.

Он за весельем постарался скрыть смущение. Сморщил переносицу и беззаботно объяснил:

– Такая жизнь получилась... Я у бабушки полиэтиленовую пленку изрезал, думал – она ненужная, а она для теплицы. Бабушка даже и не ругалась, а мама говорит: будешь три дня дома сидеть и с крыльца – ни шагу. Вот я на крыше и живу. На крыльце какая жизнь?

Ветка осторожно глянула во двор и отодвинулась от края.

– А нам не попадет от твоей мамы и бабушки? Скажут: чего забрались на чужую крышу?

– Во-первых, не скажут. А во-вторых, их нет, они на два дня к другой бабушке в деревню уехали.

– А тебя одного оставили? – спросила Ветка.

– А чего? Я привык. Я в Ленинграде часто один жил.

– А если один, то чего сидишь взаперти? Никто же не видит, – опять заговорил Виталька.

Саня посмотрел на нас нерешительно, будто боялся: вдруг засмеемся?

– Ну, понимаете... Раз уж так вышло... Понимаете, я как будто слово дал...

– Понятно, – торопливо сказал Виталька. – Это я так просто спросил... А на крыше, оказывается, тоже жить можно.

На крыше было неплохо. Нас обдувал теплый ветер и крепко жарило солнце. На крутом скате, у печной трубы, устроена была скамеечка. От крыши пахло прогретым деревом, от кирпичной трубы – известкой и сажей, но сильнее всего были запахи мокрого песка и теплой полыни – они прилетали с ветром от речного берега.

Саня сидел между мной и Веткой и по очереди поглядывал на нас. Наверное, не знал, как начать разговор.

– Почему мы тебя раньше не видели? – спросил я. – Мы на здешних улицах всех знаем. Ты из Ленинграда приехал?

Саня Ветряков кивнул.

Он приехал из Ленинграда. Он там с родителями жил, пока они учились в институте. В этом году они кончили учиться и приехали работать на нашу судоверфь. Но отец у Сани, едва начав работать, опять уехал: его послали на соревнования. Он был мастер спорта, мотогонщик.

– Он и в Ленинграде больше ездил, чем учился, – весело сказал Саня. – Мама говорит, что он диплом писал в седле мотоцикла...

Так мы сидели и болтали, но в нас росло удивление. Виталька наконец нагнулся вперед и глянул на меня озадаченно и нетерпеливо. Я его понял.

– Слушай, Ветерок, – сказал я. – А почему ты даже не спрашиваешь, как мы записку к змею прицепили?

Я не знаю, как у меня вырвалось это имя. Про себя-то я его Ветерком сразу назвал, когда первый раз увидел. Потому что весь он трепетал в потоках ветра, летучий был и тонкий и круглое имя Саша ему не подходило. Но назвать его придуманным именем вслух я не решался. Это само собой получилось.

У Ветерка были чуть приподнятые брови, словно он все время немного удивлялся и спрашивал: а вы со мной не шутите? А теперь он распахнул глаза и удивился изо всех сил.

– Почему... ты так сказал?

Я от неожиданности засмущался, как девчонка, и что-то забормотал. Саня улыбнулся и признался:

– Меня в школе звали Ветряк.

– Какой же ты “ветряк”? – сказал Виталька. – Ветряк – это вот! – Он встал и замахал руками, изображая мельницу. – Олег лучше придумал.

С тех пор мы с Виталькой всегда звали его Ветерком.

– А про записку я сразу догадался, – сказал Ветерок. – У вас такая управляемая модель есть, да? Со специальным приспособлением. Да?

Мы втроем переглянулись и закусили губы, чтобы не расхохотаться. И Виталька торопливо согласился:

– Ну да. Управляемая.

– Мы тебе скоро покажем, – пообещала Ветка.

– Я тоже модели делал, – сказал Ветерок и вздохнул. – Только с крыши их пускать плохо, они не возвращаются. А змей возвращается... А иногда на больших змеях люди летают, я в кино видел. Вы видели?

– Мы еще и не такое видели... – гордо начал я, но замолчал под недовольным взглядом Витальки. Он решил, что я хвастаюсь.

Ветерок оторвал от крыши плоскую щепку, подбросил и смотрел, как ее крутит ветер. Потом осторожно сказал:

– Я думаю... Если построить большую модель... Ну, совсем большую, метров пять длиной! Наверно, можно взлететь на ней, как на самолете?

– Тогда это и будет самолет, а не модель, – сказал я.

– Самолет построить трудно. А модель можно, даже большую... А потом приделать сиденье и ручку управления...

Он слегка прищурился, глядя перед собой, поджал ноги, поставил пятки на скамейку и на высоко поднятые коленки положил сжатые кулаки – словно взялся за рогатый штурвал самолета...

Все было понятно. Потому что каждый из нас тоже о чем-то мечтал, тоже хотел кем-то быть. Ветка – балериной, Виталька – художником. Я – только моряком или в крайнем случае морским десантником.

А Ветерок хотел водить самолеты.

Я подумал, что каждый из моих друзей старается, чтобы мечта сбылась. Ветка занимается в кружке и разучивает танцы. Виталька рисует картины. Ветерок строит модели. Только я бездельничаю и даже толком не знаю, как готовятся в моряки. Все откладываю на потом. Нет, пора! Завтра же начну делать зарядку и учить морские узлы.

От беспокойных мыслей меня отвлек Ветерок. Он стал рассказывать, как в прошлом году записался в кружок юных летчиков в районном Доме пионеров.

– Говорили, что там все настоящее... Ну, там правда настоящие костюмы для высотных полетов. И кабина в комнате сделана, как в настоящем самолете. Но только это все на земле. А летать никому не дают, даже старшим.

– Ребятам не разрешают управлять самолетами, – сказал Виталька.

– А почему?! – вскинулся Ветерок. – Разве это нельзя? Помните кино “Последний дюйм”?

Еще бы! Мы его три раза смотрели. Это фильм про мальчишку вроде нас. Он был сыном летчика и сам вел самолет, потому что отец его оказался ранен, когда дрался в море с акулами. Но это – кино...

– Я его тоже три раза смотрел, – признался Ветерок. – И еще могу сто раз...

– А давайте! – предложила Ветка. – Сегодня вечером. Он в Зеленом театре идет, этот фильм. У меня мама сегодня как раз во вторую смену работает, я свободная.

– На вечерний сеанс не пустят, – сказал я.

Ветка с сожалением глянула на меня и крутнула пальцем у виска.

– Там же кино без потолка. А кругом березы. За ветками нас не увидят.

– Мне все равно нельзя, – грустно сказал Ветерок.

– Тебе можно, – решительно сказала Ветка. – Тебе что говорили? Не ступать с крыльца на землю. Ты и не ступишь, не бойся!

Глава восьмая

Сначала он не верил. Ну а кто поверил бы?

Даже когда мы принесли свернутый в трубу ковер и расстелили среди одуванчиков, которыми порос двор, Ветерок улыбался понимающе и чуть виновато. Он словно говорил: “Я вижу, что вы шутите, вы хотите меня развеселить. Но зачем уж так сильно стараться? Даже ковер притащили...”

– Садись, – сказал Виталька.

Ветерок неловко улыбнулся, шагнул с крыльца на ковер и сел.

– Не пугайся, – предупредил я.

Мы поднялись на полметра и пошли бредущим полетом, поднимая за собой вихрь из семян одуванчиков. Ветерок не крикнул, не бросился с ковра. Только ресницы у него распахнулись широко-широко, и он крепко взял меня за локоть.

Это был замечательный день. Это был праздник в честь того, что у нас появился новый друг. Праздничными казались трава, солнце, пухлые облака и шумливые кусты рябины у забора. И все на свете. В нас кипела радость. Мы летали над широким двором, выписывали сложные фигуры, несколько раз взмывали с крыши в высоту, прошитую горячими лучами. Ковер-самолет неукротимо носил на себе нас четверых.

Лишь одно слегка огорчало нас: у Ветерка не получалось управление ковром-самолетом. У Ветки это тоже не получалось, но она и не горевала ни капельку, а Ветерок расстраивался. Он снова и снова пытался заставить лететь ковер как надо, но тот или скользил куда-то вбок, под забор, или просто едва приподнимался и падал.

– Ничего, – утешали мы с Виталькой Ветерка. – Привыкнешь и научишься.

– Научусь.

Налетавшись, мы опять устроились на крыше и завели разговоры. Про что? Про жизнь – про самолеты и пароходы, про бумажных солдатиков и австралийских кенгуру, про марки и атомную энергию, про школу и спутники...

Потом наступил светлый вечер.

Это, наверно, красиво звучит: “светлый вечер”. Но нам хотелось, чтобы он был потемнее. Нам нужно было добраться до городского сада и устроиться среди густых березовых крон позади эстрады. Оттуда мы отлично посмотрим весь фильм.

Того, что среди веток могут оказаться другие зрители, мы не боялись. Стволы берез были прямые и гладкие, с земли по ним не заберешься.

– Пора лететь, – сказал Виталька.

Мы уселись на ковре. Ветка строго следила, чтобы Ветерок не нарушил запрета и не ступил случайно на землю. Он не нарушил: как и днем, прыгнул со ступеньки прямо на ковер.

Пришлось лететь над самой землей, выбирая тихие переулки. Хвост мы свернули и уложили на ковре, чтобы не цеплялся за траву. Несколько раз при виде прохожих мы приземлялись и делали вид, что просто играем. Прохожие пожимали плечами: что за игры на ковре посреди улицы? Наконец мы ловко взлетели на крышу трехэтажного дома, который стоял через дорогу от сада. Оттуда, выбрав момент, стремительно пронеслись над мостовой, над чугунной решеткой, кустами, клумбами и врезались в чащу березовых веток.

Мы оказались как в зеленом шалаше. Землю не было видно сквозь заросли. А вверху между листьями светлело небо. Экран закрывали от нас ветви, но мы слегка продвинулись вперед, пару веток отломали, и все получилось как надо. Начался фильм...

Опять над желтой пустыней и синим морем качался маленький самолет. Опять распахивались на экране голубые глубины моря с яркими стаями тропических рыб и злыми силуэтами акул. Опять десятилетний мальчик Дэви, надрываясь, тащил к самолету раненого отца, а беспощадная песня об одиночестве гремела над равнодушными песками.

Мальчик этот был наш товарищ. Мы всей душой были вместе с ним, каждый шаг его отдавался в нас то болью, то радостью. Мы знали наизусть каждый кадр, но снова нас охватило счастье, когда Дэви поднял в воздух самолет...

Мы не заметили, что стало темно. Так темно, как не бывает у нас летом самой поздней ночью. И лишь когда капля, похожая на холодную виноградину, шлепнула меня по шее и покатилась за воротник, я вздрогнул.

Налетел неожиданный дождь. Он защелкал по листьям, пробил их шелестящую крышу и ударил по нашим плечам и спинам. По коврам.

Стеклянные дождевые нити вспыхнули в луче кинопроектора. В открытом кинозале поднялся шум. Экран погас.

Виталька первым почуял беду.

– Летим!

Мы вырвались из мокрых веток, косо пронеслись над улицей, едва не зацепив заборы.

– Выше надо, выше! – крикнул я, думая, что Виталька нарочно прижимается к земле.

Но нас прижимал дождь. Намокший ковер-самолет отяжелел и плюхнулся посреди какого-то двора, вымощенного гранитными плитами.

– Приехали, – с тихим отчаянием сказал я. – Что теперь делать?

– Пешком дойдем, – сказала Ветка. – Не размокнем.

Разве я размокнуть боялся? Я на дождь и внимания не обращал! Я думал про одно: что будет с ковром? А вдруг он больше не сможет летать? Но это была такая страшная мысль, что я даже побоялся сказать о ней вслух.

Ковер лежал плоско и мертво. Мы сошли с него на каменные плиты. Все, кроме Ветерка.

– Тебе нельзя, – строго сказала Ветка. – Ты же слово давал.

– Что же делать? – спросил он.

– Он же слово давал, – повторила Ветка, требовательно глядя на меня и на Витальку.

Виталька вздохнул и подставил Ветерку спину, облепленную мокрой рубашкой.

– Садись.

– Да вы что, ребята... – жалобно сказал Ветерок. – Я же...

– Садись, – повторил Виталька. – Дотащим. Ты же из-за нас влип.

– Я из-за себя.

– Садись, – сказал я.

Через минуту Ветерок ехал на Витальке, а мы с Веткой тащили на плечах свернутый в трубу ковер. Он был страшно тяжелым от впитавшейся воды. И все-таки не этот груз угнетал меня, а все та же мысль: “Будет ли ковер летать?”

Ветерок время от времени требовал опустить его.

– Сиди, – кряхтя, говорил Виталька.

Дождь прошел. За крышами прокатывался дальний гром. Мы молча шлепали по мокрым тротуарам, пока не подошли к Веткиному дому. Ветка вывела велосипед. Она велела Ветерку сесть на багажник и сказала, что довезет его до самого крыльца. А мы дотащим ковер до дома.

– Вы придете завтра? – торопливо спросил Ветерок.

– Придем, – пообещал я. И подумал, что, если даже ковер вышел из строя, одна радость у нас все-таки еще осталась: новый хороший друг.

Глава девятая

Следующий день был полон переживаний. Ковер лежал на крыше под солнцем, и от него шел пар. У этого пара был запах, как у тумана в тропических лесах (так нам с Виталькой, по крайней мере, казалось). Высыхал ковер медленно, и, когда мы попытались взлететь на нем, он даже не шелохнулся.

Виталька глянул на меня тоскливыми глазами.

– Неужели все?

Я пожал плечами. По правде говоря, у меня слезы в горле скреблись. Но я мужественно сказал:

– Он такой сильный, такой волшебный. Не может быть, чтобы от дождика совсем испортился.

Приходила Ветка и жалостливо гладила влажную шкуру ковра. Несколько раз мы навещали Ветерка.

– Ну как? – спрашивал он с крыши.

– Пока не высох. Подождем, – бодро говорили мы. – Может, к вечеру высохнет.

Но и вечером ковер не хотел летать...

Зато утром нас ждала радость! Мы проснулись одновременно. Враз кинулись к окну, выбрались на крышу и сразу поняли, что ковер стал прежним – легким, шелковисто-мягким, летучим. Он лежал так, словно дожидался нас!

Мы плюхнулись на его ласковую теплую шкуру и взмыли к зениту. Было раннее утро. Во дворах радостно орали петухи.

В этот день у Ветерка вернулась мама. Она оказалась совсем не строгая, веселая.

– Бедненький! И ты все это время сидел на крыше? – воскликнула она, узнав, что Ветерок добросовестно отбывал домашний арест. – Я же просто забыла тебя отпустить! Не сердись, сынуля, я больше не буду!

Ветерок тут же отпросился у нее к нам в гости. С ночевкой!

Мы показали ему своих картонных солдат, Виталькины картины, наше оружие, телескоп и все другие сокровища. Мы устроили показательное сражение наших армий, которое затянулось до вечера. А поздно вечером мы похитили из дома Ветку и отправились в полет.

И нам было так же радостно, как в первый раз. Потому что мы заново открывали высоту и ночной город, блеск вечерних звезд и струящийся теплый воздух. Для Ветерка.

...Ничто не омрачало в те дни нашу радость и нашу дружбу. Почти ничто. Лишь неудачные полеты Ветерка на ковре-самолете вызывали у него досаду, и мы чувствовали себя немного виноватыми. Наш ковер его не слушался.

– Не могу я, – печально говорил Ветерок. – Как-то не верится каждый раз, что он возьмет и полетит. Вот если бы у него штурвал был...

Мы его понимали. Всю жизнь Ветерок думал о самолетах и представлял, как сжимает в ладонях ручку управления. Без этого он не мог вообразить полета.

Но не могли же мы приделать к коврику-самолету штурвал!

– Ничего, – утешал нас Ветерок. – Я еще научусь, честное слово. А пока не все ли равно, кто им управляет? Мы же летаем вместе.

– А хорошо бы куда-нибудь в дальнее путешествие... Ага? – сказал Виталька.

И мы все сказали “ага”. Может быть, Ветка и Ветерок просто так сказали, а я от всей души. Дальнее путешествие – это была наша давняя мечта.

Нам часто везло в то лето. Повезло и с путешествием. Тетя Валя получила от старой подруги открытку из соседнего города. Она целый день ходила задумчивая, а потом спросила, можно ли на нас положиться? Проживем ли мы самостоятельно двое суток, пока она съездит навестить друзей юности?

– Зачем самостоятельно? – сказал я. – Мы проживем у нас. Все будет в порядке, тетя Валя, – и выразительно посмотрел на Витальку.

Двое суток! Дальние полеты, неизвестные края!

Мы смотрели на тетю Валю такими искренними глазами, что она не заподозрила нас ни в каких темных умыслах. Я сбегал домой, а затем сообщил тете Вале, что мама просила о нас не беспокоиться. На самом деле мама и не ведала об отъезде тети Вали. Она с утра до вечера пропадала на работе в библиотеке, потому что половина ее сотрудников была в отпуске.

Следующим утром мы проводили тетю Валю на вокзал и помчались к Ветерку. Он вместе с Веткой примерял к раме велосипеда какую-то странную конструкцию – узкие решетки из деревянных реек, обтянутых полиэтиленовой пленкой.

– Это что? – удивился я.

Ветерок и Ветка слегка смутились.

– Это... вроде крыльев, – сказал Ветерок. – Если разогнаться с горки, может, он взлетит... как самолет.

Я удивленно моргал. Взлетит? Для чего эта дребезжащая “этажерка”, когда есть ковер-самолет?

– Зачем... – начал я. И замолчал. Увидел, что Виталька смотрит на Ветерка и Ветку грустно и понимающе. Главным образом на Ветку. А она почему-то покраснела, стоит, отвернувшись, и мотает на палец отросший локон. Эх, Ветка, Ветка...

Я ничего не стал говорить. Потому что понял: Ветерок и Ветка нашли свой ковер-самолет. Вернее, мастерили его. Он получился у них неуклюжий, тяжелый, но не все ли равно? Им было хорошо вдвоем, у них появилась своя сказка.

И тут уж ничего не поделаешь.

Я все-таки сказал:

– Тетя Валя на два дня уехала. Может, слетаем в дальние леса? До вечера?

Ветерок поднял честные глаза. И было видно, что лететь он не хочет, а отказаться не решается – боится нас обидеть.

– Или давайте так, – торопливо сказал я. – Мы сперва слетаем на разведку, а в другой раз – все вместе.

Он улыбнулся благодарно и облегченно.

– Давайте! Мы пока достроим, а потом – вместе...

Нет, мы не обиделись на Ветерка и Ветку. Лишь один раз Виталька, собирая в сетку-авоську продукты для дальнего путешествия, печально сказал:

– Вот такие дела...

А я вдруг вспомнил, как на краю ковра-самолета Ветка танцевала танец “Звездочка”.

– Лишь бы они руки-ноги не поломали на своем драндулете, когда будут испытывать, – озабоченно сказал я.

– Не успеют, – откликнулся Виталька. – Пока строят, мы уже прилетим.

Это был наш самый долгий и самый радостный полет. Путешествие над безлюдным громадным лесом. Город затерялся на горизонте, пропал за верхушками берез и елей. Теперь казалось, будто вся планета поросла косматой лесной рубашкой.

Мы неторопливо плыли у самых вершин деревьев. С чем это можно сравнить? Пожалуй, когда поезд идет по крутой насыпи над лесом, деревья так же проплывают под вами. Высуньтесь в окно, посмотрите: если насыпь крутая, это похоже на полет.

Вагон вас несет с лязгом и стуком, встречный ветер отдает гарью, и нельзя остановиться, замереть над лесом. Нельзя рассмотреть ни белку в темном круге дупла, ни гнездо со смешными тонкошеими птенцами.

А мы плыли в тишине, только деревья шумели негромко и ровно. Юго-западный солнечный ветер перекачивал через нас волны теплого воздуха. Мы лежали на ковре, свесив головы, и заглядывали в лесную глубину. Она была похожа на зеленое стекло. На траве и кустарниках качались рыжие пятна солнца. Вспыхивали, как фонарики, цветы шиповника. Искрами горела смола на сосновых стволах.

Один раз мы увидели ярко-оранжевую лису. Она тотчас нас увидела и пустилась удирать среди деревьев. Наверно, приняла ковер за громадную хищную птицу. Мы погнались за ней, но лиса юркнула под кучу валежника и пропала.

Иногда мы ныряли с высоты в лесной сумрак и, как индейцы, прыгали среди кустов и папоротников. Иногда устраивали привалы на лужайках, поросших земляникой, и на старых просеках, где среди высокого иван-чая и львиного зева жужжали, как тяжелые пули, шмели.

А еще нам нравилось замереть над большим деревом и осторожно потрогать самый верхний листик березы или мягкую кисточку сосны. Будто щекочешь хохолок на макушке задремавшего великана.

Маленькие лесные тайны, неторопливый полет, теплый ветер завораживали нас, и время бежало незаметно.

Часов мы не взяли, но по солнцу видели, что давным-давно перевалило за полдень.

Об этом говорили и наши желудки – они настойчиво требовали обеда.

– Давай долетим до вышки и там поедим, – предложил Виталька. – А потом потихоньку домой двинем. На первый раз хватит.

Большая, сложенная из бревен геодезическая вышка поднималась над лесом. До нее было километра два. Она была совсем не похожа на наш мезонин, но привычное слово “вышка” наталкивало нас на мысль о приюте и отдыхе.

– Давай, только скорее, – согласился я.

И мы дали ковру полную скорость. Ветер сразу перестал быть теплым. Он прижал к головам наши волосы, набился в уши, забрался мохнатыми лапами под рубашки. Засвистел по-штормовому. Стало не то чтобы холодно, а как-то неуютно. Мурашки побежали по коже.

Взять с собой одежду потеплее мы, конечно, не додумались. Пришлось убавить разгон.

– Ладно, – сказал Виталька. – Куда нам спешить? Вышка – вот она.

Мы хотели устроиться на одной из дощатых площадок и там пообедать. Но, подлетев к вышке, увидели темное лесное озеро. Оно было совсем недалеко от нас. Его обступали сосны, а воду окружало узкое кольцо песчаного берега.

Мы, разумеется, радостно завопили и спланировали на песок. Кубарем покатались на него с ковра. Песок был сухой и теплый. В нем перемешались сухие сосновые иглы и похожие на маленьких ежиков шишки, но это нас не пугало. Дно озера оказалось твердым и ровным, а темная прозрачная вода была прогрета насквозь.

Мы искупались, сжевали половину наших запасов, зарылись в песок и подремали. Потом еще искупались и снова немного пообедали. Затем выкупались еще разок.

– Пожалуй, пора... – нерешительно сказал Виталька.

– Угу, – сказал я. – Только еще разик окунемся...

Наконец мы на мокрое тело натянули одежду и взлетели повыше, чтобы ветер и солнце обсушили нас.

– Смотри! – крикнул Виталька.

Недалеко от озера, посреди большой поляны, стоял дом. Один-единешенек среди лесного моря.

– Разведаем? – спросил Виталька.

Мы осторожно снизились почти до самой крыши. Она была темная, горбатая. На прогнивших досках зеленел бархатный мох.

Сразу было видно, что давно здесь никто не живет: вокруг осевшего крыльца стояла высокая непомятая трава.

До сих пор мы встречались с маленькими лесными загадками. А брошенный дом – это загадка серьезная. Может быть, здесь настоящая тайна.

Разве могли мы улететь, не узнав этой тайны?

Глава десятая

Дом был не похож на деревенскую избу. У него были широкие окна, точеные перильца у крыльца, двери с деревянными украшениями. Они были приоткрыты, эти двери. И мы осторожно шагнули через порог.

В дощатых сенях было пусто, лишь на рассохшейся кадушке сидела коричневая бабочка. Когда мы вошли, она вылетела в солнечную щель. Мы шагнули в кухню. Здесь разевала темную пасть русская печь, выложенная поверху зелеными изразцами. В углу валялись некрашенные табуретки. На широком столе сидел серый зверек. Мы не успели его разглядеть – он стрелой вылетел в разбитое окно. На столе осталась шелуха каких-то семечек.

Мы на цыпочках обошли комнаты, их было две. Половицы мягко прогибались под ногами. На них желтели под солнцем остатки краски. В комнатах сохранилась кое-какая мебель: ржавая кровать, облезлые стулья, книжный шкаф с побитыми стеклами. Шкаф был на полметра отодвинут от стены, будто его пытались унести из дома, а потом бросили.

Я хотел заглянуть за шкаф, но в это время за окном прокатился железный гул. Нервы у нас были слегка натянуты, и мы вздрогнули. Гул донесся опять, и в окнах потемнело. В углах на паутине погасли золотые точки.

Мы выскочили на крыльцо. Из-за деревьев накатывала синяя туча. Она проглотила солнце, и только узкие прямые лучи его вылетали из-за облачного гребня. Гребень золотился. Он был косматый и быстро двигался.

– Ковер! – крикнул я.

Мы стремительно скатали ковер-самолет и втащили в дом. И правильно сделали. По верхушкам травы, по крыльцу и стеклам защелкали крупнокалиберные капли, а затем ударил ливень. Он грянул о крышу, и в доме загудело, как в барабане. Потом сквозь темноту ливня пробилась розовая вспышка и грохнуло так, что мы схватились за уши и тихо присели у стены.

– Вот это попались, – прошептал Виталька.

– Может, скоро кончится? – неуверенно сказал я. И присел еще ниже, потому что грохнуло сильнее прежнего.

Было неуютно и зябко. В разбитые окна летели колючие брызги, а в двери прорывался сырой ветер. Закрывать двери было нельзя: они давно осели на петлях и заклинились. Да и жутковато было отрываться от стены и подходить к дверям, за которыми такая буря.

Гроза бесновалась долго. Нам казалось, что сто часов прошло. Можно было подумать, что не одна гроза, а все на свете грозы собрались над старым домом, чтобы залить дождями, ослепить, оглушить двух мальчишек...

Наконец раскаты стали глуше, а шум дождя ровнее.

– Уходит, – облегченно вздохнул Виталька.

Но напрасно он обрадовался. Дождь стал монотонным, спокойным и не хотел кончаться.

– Вот черт, – уныло сказал Виталька. – А если он на несколько дней зарядит?

Что тогда будет, можно и не говорить. Пешком нам и за неделю не добраться до дома. Да и где дорога? Бедная мама, бедная тетя Валя, которые будут искать нас и мучиться от страшных предположений! И бедные мы, конечно! Потому что влетит нам, как никогда еще в жизни не влетало. И бедный ковер-самолет, который у нас наверняка отберут...

– А может, и не зарядит на несколько дней. Он, по-моему, не затяжной, голос у него не такой, – более бодрым тоном сказал Виталька. – Чего раньше времени страдать?

Я не хотел при нем раскисать и заметил, что сами мечтали о приключениях, вот и заработали.

– В конце концов, нам повезло что дом нашли, – сказал Виталька. – Если бы нас в лесу прижало, что тогда?

В самом деле! Старый неуютный дом сразу показался мне добрым. Я с благодарностью посмотрел на облезший потолок, за которым слышался плеск дождя.

– Можно и заночевать, – предложил я. – Домой и завтра успеем. Хлеб еще есть...

За окнами темнело. В углах что-то стонало и поскрипывало. Делалось страшновато. И продрогли мы. Но все-таки мы были вдвоем и с нами – наш ковер-самолет.

Мы расстелили его напротив шкафа у стены, легли на одну половину, а другой накрылись. С головой. Ковер окутал нас шелковистой теплотой, мы прижались друг к другу. Правда, в ноги поддувало, но это – пустяк. Все равно было хорошо. И даже шум дождя, который отдавался в пустом доме, был теперь нестрашным и уютным.

Интересный дом. Кто в нем жил? Лесники, или охотники, или геологи? Или просто человек, который любил тишину и одиночество?

Почему люди ушли? И давно ли? Непонятно. Может, год назад, а может, давным-давно, когда нас на свете не было...

Мы с Виталькой немного пошептались об этом и заснули.

Я не знаю, почему проснулся. Виталька тепло дышал мне в щеку. Дождь кончился, и за окном, над черными деревьями, быстро летели клочковатые облака. Иногда из них мячиком выпрыгивала яркая луна, и в комнате делалось светло.

Стояла странная тишина. Неполная. Сквозь нее пробивалось тиканье – ровное и звонкое.

Я толкнул Витальку. Он поворчал, почмокал губами и проснулся.

– Слушай, – велел я.

Тик-так, тик-так... – доносилось откуда-то из-за шкафа.

Капли? Сверчок? Нет...

Мне стало страшно. Не знаю почему, но здорово страшно. Витальке, кажется, тоже. Но еще страшнее – лежать и не знать, что там: или тихие шаги, или чье-то сердце стучает...

Виталька медленно откинул ковер. Встал. Я тоже встал. Пробежали мурашки – ночной воздух был сырой и зябкий.

Мы крепко взялись за руки и на цыпочках двинулись к шкафу. Луна выкатилась опять и добросовестно светила в окно. А половицы, как и полагается в таинственном доме, поскрипывали. Мы заглянули за шкаф.

Там была еще одна дверь.

Дверь в третью комнату, которую мы раньше не заметили.

Тикало в той комнате.

Мы вместе, плечом к плечу, протиснулись в дверь. Комната была маленькая, с одним окном. Окно было темным, потому что луна светила с другой стороны. Виталька включил фонарик. Желтый круг пополз по стене, и в этом круге мы увидели ходики.

Это они бросали в тишину свое тик-так. Ровно качался маятник.

Мы прижались друг к другу. Если бы мы увидели привидение или разбойника, то и тогда испугались бы не больше.

Ходики шли!

Дом был пуст, давно заброшен, а они тикали так же мирно и обыкновенно, как у нас на кухне!

Кто здесь живет? Что за невидимка подтягивает гирю? Кто подвесил к гире для дополнительного веса большой старинный ключ? (У нас дома тоже была подвешена к такой же гире добавочная тяжесть – сломанные плоскогубцы. Старые ходики часто в этом нуждаются.)

Днем, наверно, мы так не испугались бы. Но сейчас эти живые часы в заброшенном доме показались нам жуткой загадкой. Мы тихо отступили от них и прижались плечами друг к другу, а лопатками к стене у окна. Виталька продолжал держать часы в светлом круге фонарика. Он словно боялся, что, если выпустит их из света, может случиться что-то страшное.

– А может, кто-нибудь до нас приходил сегодня? – спросил я жалобным шепотом. – Пришел и пустил их, а?

У Витальки досадливо шевельнулось плечо: он отвергал мое предположение. В самом деле, никаких следов не было ни в доме, ни в траве у крыльца.

– А может... – начал я опять, сам не зная, что скажу...

Виталька толкнул меня локтем.

В тиканье часов пробились другие звуки: легкое постукивание по половицам, словно кто-то на легких каблуках подходил к нашей комнате.

Это были тихие, но уверенные шаги.

Виталька выключил фонарик. Мы перестали дышать и сели на корточки.

Мои глаза еще не привыкли к сумраку, но все-таки я различал проем открытой двери, карнизы, белый циферблат ходиков, большие щели на стене. Стена была мутно-серой. И вот на этом сером фоне возник силуэт пришельца.

Это был зверь.

Постукивая когтями по полу, он вошел в комнату и настороженно остановился.

Виталька включил фонарик. Не знаю, нарочно или с перепугу. Свет метнулся по комнате и упал на зверя.

Зверь был собакой. Большой рыжей собакой с висячими ушами! Собака мотнула головой, замигала от света, но не отпрыгнула, не оскалилась, не зарычала. Она молча подошла и ткнулась мне в колени мокрым носом.

Это было так неожиданно и так хорошо, что страх пропал в одну секунду. Я сразу понял, почувствовал, что это добрая собака и что она рада нам. И, ничуть не боясь, обнял ее за шею, потрепал ее длинные уши и, радуясь счастливому исходу страшного приключения, сказал ей:

– Ух ты, собака. Ух, как ты нас перепугала. Ух ты, моя хорошая.

Хвост у собаки заметался так, что по ногам у нас прошел ветер.

Виталька притиснулся вплотную и спросил у собаки:

– Ты кто? Где твой хозяин?

А она мотала хвостом, толкала мне голову под мышку, прижималась косматым боком.

А правда, где ее хозяин? Он, наверно, придет сейчас следом? Что он за человек? А вдруг он не такой добрый, как собака?

Короткий гудящий толчок заставил нас вздрогнуть. Однако ничего страшного не было: это гиря часов рывком опустилась на несколько сантиметров и теперь вместе с тяжелым ключом покачивалась у самого пола.

Но собака насторожилась. Она высвободила голову у меня из-под мышки, прислушалась. А потом сделала такое, что мы притихли от изумления.

Она подошла к часам, встала на задние лапы, передними уперлась в стену, а зубами ухватила цепочку. Тр-р-р! – гиря и ключ поехали вверх. А собака встала на четыре лапы, махнула хвостом и оглянулась на нас.

– Ух ты, умница! – сказал я.

– Нет у нее хозяина, – с облегчением сказал Виталька. – Все уехали, а она одна осталась. И сама заводит часы.

– А зачем?

– Кто же знает? Наверно, привыкла, что в доме обязательно часы идут. Наверно, ждет, что люди вернутся, и думает, что часы – это очень важно. Может, она их и при людях заводила, а сейчас не хочет бросать...

Жаль мне стало эту собаку и захотелось сделать ей что-то хорошее, приласкать, помочь чем-то.

– Иди сюда, собака, – позвал я. – Тебя бросили, да?

Она опять подошла и положила мне голову на колени. К морде у нее прилипли шерсть и мелкие перышки.

– Слопала кого-то, – сказал Виталька.

Мне совсем не хотелось думать, что такая хорошая собака может кого-то слопать. Но Виталька опять заговорил:

– Конечно. Что ей делать? Раз бросили, надо самой кормиться, вот она и охотится.

Бросили! Такую собаку оставили! Что это за люди?!

– Разве можно бросать собак? – возмущенно сказал я. – Она здесь, наверно, не один год живет и все ждет...

– Откуда мы знаем, что здесь было? – рассудительно откликнулся Виталька. – Может быть, никто не виноват...

Но я не хотел думать, что никто не виноват. Как это? Собака брошена, живет одна и ждет, ждет, ждет. И заводит часы, чтобы дом не был совсем мертвым. Она бережет этот дом для людей, которые про нее забыли. А люди ни при чем?

– Какая она худая, – прошептал Виталька, поглаживая собачью спину.

Мы скормили собаке почти все наши запасы. Она ела жадно и виновато оглядывалась на нас. Извинялась, что не может удержаться.

Потом мы притащили в маленькую комнату ковер. Она казалась нам теперь самой уютной. По-домашнему тикали часы, ходила рядом с нами собака – хозяйка этого дома, и все страхи развеялись.

Мы завернулись в ковер, а собака легла у нас в ногах и стала ровно дышать.

– Хороший пес, – сказал я громким шепотом.

В ответ собака постучала хвостом.

– Рада, что люди пришли, – сказал Виталька.

– Завтра возьмем с собой? – спросил я.

– Конечно.

Мы еще немного поговорили о собаке, о старом доме, о тех, кто здесь жил. Почему ушли люди? Почему осталась собака? Кого ждала? Мы потом еще не раз будем придумывать про это всякие истории. А правду так и не узнаем.

Я проснулся от горячего солнца. Оно било вдоль промытых дождем стекол и рикошетом залетало в комнату. У Витальки на ресницах загорались золотые точки. Виталька поморгал и улыбнулся. Откинул край ковра и сел. Сразу стало зябко. Я тоже сел и обнял себя за плечи.

Тикали часы. Они показывали половину шестого, но мы не знали, конечно, точно ли они идут. Собака спала у нас в ногах. Ее рыжая шерсть местами слиплась в сосульки и казалась грязно-бурой. Сквозь шкуру проступали ребра.

– Голодная, наверно, – пожалел ее Виталька.

Собака открыла глаза и посмотрела на нас. У нее была грустная и добрая морда. И очень умная.

– Собака, хочешь с нами? – сказал Виталька. – Тетя Валя не прогонит, не бойся.

Собака медленно поднялась и шевельнула хвостом.

– Хочет! – обрадовался Виталька. – Пойдем!

Мы вынесли ковер из дома. Собака вышла за нами. Высокая трава еще не высохла и хватала нас за ноги, будто холодными пальцами. Чтобы ковер не промок, мы развернули его на просохших досках крыльца. Сели.

– Иди, собака, – позвал я.

Она послушно села рядом с нами. Я осторожно обнял ее за шею.

Мы взлетели очень тихо и плавно, чтобы не пугать собаку. И она не испугалась. Сидела совсем спокойно, поглядывая с высоты. Но когда мы отлетели метров на сто, она забеспокоилась. Освободила из-под моей руки голову, завертела ею, встревоженно глядя то на меня, то на Витальку.

– Не бойся, – ласково сказал я.

Но собака и не боялась. Она просилась назад. Она поползла к самому краю ковра, заскулила и негромко гавкнула.

– Не хочет, – сказал Виталька.

– Нельзя ее одну оставлять! – сердито сказал я.

– Это ее дом. Раз не хочет бросать, что поделаешь? Она все равно сюда уйдет.

Делать нечего, мы опустились недалеко от дома, собака сошла с ковра и оглянулась: звала нас с собой.

– Мы не можем, – сказал Виталька. – Ты не можешь, и мы не можем. Понимаешь?

Собака смотрела печально. Понимала.

– Мы тебя навестим, – пообещал я.

Глава одиннадцатая

По западному краю неба опять проходила гроза. Громоздила горы черных и лиловых облаков. В их толще загорались ветвистые молнии, а потом, с большим опозданием, к нам подкатывал ворчливый, уставший по дороге гром.

Оттого что светило солнце, тучи казались особенно мрачными, а молнии – тусклыми, чуть заметными. Это выглядело зловеще. Но мы не боялись грозы. Дул восточный ветер и отодвигал ее за горизонт, подальше от нашего пути.

Потом гроза у горизонта пролилась дождем и стала рассеиваться. Загорелась большая радуга. Она, как ворота великанского дворца, упиралась двумя концами в леса, и зеленая лесная шкура просвечивала сквозь ее разноцветную толщу.

– Летим к ней! – крикнул Виталька.

– Летим! – крикнул я и задрожал от радости и от страха, что не успеем.

Мы успели! Мы влетели в радугу!

Я слышал от взрослых, что к радуге приблизиться нельзя – она будет убегать, а потом рассыплется, растает, как мираж. Не верьте! Подойдите к шумному фонтану – там в брызгах висит множество маленьких радуг. В них можно погрузить руки. Радуги затанцуют на ваших ладонях. Почему же нельзя коснуться большой радуги?

Конечно, если бежать по земле, трудно успеть. А мы летели, и нам помогал попутный ветер.

Когда мы подлетали к радуге, нам показалось, что с неба рухнул на лес разноцветный водопад – прозрачный и бесшумный. Потом все вокруг: вся земля, и облака, и мы сами – сделалось лиловым, синим, голубым, и рядом с нами засверкали огоньки – тоже голубые и синие. Они вспыхивали, как стеклянная пыль, и чуть заметно покалывали кожу.

Потом все сделалось ласковее, теплее, и на нас накатила зеленая волна. В ней тоже трепетали огоньки – ярко-зеленые. Словно дрожали под ветром и солнцем листики крошечных деревьев, омытые дождем.

А затем листики превратились в солнышки. Эти солнышки горели на ворсинках ковра, на незаметных волосках нашей кожи и просто в воздухе. Виталька сидел напротив меня и смеялся. Его рубашка из голубой превратилась в светло-зеленую, а в волосах его были перемешаны огненные точки.

Желтый воздух стал гуще, набрал красноту, и нас будто жаром обдало – мы пролетели сквозь оранжевый туман. И сразу словно зазвучала музыка – таким празднично-красным стал весь белый свет. Веселым, пересыпанным малиновыми огоньками.

Мы прошли разноцветную радугу насквозь и влетели под ее светящуюся арку.

Но радуга звала нас обратно.

Мы снова окунулись в нее и, ныряя в цветных волнах, пошли по дуге – по всей длине радуги. А она была громадная, и путешествие получилось длинным-длинным. Мы купались в ласковой радуге, как в реке, а она словно взмахивала перед нами цветными крыльями. И у каждого света было свое тепло и даже свой запах. Мне казалось, что желтый воздух пахнет свежими сосновыми щепками, оранжевый – мандаринами, зеленый – мокрой травой...

Сейчас в это трудно поверить, но тогда я ничуть не удивился. Я был уверен, что так и должно быть. В те годы каждой клеточкой тела, каждым незаметным волоском я ощущал жизнь земли и воздуха – их дыхание, свет, шорохи и тепло. Я мог плечом почувствовать мелькнувшую тень пролетевшей птицы, мог на ощупь выбрать в разнотравье нужный стебелек, знал, как пахнут разные ветры, и, просыпаясь, по стуку капель сразу определял – теплый или холодный идет дождик. Если я брел по ручью, то легко мог сосчитать, сколько прохладных и теплых струек, похожих на стеклянные шнуры, вьется у моих ног. Я умел на целую секунду удерживать в ладони солнечный зайчик, а когда он проскальзывал между пальцами и садился мне на костяшки, я кожей чувствовал его пушистое шевеление.

Я мог с закрытыми глазами узнать, какие в небе облака.

И Виталька все это мог тоже...

Мы помахали радуге руками и взяли курс к дому. Летели низко, обходя темные вершины старых елей. Гладили по макушкам светлые березы, заглядывали в птичьи гнезда. Звали к себе поближе разных лесных пичуг, а они почему-то пугались, глупые.

Только большой дятел на сухой сосне нас не испугался. Он покосился черным глазом-бусиной и так тукнул по стволу, что целый пласт коры отлетел и ухнул в лесную глубину. А Виталька потом уверял, что от этого удара у дятла съехал набекрень красный колпачок.

Мы летели медленно, а время быстро. И уже вечером приблизился от горизонта к нам город.

Недалеко от реки, среди мелких берез, мы увидели круглую поляну с ромашками. Они росли не очень часто – каждая по отдельности – и от этого казались особенно крупными и удивительно чистыми.

– Давай нарвем, – сказал Виталька. – Тетя Валя знает как любит цветы...

Я повел ковер над самой травой – искал место, где можно опуститься и не помять ни одного цветка. И нашел уже, но Виталька испуганно сказал:

– Не надо, намокнет!

В самом деле, трава блестела, а на ромашках, как на блюдах, лежали капли. Наверно, недавно здесь пролился случайный солнечный дождик.

– Держись в воздухе, – сказал я Витальке. И он повис на ковре-самолете в метре от земли, а я прыгнул в сырую путаницу листьев и стеблей. Кеды быстро промокли. Но зато большой букет пахнул теплым дождем, лесом и радугой.

Когда мы летели к дому, я держал охапку ромашек у груди, поэтому футболка у меня спереди тоже промокла и к ней прилипли мелкие листики.

С поляны мы взлетели на большую высоту, распустили для маскировки “змеевый хвост” и пошли над городом. Было время заката. Нас еще освещало солнце, а город уже лежал в тени. Мы спикировали в эту тень и стремительно опустились, почти упали к себе на крышу.

В доме было тихо, только в щелях скреблись сверчки и другая мелочь. Мы спустились в комнаты, достали старинную прозрачную вазу и посреди стола поставили букет.

– Лишь бы не завял до завтра, а то... – начал Виталька и странно замолчал.

– Ты чего?

Он икнул и показал на угол. Там стоял чемодан тети Вали.

– Значит, она... ик... вернулась сегодня утром.

– Где же она? – глупо спросил я.

– Где! – плаксиво сказал Виталька. – Бегаёт по всему городу, нас ищет! Где ещё? Вон она идет.

Я увидел в окно тетю Валю. Она медленно шла по двору от калитки.

Мы ринулись на вышку, сорвали с себя кеды и нырнули под одеяла. Каблуки тети Вали застучали на ступенях. Следы моих мокрых кед безошибочно указали ей, что путешественники вернулись.

Через полминуты мы, замерев, лежали носами к стенке, а тетя Валя стояла в середине свободного пространства и обращалась к нашим спинам и затылкам с необычно длинной и крайне суровой речью.

Она говорила, что мы невозможные люди, жестокие мальчишки. Что мы думаем только о собственных радостях и никогда не помним, что у взрослых людей бывает больное сердце. Хорошо еще, что Валентина Сергеевна (моя мама) не успела ничего узнать, потому что и она, и дядя Сева с утра до вечера на работе (я облегченно передохнул); зато она, тетя Валя, постарела на десять лет, но дело не в ней, а в том, что мы растем бессердечными эгоистами. И самое скверное, что никакие слова на нас, оказывается, не действуют. Остается единственный способ воспитания: взять две крепкие хворостины – для каждого персональную – и выдрать нас по всем правилам, неторопливо и обстоятельно.

Однако сделать это она, к сожалению, не может. Драть меня она не имеет права, так как я не родственник ей, хотя она об этом часто забывает (здесь тетя Валя слегка сбилась и подозрительно шмыгнула носом). А драть одного Виталия – несправедливо, потому что наверняка виноваты одинаково. И ей, тете Вале, остается одно: уйти и оставить нас наедине с нашей совестью (если мы знаем, что это такое и если эта совесть у нас хоть чуточку сохранилась).

Видимо, что-то сохранилось, потому что меня грызли жалость и раскаяние. Я готов был даже признать тетю Валю полноправной родственницей со всеми вытекающими последствиями. Но тетя Валя шумно высморкалась, укоризненно помолчала и спустилась к себе. Там она увидела букет и растаяла.

– Негодники, – размягченно сказала она. – Вот негодники...

Мы, стараясь не шлепать босыми ступнями, пробрались вниз и остановились на пороге. Тетя Валя подняла лицо от букета. Посмотрела на нас через плечо. Наверно, мы были очень виноватые, маленькие и печальные.

– Преступники, – сказала тетя Валя. – Где вы бродяжничали? Я приехала в пять утра и сразу поняла, что вы не ночевали. Пыталась узнать у Саши и Веты, а они или молчат, или бормочут непонятное... Я чуть не умерла.

– Мы же не знали, что ты раньше времени приедешь, – пробормотал Виталька.

Тетя Валя повернулась к нам, прочно села на стул, выпрямилась и потребовала:

– Идите сюда, отвратительные мальчишки, и рассказывайте про все, что успели натворить. Подробно и честно.

Она уже ни капельки не сердилась. Она радовалась, что мы не пропали. Мы подошли, и она ухватила нас за руки, будто боялась, что мы опять исчезнем. Мы вздохнули, посмотрели друг на друга и рассказали про ковер-самолет.

– Ведь ты сама его нам дала, – прошептал в заключение Виталька.

А я добавил:

– Он совсем безопасный...

Не знаю точно, поверила ли тетя Валя. Наверно, поверила. Она не удивилась и не стала просить, чтобы мы показали, как летаем. Она сжала наши руки и сказала:

– Ковер-самолет – это сказка. А сказки существуют для радости. Разве можно делать так, чтобы сказка доставляла кому-нибудь огорчение?

И мы тут же пообещали, что никогда больше не доставим тете Вале огорчений. Ни с ковром-самолетом, ни без него.

Она почему-то улыбнулась и покачала головой. Посмотрела на нас, на ромашки, снова на нас. И сказала, что следовало бы нас проучить как следует, но что поделаешь – не выбрасывать же подарки, которые она привезла нам.

И она вручила Витальке медовые краски, а мне губную гармошку. Потом нам обоим – туристический компас со светящимся циферблатом. Мы сдержанно подвывали от восторга.

Кроме этих подарков тетя Валя привезла Витальке рубашку. Это была косоворотка с шелковым пояском и с вышитым узором на вороте и на подоле. Материя была светло-желтая, шелковистая и переливалась, как атлас.

Тетя Валя потребовала, чтобы Виталька тут же примерил обнову.

Рубашка оказалась велика и висела на Витальке довольно балахонисто. Он стал похож на девочку в платьице. Об этом я ему честно сообщил, когда тетя Валя вышла за окнами.

Виталька отмахнулся:

– Пусть! Лишь бы она не сердилась.

И он сказал тете Вале, что рубашка ему в самый раз и очень нравится и он просто счастлив от такого подарка.

– В самом деле? – обрадовалась тетя Валя. – Вот и прекрасно. А то мне казалось, что она широковата и длинновата. Очень хорошо, что тебе нравится. Завтра наденешь, когда пойдем в цирк.

– В цирк?! – хором сказали мы.

И тетя Валя сообщила, что еще неделю назад купила билеты – хотела сделать нам сюрприз.

Виталька кинулся ее обнимать. Я обниматься постеснялся и, чтобы выразить радость, вlepил ему между лопаток “леща”.

Виталька кошкой прыгнул на меня и сел верхом. Зазвенела люстра. Кукушка с перепугу прокричала пятнадцать раз. Тетя Валя схватилась за голову.

– Прекратите сию секунду! Вы сумасшедшие дикари, а не дети! Я вас выставлю из дома, и будете ночевать на дворе, пока не станете приличными людьми!

Глава двенадцатая

– Ты в самом деле собираешься в цирк? – спросила мама непонятым голосом.

– Д-да... А что? – сказал я.

– Посмотри на свои колени.

Я посмотрел краем глаза и коротко вздохнул.

– Вот именно, – сказала мама и добавила, что ляжет костями у дверей, но не выпустит меня больше из дома с такими ногами. Тем более в цирк, где масса людей – в том числе знакомых.

Когда мама говорила таким тоном, я знал, что лучше не спорить.

Через минуту я стоял в большом тазу, по щиколотку в горячей воде, и протяжно стонал. Мочалкой, сплетенной из капроновой лески, мама обрабатывала мне колени. Надо сказать, что работа ей досталась немалая. Попробуйте отодрать спрессованные наслоения: уличную пыль, ржавчину с Виталькиной крыши, землю с лесных полян, въевшиеся в кожу песчинки и зеленый сок растений, который пропитал и спаял все слои.

Мама быстро устала и начала сердиться. А тут еще этот таз! Он вел себя просто подло. Дно у него было слегка выпуклое, и он вертелся подо мной. Когда мама давила на левую коленку, таз поворачивался влево, когда на правую – он сразу начинал обратное вращение.

– Не вертись! – сказала мама.

– Это не я, это таз...

– Ты мне поговори! – пригрозила мама и так дернула мочалкой, что я взвыл, будто кошка с прижатым хвостом.

И жалобно спросил:

– Можно я лучше сам?

– “Сам”! – сказала мама. – Если бы ты мог что-нибудь делать сам, я бы была счастливейшим человеком.

Но, совсем измучившись, она отдала мне мочалку и ушла из кухни.

Коленки горели, будто я только что ползал по раскаленным железным листам. Надо было дать им отдых. А пока колени отдыхают, я решил попробовать: сколько оборотов сделает вместе со мной таз, если я крутнусь как следует?

Я ухватился за край стола и крутнулся...

Таз успел сделать всего пол-оборота, а потом выскользнул из-под меня и, как марсианская летающая тарелка, ушел по косой линии в угол. Там он с медным грохотом грянулся об умывальник, выплеснув на стенку воду. Я, в свою очередь, тоже грохнулся, крепко треснувшись о половицы.

Я здорово перепугался. В первую же секунду я представил, как влетит сейчас в кухню мама и какой мне будет нагоняй. Вместо цирка. И я заревел от страха и боли.

Первым вбежал дядя Сева.

Он подхватил меня, прижал к суконному кителю и громким шепотом сказал:

– Олеженька! Ты что, малыш?

Раньше он никогда так не говорил. А может, и говорил, да слова отскакивали от меня, как горошины от потолка.

Но сейчас, перепуганному, мокрому и ревущему, мне было не до гордости и обид. Тем более что тут же появилась мама с грозными словами:

– Я так и знала!

– Подожди, подожди, – сказал дядя Сева. – Что ты знала? Человек ударился, даже до слез. Понимать надо.

Мама несколько секунд изумленно смотрела, как я повис на дяде Севе, облапив его за плечи – будто единственного защитника и спасителя. Потом, уже с притворной сердитостью, произнесла:

– “Понимать надо”! Интересно только, почему меня никто не хочет понимать?

Она принялась затыкать воду, заявив при этом, что окончательно убедилась, какие нелепые и беспомощные люди все мужчины. И самое удивительное, что, сделав какую-нибудь глупость, они тут же спешат друг другу на выручку! И тогда уж к ним не подступись!

А я понимал, что она рада. Она устала видеть мою молчаливую войну с дядей Севой. И я, оказываясь, сам устал от этой войны.

Сквозь мокрые ресницы я нерешительно посмотрел дяде Севе в лицо, и он чуть-чуть улыбнулся мне. И я тоже улыбнулся.

Он унес меня в комнату. Сел на диван, а меня посадил на колени.

– Сильно стукнулся? – негромко спросил он.

– Не... не очень, – прошептал я.

– Прошло уже?

– Ага...

Большая пуговица с якорем давила мне сквозь майку на ребро, но я не шевелился. Пускай давит! Все равно мне хорошо.

Ленка тарасилась на нас так удивленно, что мне захотелось показать ей язык. Но я поступил благородно и умно: не показал. Медленно поднял голову и снова глянул в лицо дяде Севе. И мы опять улыбнулись.

Пришла мама и принялась гладить мой праздничный костюм. Потом проверила мои колени. Оказалось, что с них уже соскоблено все, кроме болячек и ссадин, которые никуда не денешь.

– Одевайся, герой.

От костюма пахло горячим утюгом и праздником. Он был голубой и легонький, как шелковый игрушечный парашютик для запуска из рогатки. С золотистыми пуговками, похожими на новые копейки, с погончиками и пряжками, со звездочкой, вышитой на нагрудном кармане. Такие костюмчики для нашего брата, похожие на юнармейскую форму, в то время только входили в моду, и мама весной привезла его из Ленинграда вместе с белыми гольфами и синей испанкой. Кроме этого, мама выдала мне новые скрипучие сандалии. Они пружинили и просто заставляли куда-нибудь бежать.

Шелковая кисточка испанки щекотала мне левую бровь. Я весело поглядел из-под нее на маму, дядю Севу, Ленку, крутнулся на пятке, помахал всем с порога и, счастливый, отправился к Витальке. Двое встречных мальчишек обозвали меня стилигой, но и это не испортило мне настроения.

Я думал о дяде Севе и понимал, что теперь у меня в жизни появилась еще одна радость.

А кроме того – цирк! Это тоже здорово!

Однако жизнь устроена сложно: не успеешь порадоваться – и нате: какая-нибудь неприятность.

Когда мы пришли к цирку и, потоптавшись в очереди, добрались до входа, контролер – седой старичок – не пустил нас. Повертел билеты, посмотрел на них с двух сторон и сказал тете Вале:

– У вас, гражданочка, билеты на завтрашнее представление, не на сегодня.

– Как же так? – строго и обиженно спросила тетя Валя. – Где это написано?

– Вот здесь и написано. Видите, штампик...

Тетя Валя принялась теребить кружевные манжеты.

– Я не понимаю... Значит, это кассир... Я же просила.

Старичок сочувственно вздохнул:

– Бывает... Только сейчас билетов уже нет и касса не работает.

– Безобразие, – сказала тетя Валя и виновато посмотрела на нас.

Мы повесили носы.

Сзади напирал народ и слышались голоса:

– Что там? Тетенька, не загораживай, всем проходить надо!

– Что значит “всем надо”? – вдруг рассердился старичок. – Все и успеете. Им – тоже надо.

Он посмотрел на нас и предложил:

– Я, конечно, могу пропустить. Понимаю, ребятишки... Только ведь стоять придется, места заняты.

Им-то ничего, а вам, гражданочка, при вашем возрасте...

– Нет, благодарю вас, – весьма сухо отозвалась тетя Валя. – Мы подождем до завтра. Идемте, дети...

Мы выбрались из циркового сквера и совсем невесело побрели к дому.

– Ничего страшного, – неуверенно сказала тетя Валя. – Зато завтра нас ждет представление. Завтра! А сегодня что? Все было так хорошо, и вдруг – бац!

Виталька шел, глядя под ноги, уныло наматывал на палец свой шелковый поясик и сердито его дергал.

Мне-то было не так грустно. Я вспоминал про дядю Севу и думал, что сегодня дома у меня будет хороший вечер. У своей калитки я сказал, что пойду ночевать домой.

Но и дома меня ждало огорчение: мама и дядя Сева пригласили старую соседку тетю Любу, чтобы Ленка не боялась одна сидеть дома, а сами ушли в кино.

Тут я подумал, что Витальке грустно в одиночестве. Решил взять книжку “Снежная королева” и побежать к нему. Сядем на лежаке и будем читать вслух. Это была моя любимая сказка, и Витальке она тоже нравилась, но вместе вслух мы ее ни разу не читали. Наверно, будет интересно.

Я стал искать книгу на полке. Ее не было!

– Ленка! – грозно сказал я. – Ты брала “Снежную королеву”?

Она заморгала:

– Брала...

– Куда девала?

– Девочке дала почитать.

У меня перехватило дыхание от такой наглости. Девочке! Мою! “Снежную королеву”!

Когда дыхание перестало перехватываться, я прищурился и спросил:

– Я твоих кукол даю играть мальчикам?

Ленка заморгала сильнее и, видимо, приготовилась пустить слезу.

– А мама... говорила, что книжки общие.

Если бы это еще вчера было, я бы сказал ей про “общие” книжки. Но сегодня, когда мы с дядей Се-вой... В общем, я только предупредил:

– Если вздумает порвать или потерять...

– Она не вздумает, – поспешно пообещала Ленка.

Я, ворча для порядка, достал “Тома Сойера”. Тоже подходящая книжка для вечернего чтения.

– Нашим скажи: я у Витальки, – предупредил я Ленку, обалдевшую от моего великодушия.

Даже став большим, я часто удивляюсь, как много меняют в жизни пустяковые случаи. Не попадись нам тогда в руки “Том Сойер”, ничего бы, наверно, не случилось.

Все сначала шло как надо. Мы уселись на топчан, включили настольную лампочку, раскрыли на середине читанную много раз книжку...

– “В жизни каждого нормального мальчика наступает момент, когда ему хочется найти клад...” – прочитал я. И удивленно посмотрел на Витальку. А он на меня. Мы были нормальными мальчиками. Почему же до сих пор нам в голову не приходила эта мысль?

Наверно, потому, что не было ковра-самолета. А на ковре можно добраться до таких мест, где и в самом деле вдруг зарыт какой-нибудь клад!

– А где? – спросил я.

– Старый дом, – задумчиво сказал Виталька.

Правда! Старый дом, как и в “Томе Сойере”, – самое подходящее место! Может, его таинственные хозяева, уходя, оставили в погребе золото и оружие? А собака охраняет. Но нас-то собака знает!

Беда только, что далеко. А поисками хорошо бы заняться скорее. Может, даже сегодня, раз уж не попали в цирк.

И вдруг Виталька приключенческим шепотом сказал:

– Колокольня...

Вот это да! Как мы раньше не подумали? Как мы, летая над городом, вообще ни разу не догадались заглянуть на колокольню? Туда, где никого не было целых сорок лет!

На радостях мы с Виталькой обнялись, забарахтались и бухнулись с топчана. Хорошо, что на ковер.

Но, хлопнувшись, я засомневался:

– Клады под полом прячут. А нам в нижнюю часть не добраться, только наверх сможем. А наверху что?

– А наверху – часы. А может, скелет того пулеметчика...

Я поежился и спросил, на кой шут нам скелет.

– Мало ли на кой... Возьмем череп, вставим свечку, чтоб глаза горели, потом повесим у окошка Иван Ивановича Разикова. Знаешь, как он... развеселится!

Я представил себе “веселье” Ивана Ивановича. И все-таки встречаться со скелетом, да еще в сумерках, в таинственной башне почему-то не очень хотелось.

– Да нет никакого там скелета, – успокоил Виталька. – Если и был, то рассыпался, а кости вниз падали... А пулемет, наверно, остался. Пулеметы ведь крепко устанавливают... Там, наверно, и патроны остались. Найдем – притащим сюда, и, если кто полезет, мы – “ды-ды-ды-ды”!

– Кто полезет? А если и полезут, попробуй “дыдыкни” хоть одним патрончиком! Тебя знаешь сразу куда “ды-ды”?

– Да я так просто... Он все равно сломан, наверно. А играть-то можно!

Конечно, настоящий пулемет для игры, пускай даже сломанный, – это вам не хуже любого клада! Не то что скелет...

Тут и спорить нечего!

И мы стали готовиться к поискам и приключениям.

Что нужно искателям клада? Мы вытащили из-под лежаков моток веревки, фонарики, ящик с нашим оружием.

Переодеться нам, конечно, и в голову не пришло. Я только снял испанку, чтобы не сбило ветром, а Виталька сдернул поясок, чтобы не зацепился за что-нибудь. В новенькие белые гольфы я засунул оружие – как десантники суют его за голенища сапог. Слева – длинноствольный пластмассовый револьвер, справа – свой длинный нож из лезвия слесарной пилки.

Револьвер Виталька заставил меня убрать: заявил, что это игрушка, а мы на серьезное дело идем. Зато про нож сказал, что это хорошо.

Я и сам знал, что хорошо. Оплетенная изолентой рукоятка мужественно торчала у колена, а тонкое лезвие плотно прилегало к ноге и приятно холодило кожу. Это ощущение придавало силу и уверенность. Если даже скелет...

Мы стартовали с крыши незадолго до полуночи, когда тетя Валя уже крепко спала.

Стоял конец июля, и самые светлые ночи лета были позади. Но все же настоящей темноты пока не наступало. Небо оставалось голубовато-серым, и только самые крупные звезды пробивались сквозь серебриющийся воздух. На востоке ртутным блеском отливали узкие облака, а среди них застряла тускло-розовая луна.

Мы шли на малой высоте – чуть выше проводов, обходя черные пихты и тонкие антенны телевизоров. Потом Витальке надоел бреющий полет, и он поднял ковер метров на сто. Заиграли под нами стаи огоньков среди темных крыш и деревьев, распахнулся на краю города светлый изгиб реки с черными, будто нарисованными, суденышками. Цветные огоньки на судах, казалось, живут отдельно, как случайно слетевшие туда звезды.

А колокольня на фоне ясной воды и неба темнела, словно башня таинственного замка. В полукруглых проемах верхнего яруса четко рисовались уцелевшие колокола. Издалека они были похожи на колокольчики для удочек.

– Красиво, да? – сказал Виталька.

Я кивнул. Но тут же стало не до красоты: мы влетели в полосу холодного воздуха и моментально продрогли. Пришлось опять снижаться до крыш.

Наконец под нами мелькнула крытая железом стена монастыря, проплыла слева острая верхушка угловой башни с флюгером и вплотную придвинулась к нам колокольня. Словно великан шагнул навстречу.

Мы повисли у стены колокольни метрах в десяти от земли. Весь день эта стена впитывала солнечные лучи, и теперь от нее веяло теплом, как от остывающей печки. Пахло нагретыми кирпичами, известкой, а с земли полынью.

Мы стали медленно подниматься к верхнему ярусу. Стена заскользила вниз. Я приложил к ней ладонку, и кожу обожгло стремительным шероховатым движением. На руке осталась известковая пыль. Я хотел привычно вытереть ее о штаны, однако вспомнил вовремя про новый костюм и просто почистил одну ладонку о другую.

– Ты чего аплодируешь? – спросил Виталька. – Мы еще ничего не нашли.

– Найдем, – сказал я.

Мне и вправду верилось, что в такой старинной, таинственной башне обязательно есть что-то интересное. Лишь бы не скелет, конечно...

Сверху надвинулся громадный циферблат часов, и мы остановились прямо в центре – у оси, на которую насажены были могучие стрелки. Минутная была почти с меня ростом. От стрелок знакомо пахло медью – так же, как от нашего телескопа. А от железного циферблата – ржавчиной.

– Вот это будильничек! – уважительным шепотом произнес Виталька.

Я кивнул и поднял ковер к верхнему краю циферблата.

Обе стрелки смотрели вверх. Минутная чуть-чуть не дошла до двенадцати, а часовая остановилась на единице. Снаряд с канонерки ударил около часа дня.

Я потрогал узорный наконечник минутной стрелки. Он был холодный. Медь, видимо, остывает быстрее железа.

– Ну, цифрищи! – все тем же шепотом сказал Виталька.

Медные римские цифры были размером с большую книгу. Я хотел их тоже потрогать, но ковер плавно пошел вверх: Виталька повел его на колокольный ярус.

Мы остановились у арки, перегороженной перилами из метровых точеных столбиков и толстой балки. Высоко над перилами висел темный колокол, под которым запросто могли бы спрятаться я, Виталька, Ветка и Ветерок.

Арка только издали казалась обычным полукруглым окном с колокольчиком. На самом деле она была как высоченные ворота. Мне вдруг подумалось, что, если крикнуть, голос разнесется под сводами, ударится о колокол и эхо пойдет над городом. От такой мысли сделалось почему-то жутковато.

Но пока я размышлял об этом, Виталька смело перебрался с ковра на перила и сел на них верхом.

– Давай, – сказал он. – Я держу ковер.

Я тоже перебрался на балку. Она оказалась шершавая и колючая – того и гляди заработаешь занозу. Мы подтянули ковер, сложили пополам и повесили на перила.

– Ну вот, приехали, – сказал Виталька.

Он задрал свой вышитый подол, повозился и вытащил из кармана фонарик. Щелк...

– Смотри-ка, здесь пол!

У меня фонарик висел на шее, на шнурке. Я добавил света.

В самом деле, под нами был дощатый пол.

Но какой!

Он был в черных пробоинах – видимо, от осколков. А в середине площадки темнел провал, в котором торчали обугленные балки.

Взрослые говорили, что снаряд чиркнул о боковую стенку арки и взорвался среди колоколов. Два маленьких колокола выбросило на монастырский двор, а большой – тот, что висел под куполом, – сорвался и ухнул вниз, пробив перекрытия. Остальные жалобно погудели и остались висеть.

Я опасливо обшарил фонариком все углы, убедился, что скелета не видать, и приободрился.

– Здорово шарахнуло, – сказал я.

– Наверно, пулеметчика взрывной волной сбросило. И пулемет заодно, – огорченно откликнулся Виталька.

– Можно клад поискать, – неуверенно предложил я, хотя не представлял, где здесь может оказаться клад.

– Сперва разведем, – решил Виталька.

Он храбро спустил ноги с перил и прыгнул на доски. Они чуть-чуть задрожали, но не провалились. Я тоже прыгнул.

Мы скатали ковер, уложили на пол у стены. Еще раз осмотрелись.

Здесь, на верхней площадке, искать было нечего. Самое интересное – это колокола. Но в колоколах клад не прячут, а разглядеть их мы всегда успеем.

Я на четвереньках подобрался к черному провалу и посветил вниз. Там было темно и пусто.

Я чувствовал себя неловко оттого, что Виталька все время первый, а я вроде побаиваюсь. И храбро потребовал:

– Давай веревку. Спустишь.

Но Виталька ответил, что глупо лезть в такую дыру, когда рядом нормальный спуск.

В самом деле, у стены был небольшой квадратный люк с лесенкой. Я все-таки опередил Витальку и торопливо спустил ноги на ступеньку.

Взрыв лесенку пощадил, и она даже не шаталась подо мной. Фонарик выхватил из тьмы половицы, и я смело прыгнул, хотя в животе у меня что-то ухнуло! Еще бы! Рядом чернел такой же провал, как на верхней площадке.

Виталька торопливо спустился за мной.

Здесь было все не так, как наверху. Глухо и таинственно. Только одно окошечко неясно светилось в толстенной стене. Отовсюду торчали треснувшие, поломанные и обугленные балки. Лучи наших фонариков заматались по этим балкам, кирпичным стенам, половицам, ступенькам. И вдруг...

Я не помню, кто из нас крикнул первый. Может быть, оба разом:

– Вот это да! Часы!

Точнее, это был механизм часов. Нагромождение зубчатых колес из темной, местами позеленевшей меди. Одни колеса – размером с таз, другие – с тарелку, третьи – с блюдце...

– Смотри-ка, а они целые, только остановились, – сказал Виталька.

Сказал так, как говорят про большого доброго зверя: “Смотри-ка, он живой, только спит...”

– Наверно, тряхнуло взрывом, и что-нибудь отскочило, – заметил я.

– А что?

Мы внимательно и осторожно, как задремавшего слона, разглядывали старую медную машину.

Я неправильно сказал вначале: “Нагромождение колес”. Это лишь в первый момент показалось, а на самом деле нагромождения не было. Была в механизме стройность и красота: зубчик к зубчику, валик к валику – все на месте, все точно.

Кажется, часы не пострадали от взрыва.

Дело вот в чем. На многих башнях циферблаты часов смотрят на четыре стороны. А на нашей колокольне был один циферблат – с запада. В давние времена монастырь построили к востоку от города и часы повернули к городу лицом: чтобы каждый мог их видеть. И чтобы на судах, идущих вверх по течению домой с дальнего моря, тоже издалека видели часы... Ну а раз циферблат один, то и механизм стоял не посреди башни, а в стене – в глубокой нише. И тяжелый колокол, когда летел вниз, пробивая этажи, не затронул ни одну шестеренку.

– Давай залезем, – прошептал Виталька. – Поглядим хорошенько.

И стал пробираться к механизму.

Я – за ним.

Темный провал, как назло, в этом месте подходил к самой нише, и добраться туда можно было только по наклонной балке – пыльной и слегка обугленной.

Витальке-то что! У него штаны черные – сажу не заметишь. Он подобрал подол рубашки, сел на балку, будто на гимнастического коня, и, упираясь руками, добрался до ниши.

Я же – в новом голубом костюме – сесть не мог. А тут еще эти белые гольфы, черт бы их побрал. А что делать?

Замирая от ужаса, я встал на балку. Она была широкая и не качалась, но все равно... Сам не помню, как я прошел над жуткой черной дырой. Я знал, что эта глубина – до нижнего этажа колокольни. Метров сорок! Хорошо, когда под тобой ковер-самолет, а когда просто так, то ноги слабеют.

Чуть живой, прыгнул я рядом с Виталькой. Он смотрел на меня с уважением. Я сразу возгордился: хоть и с перепугу, но все равно совершил геройство. А чтобы Виталька не подумал, будто хвастаюсь, я обыкновенным голосом спросил:

– Ну и что здесь интересного?

Мы очутились словно внутри великанских часов-ходиков. Медные шестерни и рычаги окружали нас, а прямо перед нами оказались два зубчатых вала. Через них перекинута была могучая цепь. Они уходили вниз – сквозь отверстия в кирпичной кладке.

– Как брашпили у папы на “Тобольске”, – прошептал Виталька.

И я тоже вспомнил якорные барабаны с цепями – они стояли на носу теплохода.

– А здесь они зачем?

– Как зачем? Гири!

– Одна цепь для гири. А другая?

– Другая, наверно, тоже для гири. Одна гиря для стрелок, другая для колоколов. Как в тети Валиных часах для кукушки. Забыл, что ли?

Тьфу, какой я недогадливый...

Я представил, как в глубине башни дремлют на цепях могучие чугунные болванки – каждая по сто пудов. А если надоест им так просто висеть и они потянут цепь посильнее? Мне стало жутковато и весело.

– Виталька! – страшным шепотом сказал я. – А вдруг эти часики ка-ак тикнут! А эти колесиики ка-ак перемелют нас на пельмени...

– Не тикнут, – хладнокровно откликнулся Виталька. – Смотри, балка маятник держит.

Балка, по которой мы сюда забрались, острым обломанным концом влезла, оказывается, в нижнюю часть механизма. Она зацепила и наклонно держала железный брус. Под балкой, на конце бруса, виднелся медный диск, похожий на тарелку из духового оркестра. Маятник!

– Вот почему они остановились... – задумчиво сказал Виталька.

И мы разом глянули друг на друга.

Потому что разом пришла в наши головы мысль: если убрать балку...

- А как? – спросил я.
- Отпилить ножовкой.
- Где ножовка?
- Где! Дома, конечно!
- Значит, лететь еще раз?

Виталька пожал плечами. В самом деле, что мы, рассыплемся, если слетаем за ножовкой? Зато завтра утром проснутся люди – а над городом идут часы!

Виталька опять оседлал балку и, как лягушка, допрыгал до пола. Потом снял веревку – она висела у него через плечо. Кинул мне конец.

- Обвяжись, а то вдруг загремишь...

Я послушался. Чего зря акробатничать?

Мы выбрались на верхний ярус и через арку, прямо с площадки, стартовали к дому.

Добрались мы быстро, потому что не любовались луной и огнями. В доме стояла тишина, тетя Валя спала. Осторожно, чтобы не загромоздить, Виталька выволок ящик с инструментами, достал пилу.

- Тупая... Ну ничего. А который час?

Мы посмотрели на часы тети Валиного дедушки. Было половина первого.

- Ого! – сказал Виталька. Снял часы с гвоздика, опустил в карман, а цепочку пристегнул к поясу.

- Зачем они нам?

- На тех часах сколько? – спросил Виталька.

- На тех? Без пяти час... Или без трех...

– Ну вот! По этим сверим и без трех минут пустим. Только надо успеть. А если не успеем, как стрелки будем переводить? Ты знаешь?

Я не знал. Вручную, конечно, такие махины не повернешь, в механизме мы не разбирались.

- Жмем! – скомандовал Виталька.

Обратный полет был стремительным, и нас крепко прохватило ветром. Зато колокольня теперь показалась привычной и уютной.

Мы опять пробрались к механизму. Надо было спешить, и, забыв об аккуратности, мы бесстрашно собирали на коленки и локти старую сажу, паутину, известку, кирпичную пыль и медную зелень – слои, по которым было бы можно потом прочитать все наши приключения.

Виталька сказал, чтобы я держал его за рубаху, и взял ножовку.

Пила и правда была тупая, а дерево оказалось твердым. Виталька быстро взмок и стал говорить сердито и сипло. Я сменил его.

Дерево зажимало ножовку, приходилось дергать, и несколько раз я со злости сказал слова, от которых тетя Валя грохнулась бы в обморок. Виталька сочувственно сопел надо мной и время от времени наминал:

- Шесть минут осталось... Три... Две минуты.

А я что? Разве я не работал? Я уже хотел сказать Витальке, чтобы он отправлялся в ту самую дыру, которая мрачно темнела под нами. В этот миг балка хрустнула! Тяжесть маятника надавила на почти отпиленный конец. Он отломился и с шумом полетел вниз, а там грохнул о плиты первого этажа. Гул пошел по башне.

Я отшатнулся, чтобы не загромоздить вслед за обрубком.

И тут что-то звонко стукнуло над нашими головами. И еще раз!

Дзынь-бух! Дзынь-бух!

И пошло!

Это маятник ушел в сторону и медным крючком зацепил колесико, похожее на подсолнух с острыми лепестками. А “подсолнух” повернул другую шестерню.

- Ура... Тикают... – шепотом сказал Виталька.

- Ура! – гаркнул я.

- Ура!! – заорали мы оба.

Мне очень хотелось написать, что, испуганные нашим криком, взлетели стаи птиц, но правда есть правда: никто не взлетел. Птицы почему-то здесь не селились. Только эхо пошло по башне. Ну и пусть! Мы сами были как птицы! Как летучие волшебники! Мы оживили старые часы, и они весело грохали медными колесами, словно говорили спасибо.

- Почти точно пошли, – сказал Виталька, вытянув часы из кармана. – Смотри, без пяти час.

Без пяти час! Середина ночи!

- Давай-ка домой, Виталька. Тетя Валя если проснется да узнает... будет нам “без пяти”.

- Давай, – весело согласился он. – Мы свое дело сделали.

Он хотел перебраться на балку и удивился:

– Эй, а ты чего меня держишь?

– Я?

– А кто? – Он хотел повернуться и не смог.

Я заглянул ему за спину.

Виталькина длинная рубашка попала в шестерни. Два зубчатых колеса, медленно поворачиваясь, “заглатывали” ее вышитый подол.

– Рубаха... – слабым шепотом сказал я.

Виталька оглянулся через плечо и понял. Дернулся.

Попробуй вырвись!

А колеса вращались не так уж медленно. Они все глубже затягивали острыми зубцами материю. Еще две-три минуты – и подберутся к самому Витальке.

– Ну сделай что-нибудь! – отчаянно сказал Виталька и опять дернулся. – Рубашка-то новая!

Он еще о рубашке думал!

Я перепугался по-настоящему. И впервые в жизни почувствовал, как от страха крупно дрожат ноги. Сильно-сильно, будто под полом работает большой мотор.

Нельзя трусить! Чтобы унять эту дрожь, я сердито переступил и почувствовал, как у правого колена шевельнулась рукоятка ножа. Как я мог забыть про него!

Выхватив кинжал, я одним махом отсек кусок Виталькиного подола.

– Ты что, псих? – жалобно взвыл он.

– Сам ты псих! Смотри!

Виталька посмотрел, как лоскуток уходит под острые зубцы, и вытер локтем вспотевший лоб.

– Да... Откусили часики... Ну ладно, зато идут.

– Летим, – сказал я.

В это время где-то среди колоколов бухнул и раскатился поразительно громкий удар. Мы даже присели. Я выпустил нож, и он улетел вниз.

– Бьют, – радостно и торжественно сказал Виталька. – Ай да мы!

Дома наша радость поубавилась. Мы подсчитали потери и прикинули возможные неприятности.

Ссадины – это не в счет, заживут. А вот нож было жалко. Но и это не самое главное. Поглядев на себя, я крепко задумался. Стало ясно, что, если я срочно не займусь хорошей стиркой, завтра мне будет цирк... Костюм у меня чудом уцелел, но белые гольфы... Боже мой!

– Давай добывать горячую воду и таз, – отчаянно сказал я.

– Это что, это ерунда, – откликнулся Виталька. – А с рубахой как быть? Полподола отрубил...

– Елки-палки, – сочувственно сказал я.

Сзади на рубашке был выхвачен кусок, будто за Виталькой охотилась акула. Все-таки Виталька был крепкий человек. Он сначала помог мне согреть на плитке воду, а потом уже отдался своему горю.

– Может, зашить как-нибудь? – спрашивал он и сам безнадежно отвечал: – Фиг зашьешь.

– А если складку сзади сделать? – предложил я, бултыхая в тазу. – Знаешь, как у гимнастеров?

– Ага, складку! – язвительно откликнулся он. – Какой складкой закроешь такую дырищу? Не мог уж поменьше кусок оттяпать!

– Поменьше не мог, – уверенно объяснил я, выплескивая в окно воду. – Еще чуть-чуть, и тебя бы перемололо.

– Завтра тетя Валя меня и так перемелет не хуже часов, – обреченно сказал Виталька.

– Ну уж... Завтра утром что-нибудь придумаем.

Виталька вздохнул и развесил рубашку на спинке стула – так, чтобы не видно было отрезанного края.

Над городом разнесся удар часов: половина второго.

Глава тринадцатая

Утром ничего мы не придумали. Проспали. Тетя Валя не достучалась в потолок и пришла наверх.

От ее голоса и шагов мы проснулись. Сразу все вспомнили. Виталька с размаху прыгнул в штаны, бодро крикнул “доброе утро” и постарался загородить стул с рубашкой.

– Доброе утро... Что же это вы так спите опять? – с легким подозрением спросила тетя Валя.

– Зачитались вчера. Про Тома Сойера, – торопливо сказал я.

Тетя Валя покачала головой. Это значило, что мальчикам не следует засиживаться за книжкой до ночной поры, даже если это очень интересная книжка, но что она, тетя Валя, ничего по этому поводу го-

ворить не станет, так как надеется, что мы сами осознаем неправильность своего поведения и больше так поступать не будем.

– Умываться и завтракать, – сказала она.

– Есть умываться и завтракать! – чересчур усердно гаркнул Виталька.

Тетя Валя прижала кончики пальцев к вискам и заспешила вниз.

Виталька и я в это утро старались быть послушными и воспитанными. Но излишнее усердие к добру не приводит: Виталька, торопясь к завтраку, забыл вынуть из кармана часы. Карманы у него были протертые и ветхие. А часы тяжелые. Когда мы вышли к завтраку, они окончательно продавили карман и скользнули вниз. Повисли на пристегнутой к ремешку цепочке. Цепочка была длинная, а штаны короткие, и часы заболтались ниже колена.

– Виталик! – удивилась тетя Валя. – Зачем ты носишь с собой дедушкины часы? Да еще таким странным образом! Это хотя и старая, но ценная вещь.

Виталька путано забормotal, что это “просто так, на минуточку...” Вообще-то он был хитроумный человек, но врать тете Вале не умел и не любил.

Я понял, что надо спешить на помощь.

– Мы, тетя Валя, хотели их сверить с теми, что на колокольне! Знаете, ночью мы сидим и вдруг слышим – часы бьют. Стояли, стояли и вдруг пошли! Интересно, да?

– Интересно... – озадаченно согласилась тетя Валя. – Однако я не понимаю...

В это время через открытые окна долетел до нас колокольный бой. Раз! Два! Три!.. Десять! (Ничего себе, поспали мы сегодня!)

– Удивительно, – сказала тетя Валя. – Я и не обратила внимания. Значит, городские часы отремонтированы...

– Мы хотели сбегать и проверить, – пробормotal Виталька. – Из окна-то не видно.

У тети Вали была, однако, привычка докапываться до самой сути.

– Зачем же вам видеть часы? Можно установить время по бою.

Виталька растерянно заморгал.

– А ведь бывает, что бой отстает, – вывернулся я. – Или наоборот. Как ваша кукушка. Время – еще без пяти минут, а она уже выпрыгивает.

Тетя Валя любила умные объяснения.

– Ну-ну, – сказала она. – Только сначала позавтракайте, а потом ступайте. И берегите часы.

На улице Виталька загрустил:

– Что с рубашкой-то делать?

Я не знал. Спросил нерешительно:

– Может, не очень заругает?

– При чем тут “заругает”? Выспрашивать начнет, что да как получилось! И узнает, где мы ночью были. По-моему, она и так уже про что-то догадалась.

– А если сказать, что просто зацепился и порвал?

– А кусок-то где? Его пришить можно было бы.

– Ну, потерялся. Ночью ведь...

– Вот именно! “А где же вы, голубчики, ночью гуляли?”

Я тоже загрустил. Виталька мрачно хмыкнул:

– “Порвал”! Видно ведь, что ножом отхвачено. Все равно докопается, я ей еще ни разу соврать не мог толком. А тебе, думаешь, она поверила про часы? Ха-ха...

– Давай, Виталька, признаемся, – сказал я.

Он покрутил головой и вздохнул:

– А ковер?

– Что ковер? Думаешь, отберет?

– Мы ведь обещали, что больше не будем с ковром приключений устраивать... Она не отберет, она добрая, сам знаешь. Только скажет, чтобы без ее присмотра никуда не летали. Потому что боится за нас. Или честное слово возьмет, что будем только во дворе летать. Вот тогда и покатайся!

Да, будущее нам казалось не очень радостным... Но день был солнечный, до вечера оставалась масса времени, и мы решили, что совсем падать духом пока не надо. А решив так, побежали к Ветерку. Ведь после нашего путешествия и приключений в старом доме мы его и Ветку еще не видели.

Ветерок и Ветка сидели на крыльце и чинили велосипед. Рама и переднее колесо были порядком покорежены.

– Все-таки испытывали, – укоризненно сказал я.

Ветка и Ветерок нам обрадовались. И наперебой рассказывали, что их летучий велосипед удачно стартовал с бугра, но потом клюнул носом и врезался в кусты рябины. Ветерок после этого целый день хромотал, а Ветка ходила с поцарапанным носом. Но это не беда, потому что они поняли, в чем ошибка. Они сделали крылья, но забыли про стабилизатор. В следующий раз не забудут.

Мы тоже рассказали о своих приключениях. Ветерок и Ветка огорчились, что их не было с нами, особенно на колокольне. Почему мы их не позвали?

– Дело было срочное, ночное, – объяснил Виталька. – Ничего, еще летаем вместе... если все хорошо будет.

– Почему “если”? – встревожилась Ветка.

Виталька печально рассказал про рубашку.

Мы стали думать вчетвером, как помочь горю. Придумал Ветерок:

– А зачем тебе ее навывпуск носить! Спрячь подол в штаны, под ремень, даже лучше будет! В цирк сходишь и уберешь подальше. А потом видно будет.

Виталька поскреб ногтем переносицу и задумчиво сказал:

– Идея...

Но эта идея пришлась не по вкусу тете Вале. Когда мы собрались в цирк, она воскликнула:

– Виталий! Что за вид! На подоле такая прекрасная вышивка. Она сделана по народным мотивам.

– Ну их, эти мотивы, – отмахнулся Виталька. – Мне без них лучше.

– Ты просто ничего не понимаешь. Это очень красиво. Ты не видел себя со стороны.

Виталька пытался спорить, но тетя Валя сказала:

– Виталий, ты совершенно невозможный человек.

Виталька торопливо вытащил из-под ремня рубаху, опустил голову и заложил за спину ладони – чтобы прикрыть обглоданный подол. Он сделался похож на виноватую девочку. Мне стало жаль его.

– Я буду маскировать сзади, – прошептал я.

– Маскируй.

Мы двинулись в цирк, и тетя Валя по дороге несколько раз удивлялась, почему я не хочу идти рядом, а плечусь позади Витальки.

Все обошлось. Мы устроились на своих местах в четвертом ряду, Виталька прижался поясницей к спинке сиденья и понемногу успокоился.

Про представление рассказывать я не буду, это не относится к нашим приключениям. Скажу только, что в этот сезон выступал у нас Карандаш и было здорово. Мы с Виталькой так нахохотались, что забыли про опасность.

Но когда наступил антракт – вспомнили.

Тетя Валя сообщила, что останется на месте, а мы, если нам хочется, можем пойти в буфет за мороженым.

Нам хотелось. Виталька взял деньги и, пятась, как французский придворный перед королевой, выбрался из ряда на лестницу. Я – за ним. После этого мы “стройной колонной” – я в затылок Витальке – направились в буфет.

В буфете была порядочная давка и очередь. Нас плотно стиснули со всех сторон, и можно было не бояться, что кто-то заметит обрезанный подол. Минут через десять мы пробились к продавцу, взяли три эскимо – по полторы штуки на каждого – и выбрались из толпы. Помятые и взъерошенные.

В дальнем уголке мы уселись на корточки под шкафчиком с пожарным краном и не торопясь уплели все три порции.

Когда мы с сожалением облизывали голые палочки, кто-то незаметно подошел и встал сбоку от нас. Мы услышали вкрадчивый голос.

– Юноши, позвольте побеспокоить вас вопросом... – Рядом стоял темный крючконосый парень в узких сиреневых брючках, апельсиновых носках и цветной широченной рубахе с пальмами и мартышками – последний крик тогдашней моды, тоска и зависть всех пижонов.

Мы не любили стилиг. Мы поднялись. Виталька вздернул подол и независимо сунул руки в карманы. Я, за неимением карманов, по-наполеоновски сложил руки на груди, отставил ногу в скрипучей сандали и спросил:

– А чего надо?

– Фу, какие невоспитанные дети, – добродушно сказал парень. И сразу посерьезнел. – Хорошо. Значит, шутки в сторону. Имею до вас деловой разговор. Хотите знать какой?

Мы хотели. Но не подали вида. Крючконосый снисходительно улыбнулся:

– Встречных вопросов нет? Тогда у меня вопрос. Пока единственный...

Он поочередно посверлил нас глазами и отчетливо произнес:

– Сеньоры, как вы проникли на колокольню?

Я до сих пор с гордостью вспоминаю, что мы с Виталькой не дрогнули, не моргнули. Но – ой-ей-ей! – как у меня все заглохло внутри! Виталька потом говорил, что у него тоже.

– Молчите? – сказал Крюконосый. – Хвалю. Сдержанность – качество мужчин. Однако, чтобы не осложнять отношения, призываю вас к полной откровенности. А чтобы не было неясностей, позвольте предъявить вам эту “квитанцию”.

И он вытащил кусок Виталькиной рубахи.

Тот самый кусок! Помятый, со следами медной зелени, с вышивкой...

Мы смотрели на этот кусок, будто на дневник с записью: “Поведение – два!”

Крюконосый усмехнулся, перегнулся через Витальку, приподнял край рубахи и приложил к вырезу лоскут.

– Все в точку, – сказал он. – Так что же? Будем говорить?

Виталька переглотнул и сипловато, но храбро произнес:

– А почему мы с вами обязаны говорить?

– А! – сказал Крюконосый. – Я забыл объяснить! Разговор-то у нас не простой. Служебный.

Он выхватил из кармана красное удостоверение и, не открывая, помахал им перед нашими носами.

Мы подавленно молчали. И вдруг прямо над нами загрохотал звонок. Мы вздрогнули.

– Ах, нервы-нервы, – сказал Крюконосый. – Наш беспокойный, суетливый век... Вы одни пришли в цирк?

– С тетей... – пробормотал Виталька.

– С тетей Валею, – сказал я.

– Не будем заставлять волноваться тетю, – решил Крюконосый. – Она ни в чем не повинна. Топайте к тете, а завтра увидимся. Здесь, у цирка, на скамейке слева от входа. В девять утра. Ясно?

– Ясно, – мрачно сказал Виталька.

Крюконосый тонко улыбнулся.

– Вот и хорошо. Сообразительный народ. Никому ни слова. Запомнили? И обратите внимание: как вас зовут и где живете, я не спрашиваю. Почему? Потому что доверяю. Ну а если не придете... Сами понимаете, у нас не столица, человека отыскать нетрудно. Поняли?

Мы поняли. Поэтому второе отделение с дрессировщицей Бугримовой и ее львами не доставило нам особой радости. И самое скверное было то, что при тете Вале мы не могли обсудить свалившуюся на нас беду. Сиди, молчи и мучайся...

По дороге домой мы тоже молчали. Тетя Валя заволновалась: здоровы ли мы. Я, не подумав, отговорился, что болят животы: наверно, от мороженого. Тетя Валя встревожилась еще пуще и сказала, что дома сделает грелки, если мы не боимся.

Виталька был погружен в размышления и забыл, что разговаривает с тетей Валею, а не со мной. Он рассеянно откликнулся:

– Чего бояться? Грелка – не клизма.

Тетя Валя охнула и заявила, что с Виталием творятся невообразимые вещи. Он стал невозможным человеком. Он позволяет себе такие выражения! Очевидно, приближается тот жуткий переходный возраст, которого страшатся все педагоги, и ей, тете Вале, придется пересмотреть свои воспитательные принципы.

Виталька торопливо сказал, что не надо пересматривать, что он просит прощения, а про клизму брякнул случайно.

Дома мы отказались от ужина и поскорее легли в постели, заявив, что сон – лучшее лекарство.

Но было нам не до сна.

– Летали, летали и долетались... – сумрачно произнес Виталька. – Милиция – это не тетя Валя. Не отвертись.

– А чего мы такого сделали? Нельзя, что ли, часы запустить? Это наоборот – польза для всех.

– Отберут ковер – тогда будет “польза”...

– А какое имеют право? Это наш ковер! Тетя Валя нам подарила, вот и все!

– Ну и что же, что подарила? А летать мы имеем право? До шестнадцати лет даже на мотоцикле нельзя, не то что по воздуху...

– А мы не скажем про ковер.

– А что скажем? Как забрались?

– Как-нибудь... Снизу. Может, в башне лестницы сохранились. А если нет, тогда без лестниц, с веревками. Это взрослым трудно, а мы легкие...

– А до лестницы как добрались? Дверь-то заперта.

– Ну... ключ нашли.

– Ага, “нашли”! Сразу спросят, где он, этот ключ.

– Скажем: потеряли.

– “Нашли, потеряли”... Думаешь, они дураки? Спросят, какой ключ был.

– Ну и пусть. Придумаем. Большой такой... Или...

– “Большой”! “Или”! Какой там замок на двери, знаешь? Не знаешь. Я тоже не знаю. Мы у двери-то и не были ни разу. Может, вообще замка нет, а просто дверь заколочена...

Виталька приподнялся на локте и решительно сказал:

– Надо лететь. Посмотрим, что там с дверью. – И грустно добавил: – Если врать, так уж надо, чтоб на правду походило.

Но мы не улетели. Тетя Валя долго не ложилась, ходила вниз, гремела посудой. Мы ждали, ждали и... разом заснули.

Глава четырнадцатая

Хочешь не хочешь, а утром пришлось идти на свидание с Крючконосым.

Виталька шел и ворчал, что милиции, наверно, нечего делать, раз она занимается старой колокольной. Лучше бы ловили жуликов, которые недавно обокрали промтоварный магазин и два киоска на рынке. Весь город про это говорит, а милиционеры, видать, и не почешутся...

Часы на колокольне ударили девять раз, но теперь эти звуки нас не радовали.

– Интересно, а как милиция до механизма добралась? – спросил я.

– Может, никто и не добирался...

– А лоскуток?

Виталька сердито сказал:

– Что лоскуток? Наверно, проскочил шестерню, а потом спланировал через все дыры до самого низа... Не мог уж зацепиться где-нибудь...

Крючконосый ждал нас на скамейке. Рядом с ним был еще один парень. Тоже с длинным носом, но не с загнутым, а с прямым и очень тонким, будто его долго с двух сторон давили ладонями. Казалось, что этот нос просвечивает на солнце. Волосы у парня были белобрысые, редкие, и сквозь них виднелась розовая кожа.

– Опаздываете, граждане, – упрекнул Крючконосый. – Нехорошо... Ну, время – деньги, терять его не будем. Садитесь и рассказывайте все начистоту. Откровенность – благородное качество.

И тогда Виталька сделал неожиданное. Он встал перед Крючконосым и храбро сказал:

– Если вы из милиции, то, пожалуйста, покажите еще раз ваше удостоверение.

Крючконосый растерянно мигнул. Его приятель вдруг порозовел, а тонкий нос его покрылся мелкими капельками.

– Ты это... кончай, – негромко потребовал Белобрысый.

А Крючконосый вдруг добродушно засмеялся:

– Опытный народ... Молодцы! Только мы не из милиции. Мы из городского музея. Знаете? Я – младший научный сотрудник, а Федя – слесарь и монтер. Технический специалист широкого профиля.

Специалист почему-то вздохнул и стер с носа капли.

У нас отлегло от сердца. Музей – это все же не милиция.

– Меня, между прочим, Эдиком звать, – сообщил Крючконосый. – А вас?

Мы назвались.

– Дело-то вот какое, – объяснил Эдик. – Наш музей задумал отремонтировать колокольню и пустить часы. Сами понимаете – городская достопримечательность. А как внутрь попасть, никто не знает. Замок там старинный, ценный, ломать жалко. А ключ потерян... Пока думали-гадали, часы-то пошли! Думаем, кто их починил? Что за герой нашелся? И вдруг вчера смотрю – этот юноша в рубашке, от которой лоскуток.

– Если вы ни разу на колокольне не были, откуда у вас лоскуток? – перебил Виталька.

Эдик опять засмеялся, даже головой замотал.

– Ну, ты даешь! Прямо следовательно по особо сложным делам! Кто сказал, что мы не были? Вот он побывал! – И Эдик посмотрел на молчаливого Федю. – Когда часы пошли, он по наружной стене до верха добрался. Федя у нас верхолаз и разрядник по альпинизму.

Не похож был хлипкий белобрысый Федя на разрядника по альпинизму, ну да кто его знает...

– А теперь, сеньоры, давайте к делу, – сказал Эдик. Обнял нас за плечи и посадил рядом с собой. – Ключ принесли?

– Какой ключ? – глупо спросил я.

– Тьфу ты! – слегка рассердился Эдик. – От колокольни, конечно. Или вы пальцем замок отпирали?

– Ключом, – торопливо сказал Виталька и посмотрел на меня. – Мы его в кладовке у тети Вали нашли. У нее там всяких старых вещей просто уйма.

– Ключик-то придется отдать, – сообщил Эдик. – Сами понимаете, колокольня – это филиал музея, мы за нее отвечаем. А если там лазать будут да шеи себе сломают... Ну ладно, вы не обижайтесь, главное не в этом. Ключ для пользы дела нужен. Во-первых, ремонт. Во-вторых, часы-то заводить надо. Сколько они еще протянут? Цепь кончится, поднимать гири некому. Так?

Это верно. Насчет цепей и гирь мы не подумали.

– Обидно, если часы остановятся... – задумчиво сказал Эдик.

А верхолаз Федя неожиданно добавил:

– Я это... больше не полезу. Чуть не загремел. И это... начальство ругается.

– Мы понимаем, – откликнулся Виталька. – Но ключа у нас нет. Потеряли.

Я испугался, что он запутается, и торопливо вмешался:

– Если по правде говорить, то даже не потеряли... Понимаете, там страшно было, в башне. Мы чуть не сорвались. И темно... Ну и... вдруг скелет пулеметчика где-нибудь... Мы часы пустили, а потом, когда внизу оказались, решили, что больше лазить никогда не будем. И ключ выбросили.

– Куда выбросили?

Виталька опередил меня:

– На улице, в траву куда-то.

– А может, найдете?

Виталька пожал плечами.

– Темно было. Ну, может, найдем. Хотя вряд ли...

– Вы постарайтесь, братцы, – почти жалобно попросил Эдик. – Сами понимаете, работа. Поищите не в службу, а в дружбу. Идет?

– Поищем, – сказал Виталька.

Я бросил на него сердитый взгляд.

– Если найдете, несите завтра сюда же, – сказал Эдик. – В это же время. Договорились?

Мы сказали, что договорились, и отправились домой.

– Здорово ты придумал про ключ, – с уважением сказал Виталька. – Правдоподобно. Я так врать никогда не научусь. Ты, наверно, писателем будешь.

Я ответил, что, во-первых, писатели не врут, а только фантазируют, а во-вторых, он, Виталька, дырявый мешок с опилками. Зачем сунулся? Надо было сказать, что бросили ключ в реку – тогда и дело с концом.

– А вдруг найдем ключ? – сказал Виталька.

Я даже остановился.

– Где? Если его не было!

– Ну, какой-нибудь ключ. Вдруг подойдет к замку?

– Зачем?

– А часы? Все люди уже говорят: хорошо, что отремонтировали. Если остановятся, хорошо будет?

Верно. Про часы я не подумал. Но где взять ключ?

– Сначала надо замок посмотреть, – объяснил Виталька. – По скважине можно определить, какой примерно ключ нужен.

– Правильно!

Дорога до монастыря была неблизкая, через весь город. Мы попробовали проехать на автобусе, но денег не было, и кондукторша турнула нас. Тогда мы выбрали самый короткий путь – берегом реки. Кое-где под сердитые вопли хозяек пришлось пересечь огороды, зато добрались быстро.

Мощный монастырский двор был прогрет солнцем и пуст. Между камней торчали высокие травинки, и на них качались коричневые бабочки. Среди облупленных куполов заколоченного собора лениво летали два голубя.

Широкая тень от колокольни лежала на булыжниках, и мы, укрываясь от солнца, пошли по этой тени, как по дороге. Прямо к двери.

Никого кругом не было. Мы раньше слышали, что в длинном монастырском здании расположены какие-то мастерские, но сейчас и оно выглядело пустым.

И все же оказалось, что мы не одни. Из-за угла дома вышла и направилась прямо к нам крупная собака. Серая и лохматая. Мы замерли. Кто знает, что у пса на уме?

Собака подошла, пристально посмотрела на нас, обнюхала Виталькины кеды и мои новые сандалии, потом зевнула и махнула хвостом. Отошла в сторонку.

– Вот умница. Понимает хороших людей, – сказал Виталька.

– А интересно, как там наша собака в лесном доме? – вспомнил я.

– Я тоже про нее часто думаю, – отозвался Виталька. – Жалко ее...

Мы подошли к двери. Она оказалась сколоченной из крепких плах, а подвешена на могучих чугунных петлях. Замок тоже был могучий. Не висячий, а врезной. Железная шестиугольная пластинка с накладными узорами из меди, а посередине – скважина. Размером с мой мизинец.

– Ничего себе, какой ключик тут нужен, – со вздохом сказал Виталька.

Он пошарил в кармане, отыскал серебряную бумажку от эскимо, которое вчера мы ели в цирке, приложил к скважине и притер пальцем. На фольге остался отпечаток.

– Так легче будет ключ подбирать, – объяснил он.

– “Подбирать”! – хмыкнул я. – А где?

Снова подошла собака, села рядом и добродушно смотрела на нас. Будто интересовалась разговором.

Виталька открыл рот, чтобы сказать что-то. И в это время ударили часы! Бомм-бах! Бомм-бах! Десять раз...

Мы стояли и смотрели на циферблат, задрвав головы. И собака смотрела. Часы... Собака... Ключ...

– Виталька! А помнишь часы в том доме?

– Ну...

– Что висело вместе с гирей?

Виталька поморгал, поскреб переносицу, будто хотел отскоблить веснушки, и радостно заорал:

– Ключ!

Нам опять повезло: тети Вали не было дома. Виталька написал на бумажной салфетке: “Тетя Валя, мы будем гулять до вечера, а пообедаем у Олега”.

– Думаешь, поверит? – спросил я.

– А что делать? – И Виталька решительно надел записку на копье старинного чугунного рыцаря (под этим рыцарем тетя Валя хранила письма и разные квитанции).

Мы спешили, но на этот раз у нас хватило ума одеться поплотнее, чтобы не просвистело ветром при большой скорости.

– Лишь бы опять дождик не случился, – пробормотал я, влезая в старую школьную гимнастерку.

– Не случится, – уверенно откликнулся Виталька. – День хороший, и все хорошо будет. Ключ достанем, собаку навестим...

Не знаю, почему мы решили, что ключ из лесного дома подойдет к замку на дверях колокольни. В глубине души я понимал, что надежды нет. Или почти нет. Но вся эта история становилась похожа на таинственную сказку, а кто откажется от сказки? К тому же, если есть ковер-самолет, почему не может быть других чудес?

И все же я бы подумал еще, лететь или не лететь, если бы не собака. Жаль ее, и нехорошо как-то: словно бросили...

Мы взяли для собаки три сырые котлеты из холодильника, свежую горбушку и пять кусков сахара.

Потом развернули ковер на крыше.

– Может, хвост прицепим? – предложил я. – Среди бела дня летим...

– Некогда, – сказал Виталька. – Лучше пойдем на бредущем по огородам, а потом – под обрыв.

Так мы и сделали. Пронеслись по переулкам вдоль заборов, потом – над грядками и плетнями, затем нырнули в тень речного обрыва, а оттуда – под мост. А из-под моста выскочили и, шелестя по верхушкам трав, помчались к лесной опушке.

Наверняка кое-кто нас заметил и оторопело глядел вслед, но мы уже знали, что это не опасно.

У леса мы поднялись над верхушками деревьев и взяли знакомый курс на геодезическую вышку.

Мы очень торопились, и встречный воздух буквально ревел вокруг нас. Чтобы уменьшить сопротивление, мы легли вдоль ковра и прижались к нему. Ветер прижимал к Виталькиной голове берет, а с меня пытался сдернуть школьную фуражку, но я опустил ремешок на подбородок.

И вот интересное ощущение: холодит тебя летящий навстречу воздух, а солнце горячит спины сквозь сукно, и поэтому все равно жарко...

Мы летели без остановок, напрямую, и путь оказался совсем не таким длинным, как в прошлый раз. Часа через полтора мы проскочили темное озеро и увидели крышу старого дома.

Мы опустились у крыльца. Дверь, как и раньше, была приоткрыта. Мы вошли. Не было у меня такой робости, как в прошлый раз, но легкое замирание я все-таки чувствовал. Солнце квадратами лежало на пыльном полу. Пол скрипел под нами. Мы остановились и прислушались. Кроме нашего дыхания – ни звука.

Виталька вдруг сказал:

– Часы стоят.

Мы бросились в маленькую комнату.

Часы и правда стояли. Цепь с гирей и ключом опустилась до самого пола. А на полу под часами лежала рыжая собака. Она уткнула морду в вытянутые лапы. По ее загривку ползла желтая гусеница.

– Заснула, – прошептал Виталька. Потом чмокнул губами и сказал: – Эй, собака! Вставай. Мы пришли.

Собака не встала и не пошла к нам. Даже не шевельнулась. Тогда мы подошли сами. И сразу увидели, что не спит она. Глаза у нее были открытые и неподвижные.

– Бедная, – сказал Виталька. Сел на корточки и без всякой боязни погладил мертвого пса.

Я тоже провел ладошкой по рыжей свалывшейся шерсти и щелчком сбросил гусеницу. Собака была очень худая, и сквозь шкуру чувствовались твердые ребра.

И все же она умерла не от голода. Ведь жила же раньше столько времени одна. Умерла она от одиночества или от старости. А может быть, от того и от другого. Наверно, знала, что умирает, а уйти не хотела, потому что ждала кого-то. И часы не хотела бросать.

Я встал и взялся за цепь, чтобы подтянуть гирю. Пускай тикают на память о собаке.

– Не надо, – сказал Виталька.

– Почему?

– Ну... ведь это не наши часы. А ее...

Да, он правильно сказал. Не должны мы их трогать. Даже не имеем права. А наши часы – там, над городом. Они не должны стоять.

Я опять сел на корточки и отцепил от гири тяжелый ключ. И подумал: ведь ключ висел для дополнительного веса, без него часы не смогли бы идти.

Я сказал об этом Витальке. Но он отмахнулся:

– Подумаешь! Камень бы подвесили. А теперь уж все равно... А что делать с собакой? Не бросать же так.

– Лопату надо, – сказал я.

Лопату мы нашли в кухне за печью. Она оказалась ржавая и тупая, но точить было нечем.

За домом, под кустом шиповника, мы стали рыть яму. Корни мешали, и земля была не очень мягкая. Но мы ни разу не пожаловались друг другу и по очереди молча ковыряли лопатой чернозем и глину.

Когда край ямы стал выше колен, Виталька сипло сказал:

– Хватит, наверно...

Мы нашли у дома несколько лопухов и застелили яму. Потом принесли и уложили собаку.

Надо было зарывать. Но я не хотел, чтобы глиняные крошки падали на открытые глаза собаки и запутывались в рыжей шерсти. А лопухов больше не было.

Я стащил через голову гимнастерку. Все равно она была старая – та, в которой я два года назад собирался “бежать в леса”.

– Берись за ворот. Рванем, – сказал я Витальке.

Мы дернули, ворот разорвался до подола, и гимнастерка распахнулась, как пиджак. Мы укрыли ею собаку. Правда, хвост и лапы остались торчать из-под сукна, но тут уж ничего не поделаешь. Потом мы завалили яму.

– Где-то я видел фанерку... – сказал Виталька.

Он сходил в дом и принес фанерный прямоугольник, похожий на крышку от посылочного ящика. Потом достал карандашный огрызок – как все художники, Виталька всегда ходил с карандашом, на всякий случай.

Он почесал огрызком свою переносицу с пятью веснушками, посмотрел куда-то сквозь меня, наклонился над фанеркой и написал:

“Здесь похоронена собака”.

Он подумал и переправил маленькую букву “с” на большую.

– Раз у нее имени нет, пускай будет как имя. Правильно?

Я кивнул.

Виталька писал дальше. Прямыми крупными буквами. И вот что получилось:

“Здесь похоронена Собака.

Она жила в этом доме.

Все ушли, а она жила.

Она заводила часы”.

Виталька поставил точку и очень серьезно посмотрел на меня.

– Что еще написать?

– Ничего больше не надо.

Мы вытащили из трухлявой двери два гвоздя (они еле держались), нашли под крыльцом половинку кирпича. Этой половинкой мы прибили фанерку с надписью к черенку лопаты. Прибивали долго: фанера была крепкая, ржавые гвозди гнулись. Мы оба поотшибали кирпичом пальцы, посдирали кожу с костяшек – больно было до слез. Но все-таки мы прикололи фанеру. А лопату глубоко воткнули в насыпь и вокруг утрамбовали кулаками землю.

Глава пятнадцатая

На обратном пути я невесело задумался и не сразу заметил, что летим не очень быстро. А когда заметил, хотел разогнать ковер-самолет. Но он слушался неохотно: видимо, Виталька прочно управлял им.

– Скорее, – сказал я. – Зря теряем время.

– Ты же раздетый. Тебя ветром просквозит...

– Не просквозит, воздух теплый. Давай...

– Ага, “давай”! – ворчливо откликнулся он. – Ты и так уже сипишь от простуды.

Но я сипло говорил не от простуды. У меня от слез в горле скребло. Витальку я не стеснялся и честно объяснил:

– Это потому, что зареветь хочется.

– Ну и пореви, – понимающе сказал Виталька.

У меня глаза уже были мокрые, но я сдержался и даже улыбнулся:

– Не буду. Ковер намокнет.

Я знал, что Виталька тоже улыбнулся, хотя и не видел его лица. Он сидел впереди, свесив ноги, а я лежал за ним и затылком упирался в его спину. Спина была худая, и даже сквозь толстый свитер я чувствовал острые Виталькины позвонки. Густой лесной воздух обтекал меня, как река, и только по его движению можно было ощутить скорость. Белые июльские облака были надо мной неподвижны. Солнце зажигало у меня на мокрых ресницах радужные круги, и я часто моргал, чтобы не мешали смотреть на облака. Но скоро ветер высушил ресницы.

– Жалко собаку, да? – не обернувшись, сказал Виталька.

– Ага, – прошептал я.

Если разобраться, то велика ли беда? Ну, умерла собака. Старая, почти незнакомая. Чего тут горевать? Плакать можно, когда настоящее горе. А такое горе у меня было: когда в больнице сказали про отца...

Я тряхнул головой: улетайте прочь, все горькие мысли!

– Не дергайся, – сказал Виталька. – Ты мне затылком всю поясницу раздолбил.

– Бедная поясница, – вздохнул я и сел по-турецки. Положил перед собой ключ, который до этого не выпускал из ладоней.

Ключ был сантиметров двадцать длиной. Шестигранный, как у толстого карандаша, стержень, кольцо с завитушками, и борода со сквозным узором. И рыжие, как веснушки, пятна ржавчины.

Тяжелый ключ. Недаром его рядом с гирей повесили...

У измученной собаки, наверно, не хватило сил в последний раз подтянуть эту тяжесть – гирю и ключ. Собака легла под часами и не поднялась... А часы молчали... И сейчас молчат в совершенно пустом и никому не нужном доме.

Это плохо, если дом никому не нужен. Пока он был нужен собаке, это был все-таки дом, а сейчас неизвестно что...

И плохо, когда часы не идут, хотя могут идти...

Опять! Чтобы разогнать тоскливые мысли, я стукнул себя ключом по ноге. Виталька опять оглянулся.

Я знал, что Виталька тоже улыбнулся, хотя и не видел его лица. Он сидел впереди, свесив ноги, а я лежал за ним и затылком упирался в его спину. Спина была худая, и даже сквозь толстый свитер я чувствовал острые Виталькины позвонки. Густой лесной воздух обтекал меня, как река, и только по его движению можно было ощутить скорость. Белые июльские облака были надо мной неподвижны. Солнце зажигало у меня на мокрых ресницах радужные круги, и я часто моргал, чтобы не мешали смотреть на облака. Но скоро ветер высушил ресницы.

– Жалко собаку, да? – не обернувшись, сказал Виталька.

– Ага, – прошептал я.

Если разобраться, то велика ли беда? Ну, умерла собака. Старая, почти незнакомая. Чего тут горевать? Плакать можно, когда настоящее горе. А такое горе у меня было: когда в больнице сказали про отца...

Я тряхнул головой: улетайте прочь, все горькие мысли!

– Не дергайся, – сказал Виталька. – Ты мне затылком всю поясницу раздолбил.

– Бедная поясница, – вздохнул я и сел по-турецки. Положил перед собой ключ, который до этого не выпускал из ладоней.

Ключ был сантиметров двадцать длиной. Шестигранный, как у толстого карандаша, стержень, кольцо с завитушками, и борода со сквозным узором. И рыжие, как веснушки, пятна ржавчины.

Тяжелый ключ. Недаром его рядом с гирей повесили...

У измученной собаки, наверно, не хватило сил в последний раз подтянуть эту тяжесть – гирю и ключ. Собака легла под часами и не поднялась... А часы молчали... И сейчас молчат в совершенно пустом и никому не нужном доме.

Это плохо, если дом никому не нужен. Пока он был нужен собаке, это был все-таки дом, а сейчас неизвестно что...

И плохо, когда часы не идут, хотя могут идти...

Опять! Чтобы разогнать тоскливые мысли, я стукнул себя ключом по ноге. Виталька опять оглянулся.

– Дай-ка, я его в карман суну. А то уронишь.

– У тебя карманы всю жизнь продырявленные, – сумрачно сказал я. Расстегнул пряжку и надел ключ на пояс. – Так надежнее.

– Ой, какие мы балбесы! – воскликнул Виталька. – Мы же не проверили!

Он вытащил серебряную бумажку с оттиском скважины.

Мы приложили конец ключа к отпечатку.

– Вроде бы подходит, а? – удивленным шепотом сказал Виталька.

– Ну и что? Это снаружи подходит. А думаешь, внутри повернется?

Ключ повернулся.

Самое удивительное, что повернулся без натуги и скрежета. Мягко и бесшумно, будто замок недавно смазывали.

Мы с Виталькой переглянулись – не обрадованно, а скорее с испугом. Потом взяли за медное кольцо на двери и потянули. Дверь отошла тяжело, но без задержки и скрипа.

Перед нами словно вздохнул проснувшийся великан – дверь была как темная пасть, и оттуда качнулся нам навстречу сумрачный влажный воздух.

Мы постояли на пороге. Потом я шепотом спросил:

– Ну, идем?

Виталька кивнул, оглянулся, погрозил кулаком Ветке и шагнул в полумрак. Я – за ним.

Ветка осталась в засаде, в лопухах и репейниках у монастырского дома.

Нам нужна была засада. Охрана. Потому что многое было непонятным и начинало казаться опасным. И вот из-за чего...

Накануне мы прилетели домой рано, без приключений. Тетя Валя даже не начинала еще волноваться. Казалось бы, надо радоваться. Но Виталька ходил сумрачный. И сказал наконец:

– Не нравится мне это...

– Что?

– Да эти, из музея. Чего этот Федя все время бледнел и заикался? И не похож он на альпиниста.

Я обеспокоенно задумался. И правда не похож.

– У тебя пятнадцик есть? Для телефона, – сказал Виталька. (Не забывайте: деньги были не те, что сейчас, и в автомат требовалось опускать пятнадцать копеек.)

У меня, к счастью, нашлась в нагрудном карманчике монетка – сдача от вчерашнего эскимо.

Виталька, ничего не объясняя, повел меня на перекресток, там стояла телефонная будка. Он нажал кнопку спецвызова, набрал 09 и спокойно попросил:

– Пожалуйста, телефон городского музея... Спасибо.

Я всегда завидовал, как он умеет разговаривать по телефону. Сам я сразу робел и начинал сбиваться.

Виталька опустил монетку и завертел диск. Я начал догадываться.

– Думаешь, там еще работают? Уже восемь часов.

– Это музей, а не контора, – сказал Виталька.

И оказался прав: телефон ответил.

– Здравствуйте, – сказал Виталька голосом отличника-активиста. – С вами говорят из кружка юных краеведов. Скажите, пожалуйста, нельзя ли позвать к телефону младшего научного сотрудника... Простите, я не знаю фамилии, его зовут Эдик.

Виталька отодвинул от щеки трубку – так, чтобы я услышал ответ. В трубке задребезжал далекий голос, и мне сразу представился седой старичок в черной академической шапочке.

– Простите, молодой человек, но вы, очевидно, ошиблись. Сотрудника с таким именем у нас нет...

– Извините, он такой темноволосый, – заторопился Виталька. – И нос у него такой... с горбинкой...

– Нет-нет, – продребезжал телефон. – Вы заблуждаетесь. А из какой вы школы?

– Из десятой, – наобум брякнул Виталька и повесил трубку. Повернулся ко мне.

– А еще завидовал, что я вру хорошо, – поддел я. – У тебя не хуже получается.

– Есть у кого учиться, – нашелся он. И спросил: – Ну, что?

– Что?

– Не из музея эти... сыщики.

– Значит, все-таки из милиции, – уныло сказал я.

Виталька пожал плечами.

– Не знаю... Не похоже. Ключ им давать не надо. Надо сперва самим посмотреть, подходит ли. А если подходит, развеять, что там...

– Сейчас? – спросил я.

Мы виновато посмотрели друг на друга. Мы крепко устали после полета. Близился вечер, и сумерки старой колокольни нам не казались уютными. Кроме того, меня ждали дома дядя Сева и мама: я их не видел целых два дня!

– Завтра утром, – решил Виталька. – Пораньше, пока эти Эдики и Федя не пришли.

Рано утром я свистнул с улицы Витальке, и он выбрался ко мне через крышу. Я побренчал в кармане мелочью.

– Давай на автобус! Быстрее доберемся!

Виталька почесал переносицу. Предложил:

– Сначала забежим за Веткой.

– Зачем?

– На всякий случай. Чтобы на страже была.

– Тогда лучше Ветерок.

– Он без спросу не пойдет, а мать его не пустит, пока не заставит позавтракать. Да еще нас кормить начнут. Провозимся...

Это он правильно сказал.

Мы побежали к Ветке. Забрались в палисадник и глянули в окно. Ветка в синем купальнике делала зарядку. Это была не простая зарядка. Держась за спинку кровати, Ветка вставала на цыпочки и выполняла всякие балетные упражнения. Солнечные зайчики прыгали по Веткиным плечам и вспыхивали на никелированной кроватиной спинке.

Виталька вздохнул и залюбовался. Я, по правде говоря, тоже загляделся: хорошо у нее получалось. Но я вспомнил о деле первым. Сердито пихнул Витальку локтем и стукнул костяшками пальцев по стеклу.

Ветка оглянулась, застеснялась, потом, видно, слегка рассердилась на нас. Подошла и распахнула окошко.

– Вам чего?

– Дело, – сказал Виталька.

– А Саня где?

– Саня, наверно, еще дрыхнет, – объяснил Виталька. – А ты собирайся. Дело нешуточное, нам часовой нужен.

Ветка пожала плечами, но в одну секунду накинула платье и выпрыгнула к нам.

– Что за часовой? Что за дело?

– Мы и сами толком не знаем, – серьезно объяснил Виталька. – Ты, главное, сиди и карауль. Если надо, мы крикнем, что делать.

Ветка молодец. Она не стала приставать с расспросами, а сказала:

– Айда!

Мы побежали к автобусной остановке.

На улицах было пусто, свежо и солнечно. Ветер запутывал нам волосы и трепал короткое Веткино платьице, похожее на пеструю мальчишечью рубашку. У меня на поясе прыгал тяжелый ключ и колотил по бедру. Мы спешили навстречу приключениям.

Шагнув через порог колокольни, мы прикрыли за собой дверь: чтобы незаметно было, что она не заперта.

Огляделись.

В кирпичной толще на разной высоте были пробиты узкие оконца – как бойницы. Солнце ярко било в них, разрубая сумрак широкими плоскими лезвиями.

Пол был выложен гранитными плитами. В центре площадки плиты были треснувшие и сильно продавленные: на это место грохнулся колокол. Мы посмотрели вверх: пробитый потолок, поломанные балки. У стены – сложенная из кирпича лестница, ведет к люку.

– Полезли? – спросил Виталька.

– Ага.

Мы забрались на второй этаж.

Здесь, как и на первом этаже, светились оконца-щели. И так же пахло известкой, камнем и влажными кирпичами. Но не было такой тишины. Раздавался ритмичный стук, разбавленный тонким дребезжанием.

– Часы стучат, – прошептал Виталька. – Ой, Олега, смотри...

Я оглянулся. За спиной у нас была большая и глубокая ниша. В ней виднелось зубчатое колесо с метровым рычагом. Точнее, не колесо, а зубчатый барабан, который надет был на торчащую из стены ось. По обеим сторонам барабана протянулись мощные цепи. Это они тихо дребезжали от работы механизма.

Цепей было три. Они спускались из круглых отверстий в сводчатом потолке ниши и уходили в такие же отверстия в кирпичном полу. Только одна цепь не уходила – на ней висела ржавая граненая гиря размером с большой молочный бидон.

– Смотри, – шепотом сказал Виталька, – движется...

Гиря тихо-тихо, но все же заметно для глаз ползла вниз. До кирпичного пола ей оставалось полметра. Видимо, это был конец ее пути. Скоро гиря стукнется о кирпич, и часы замрут.

Наверно, еще никогда гиря не касалась кирпича, иначе там остался бы след от такой тяжести. А следа не было.

Виталька хотел что-то сказать, но в этот миг сверху ударили часы: бомм-бах! Половина восьмого... Из пустой круглой дыры в своде ниши выползла наполовину и тихо закачалась еще одна гиря.

Я сразу понял, что она – от часовых колоколов. В тети Валиных часах так же опускалась и покачивалась гиря, когда просыпалась кукушка.

– Не больше чем на два часа хватит, – сказал я.

Виталька решительно посмотрел на меня.

– Гири поднимают этой штукой. – Он кивнул на рычаг и барабан.

Я и сам догадался. Но как эта штука действует?

А Виталька уже понял как.

– Берись. Тяни ее на зубцы.

Мы не без труда откачнули в сторону одну цепь и надели на шипы барабана. Потом взяли за рукоятку на конце рычага.

– Поехали...

Это было похоже, будто мы из колодца вытягиваем воротом тяжелую бадью. Только вместо бадьи – гиря и ползет она не снизу – к нам, а от нас – вверх.

Башня наполнилась рокотом и лязгом. С цепи посыпались чешуйки ржавчины. Ее конец заскользил с барабана вниз, и стало слышно, как цепь со звоном укладывается на каменном полу подвала.

Гирия уползла в дыру на потолке.

– Ура... – выдохнул Виталька.

Чтобы вертеть рычаг, нам приходилось то вставать на цыпочки, то приседать до пола. Работа была нелегкая. Я машинально считал обороты и на десятом сказал:

– Фу... Отдохнем. А долго нам еще крутить?

Виталька прищуренно посмотрел на барабан.

– Если его вокруг измерить, около метра получится. Ага? А до часов сколько?

– Метров тридцать... Значит, еще двадцать раз надо крутнуть.

Ну что ж, мы вертели. Отдыхали и опять вертели. Подняли сначала гирию для стрелок, потом гирию для боя.

Выпрямились. Вытерли коричневыми от ржавчины ладонями мокрые лбы. Улыбнулись. Нам казалось, что часы теперь стучат по-иному – празднично и благодарно.

И вдруг в это медное стучанье вмешался другой звук. Кто-то скреб железом о железо. Внизу.

Мы не сразу поняли, что там такое. Но лязганье продолжалось, и скоро стало ясно: кто-то ковыряет в замке ключом. Не нашим ключом. Наш-то висел у меня на поясе.

Мы замерли на четвереньках у края провала.

Дверь наконец приоткрылась, впуслав солнечный свет. И в этом свете мы узнали наших знакомых: крючконосого Эдика и белобрысого Федю-верхолаза.

– Не заперто, – зло сказал Эдик. – Тебе что, лень было ключ повернуть, идиот?

– Заткнись, – хмуро отозвался Федя. – Я поворачивал два раза, чуть пуп не сорвал. Кто-то был...

– Пацаны, – полушепотом сказал Эдик. И глянул наверх.

Я посмотрел на Витальку. Что делать? Может, сразу сказать, что мы здесь? Теперь все равно не уйдем...

Но Виталька смотрел не на меня. Куда-то мне за спину. И прижимал палец к губам.

Я оглянулся. И увидел то, что мы не заметили сразу, потому что заняты были часами. В другой стене тоже была ниша. А в ней друг на друге стояли фанерные ящики и лежали зашитые в мешковину тугие тюки.

Мы умели понимать друг друга без слов.

“Ясно, кто они такие?” – глазами спросил Виталька.

Я вспомнил разговоры про ограбленные магазины. Мне стало зябко и даже слегка затошнило. Я мигнул: “Ясно”.

А те двое стояли и смотрели вверх.

Глава шестнадцатая

Да, они стояли и смотрели вверх...

Надо признать: в сложных обстоятельствах Виталька вел себя умнее и храбрее, чем я. Оказалось, что и в этот раз мы думаем о разном.

Я думал, как бы унести ноги.

А Виталька – совсем о другом.

Он вдруг встал на краю провала и беззаботно, будто своим приятелям, крикнул:

– Здравствуйте! А мы уже здесь!

Крючконосый Эдик вздрогнул, зыркнул по сторонам, потом запоздало заулыбался. А Федя заморгал и сказал:

– Вы там это... чего?

– Часы заводили! – весело объяснял Виталька. – Ух и умаялись! Жалко, что вы поздно пришли...

Он дернул меня за воротник, чтобы я поднялся с четверенек. Пришлось встать.

– Ага! – с натянутой улыбкой воскликнул Эдик. – Ранние птички! Раньше нас прилетели! Ну, спускайтесь, поговорим.

– А зачем? – дерзко сказал Виталька. – У вас ведь ключ-то есть. Чего вы нам мозги пудрили?

Эдик вздохнул и опять деревянно посмеялся:

– Ну, вы лихой народ. Все замечаете, как разведчики. Ключ мы нашли. Сегодня утром в музейном подвале рылись – и повезло.

Виталька подбородком показал на Федю:

– А он чем вчера дверь запирает? Пальцем?

Эдик перестал смеяться. Негромко, но уже с угрозой он потребовал:

– Спускайтесь. Тогда и поговорим.

– Успеем, – дурашливо ответил Виталька. – Тут еще надо порядок навести: кто-то ваши ящики рассыпал.

– Кто рассыпал?! – заорал Федя и бросился к каменным ступеням.

Виталька дернул меня за локоть, и мы по шаткой деревянной лесенке взлетели на третий этаж. Там Виталька опять подтащил меня к провалу.

Я чуть не плакал – не столько от страха, сколько от Виталькиной глупости.

– Зачем ты сказал про ящики? Теперь они нас не выпустят.

Виталька сердито и весело глянул на меня.

– А зачем нам выпускаться? Надо, чтобы их не выпустить! А то утекут, и не найдешь!

– А как... – начал я.

Но Виталька заглянул в дыру и довольно издевательски произнес:

– Напугались, бедненькие? Да не трогали, не трогали мы ваши товары. Пусть их милиция трогает.

Эдик и Федя яростно смотрели на нас. У Феде на прозрачном носу опять блестели капельки. У Эдика шевелились скулы.

– Гады, – хрипловато сказал Федя. – Настучать хотите? Я вам это сейчас... кишки на шею намотаю.

Мы не стали ждать, когда они доберутся до наших кишков, и снова бросились к лестнице. Здесь она была разбита. Сохранились только отдельные балки и верхние ступеньки. Виталька подпрыгнул, вцепился в перекладину и крикнул:

– Подсади!

Я ухватил его за ноги и изо всех сил толкнул вверх. Виталька подтянулся, сел на ступень и протянул мне руки:

– Давай!

Ух, как бухало у меня сердце! Мне показалось, что Эдик и Федя сию секунду ухватят меня за щиколотки. Отчаянно дрыгая ногами, я кое-как забрался к Витальке. Потом мы ухватились за кромку люка и оказались на четвертом этаже.

– Берись! – приказал Виталька и, нагнувшись над люком, ухватился за обугленный брус, на котором держались хлипкие ступени.

Я понял! Мы дружно расшатали балку, и она рухнула, чуть не придавив Эдика и Федю, которые лезли за нами.

– Ну, детки, это вам будет стоять дорого, – пообещал Эдик.

– Сколько? – бесстрашно спросил Виталька.

– Столько, сколько заработали... Слушайте, парни, спускайтесь сами, а то хуже будет.

– Зачем это нам спускаться? – спросил Виталька. – Мы высоту любим.

– Вы с этой высоты сейчас... Ни в одной мастерской не склеят...

– Сперва поймите!

Эдик и Федя стали прислонять к стене балку, чтобы по ней добраться до нас.

– Так-так, – сказал Виталька. – Работайте. Привыкайте. Там, куда вас посадят, все равно придется работать.

Федя коротко всхлипнул и поглядел на нас так, что у меня зубы застучали.

– Не трусь, – сказал Виталька.

– Вовсе не трушу, – из последних сил сказал я.

А на самом деле трусил так, как никогда в жизни.

Я не мог понять, чего хочет Виталька. Зачем он дразнит этих бандитов? Куда мы денемся? Может, он забыл, что у нас нет с собой ковра-самолета?

Эти мысли прыгали у меня в голове без всякого порядка. Да и какая разница теперь? Вниз все равно не пробьешься. Сейчас – только вверх и вверх, чтобы не попасть в лапы к разъяренным жуликам.

Сопя и ругаясь, Эдик и Федя стали карабкаться к нам по балке.

– Молодцы, – сказал Виталька. – Физкультура полезна всем. Эдик, не наступи Феде на нос, а то он станет совсем прозрачный.

– Давай толкнем балку, – торопливо предложил я.

– Успеется, – сказал Виталька шепотом. – Надо, чтобы им потом спускаться было трудно. Айда наверх!

Мы стали забираться на пятый ярус. Здесь лестницы совсем не было. По правде говоря, я не помню, как мы лезли. По каким-то брусам, кирпичным выступам и доскам, от которых отскакивали обугленные щепки. Виталька сначала подталкивал меня, а потом оказался впереди и выволок меня в люк за шиворот.

Над нами, на шестом этаже, гулко стучал механизм часов. Туда вели крепкие ступени, только самый низ лестницы был разломан и не доставал до пола.

Мы забрались на лестницу.

– Держи меня крепче, – велел Виталька и лег животом на ступень. А ногами крепко ударил в пол. Разрушенные доски и балки закачались, затрещали. Виталька ударил еще раз. Остатки пола крякнули и стали проседать – видимо, они едва держались. Потом раздался треск, и старое дерево посыпалось вниз.

Оттуда послышались вопли и слова, которые трудно передать.

– Хорошо, – с чувством произнес Виталька.

– Что хорошего-то? – чуть не плача, сказал я. – А мы как спустимся?

– Как-нибудь спустимся. Нам пока наверх надо. Пошли!

Мы без остановки проскочили этаж с механизмом и выбрались на площадку с колоколами.

Солнце и синий воздух кругом! И облака, и зеленая земля, и река! Неужели внизу копошатся какие-то бандиты? Неужели здесь, при ярком радостном свете, с нами может случиться что-то плохое?

Виталька торопливо расстегнул на мне ремешок и сдернул ключ. Потом подскочил к перилам и перегнулся через них.

– Ветка-а!

– Верно, ведь там Ветка! А я и забыл с перепугу!

Я видел с высоты, как замелькало на монастырском дворе пестрое Веткино платьице. Она выскочила из лопухов и остановилась, задрал голову.

– Слу-шай! – громко и отчетливо прокричал Виталька. – Лови ключ! Запри дверь! Обязательно запри дверь! И беги в милицию! В колокольне жулики!

Ключ, посвистывая, ушел вниз и звонко запрыгал на камнях. Ветка схватила его.

Внизу под нами раздалась ругань, загрели доски. Видно, преследователи остались целы и, услышав про милицию, торопились вниз, к двери.

– Запирай скорей! – заорал Виталька. – Не спрашивай ничего, запирай!

Мы оба перегнулись вниз до отказа, но трудно было понять, справилась ли Ветка с дверью.

Внизу что-то грохотало и сыпалось, а что делает Ветка, мы даже не видели – она была скрыта дверной нишей. Кажется, сто лет прошло! И наконец она выскочила на солнце, замахала ключом:

– Го-то-во!

– Беги в милицию! – крикнул Виталька.

– А вы?!

– Мы продержимся! К нам они не доберутся!

Я не знаю, что там думала Ветка и какие переживания отражались у нее на лице – с высоты не разглядишь. Но она без лишних слов рванула с места и помчалась к монастырским воротам. До нас пулевым стуком долетело щелканье ее подошв.

Внизу раздалась гулкая удара. Это Эдик и Федя лупили по двери.

Мы легли на пол и заглянули в провал. После яркого солнца ничего нельзя было разглядеть в темной глубине. Но удары не смолкали, и слышались голоса:

– Открывайте! Гады! Хуже будет!

Я усмехнулся. Страх ушел, и я был уверен, что хуже не будет. Что они сделают? Сюда не доберутся, потому что мы поломали перекрытия. А если бы и добрались, разве посмели бы нас тронуть? Им тогда еще больше достанется! А сбежать им некуда: такую дверь только из пушки можно разбить. Виталька здорово все рассчитал!

Я весело поглядел на него. Виталька улыбался. Его веснушки на переносице сияли, как начищенная медь. Правда, на той же переносице была ссадина, на щеках сажа, а на рубашке – дыры, сквозь которые проглядывало поцарапанное пузо.

– Хорош! – сказал я.

– Ты тоже ничего, – радостно сообщил он. – Тетя Валя нам даст!

Я сел на краю провала, бесстрашно опустил в него ноги и засвистел песенку мальчика Дэви из фильма “Последний дюйм”:

В далекой северной стране,

Где долгий зимний день,

В холодной плещется волне

Ма-

лень-

кий

тю-

лень!

– Свистите? – громко донеслось снизу. – Ну, обождите, паразиты!

Мне снова стало нехорошо от страха. А Виталька деловито заметил:

– Кажись, опять сюда собираются...

Он подошел к перилам, ухватился за балясину и пошатал ее. Балясина была, видно, гнилая. Она поддалась и затрещала.

– Помоги, – сказал Виталька.

Я торопливо помог, и мы выдернули из гнезд точеный столб, который был мне по плечо. Потом выдернули еще два. А больше не смогли.

Виталька взвесил балясину в руках и задумчиво произнес:

– Ничего дубинушка.

Снизу донеслись приглушенные голоса и сопение. Мы опять заглянули в провал. На четвертом этаже Федя и Эдик мастерили из упавших балок лестницу.

Эдик поднял лицо. На него упал из бойницы луч, и мне стало совсем не по себе. Страшное было лицо, что и говорить.

– Ну, детки, вам не жить. Салатик будем делать, – хрипло сказал он. И я увидел у него длинный тонкий нож. Мой нож! Тот, что я уронил в провал ночью.

Виталька впервые взглянул на меня с открытой тревогой. Дело было скверное. Видно, жулики дошли до такого отчаяния, что им на все теперь наплевать.

Самое было время зареветь во весь голос от страха. До сих пор горжусь, что не заревел. И Виталька тоже. Он вскочил, схватил балясину и, как торпеду, пустил ее в жуликов.

“Торпеда” не зацепила Эдика и Федю. Она отскочила от балки и с грохотом полетела вниз.

Они даже не посмотрели на нас. Молча продолжали карабкаться. Я взял вторую балясину.

– Подожди. Экономь снаряды, – серьезно сказал Виталька.

Мы сделали ошибку. Надо было спуститься на пятый этаж и отбиваться от врагов, пока они ползут по балкам и едва держатся. А мы остались на верхнем ярусе. Мы ждали, что вот-вот, как в хорошем фильме, ворвется на монастырский двор синий милицейский фургон.

Но там было пусто и тихо. Лишь на окрестных улицах мелькали крошечные фигурки пешеходов. Не докричишься, не позовешь на помощь...

Сколько прошло времени? Совершенно не представляю. Наверно, немного, потому что с тех пор, как в башне появились наши враги, ни разу не били часы. Но нам казалось, что мы здесь целый день.

Эдик и Федя выбрались на пятый этаж, и мы потеряли их из виду под грудой рухнувших брусьев и половиц. Только было слышно, как они шепотом ругаются.

Этот шепот наводил на меня ужас.

Наконец белобрысая Фебина голова показалась над краем люка. Я метнул в нее свою “торпеду”. Федя завопил и пропал, внизу что-то загремело.

– Хорошая будет шишка! – восторженно заметил Виталька.

Но тут же нам стало не до веселья: сквозь доски яростно протолкался в люк Эдик. Исцарапанный, оборванный, злой до беспамятства. С моим ножом в кулаке.

Теперь между нами был только один этаж и крепкая лестница – такую не разломаешь.

Виталька встал над люком, расставив ноги, и поднял свою балясину. Тонко сказал:

– Попробуй сунься, бандюга...

Я оглянулся в поисках оружия. Палку бы или камень... Ничего нет! А внизу по-прежнему пусто!

А если закричать изо всех сил, может, услышат?

Но, несмотря на опасность, кричать я почему-то не мог. Не мог заставить себя заорать над всем городом “помогите”!

А если ударить в колокол? Я вскочил на перила и хотел дотянуться до колокола, который висел в арочном проеме. Это был самый большой из тех, что сохранились. Громадный! И звон у него, конечно, могучий...

Но как дотянешься? В проушину чугунного языка была вплетена толстая веревка, но от нее остался лишь гнилой обрывок. А до обрывка – метра два пустоты.

Я балансировал на перилах, держась за кирпичный выступ. И вдруг кирпич шевельнулся у меня под пальцами. Видно, выступ сорок лет назад расшатало взрывом.

Я испугался, что потеряю равновесие, и прыгнул на пол. Кирпич свалился к моим ногам и распался на три куса.

Я схватил обломок!

Размахнулся и пустил его в край колокола! Изо всех сил! Дон-н!..

И еще раз!

Дон-н!..

Уши заложило. Я видел, что Виталька что-то говорит мне, но не понимал. Удары прозвучали так, что казалось, будто колокол упал и накрыл меня своим гудящим куполом. Я присел, помотал головой, нащупал на полу третий кусок...

Дон-н-н!..

Нужны были еще камни! Я опять прыгнул на перила и срывая ногти, стал взламывать кирпич. Тот не подавался. Пальцы сорвались, и я чуть-чуть не полетел с колокольни. Мучительным напряжением мускулов я восстановил равновесие и выровнялся. С отчаянием посмотрел вниз...

Снизу поднимался к нам ковер-самолет. А на ковре бесстрашно стоял Санька Ветерок, и его зеленая рубашка трепетала на ветру.

– Виталька! Ковер! – заорал я, не слыша себя.

Ковер-самолет с Ветерком повис на уровне перил.

Виталька оглянулся и просиял. Потом швырнул в люк свое оружие, почему-то захохотал и кинулся к нам.

Мы стремительно спустились вдоль колокольни к самой земле, пронеслись над булыжниками двора, перемахнули через стену, скользнули под обрыв и там приземлились на уступе, укрытом со всех сторон высокой полынью и бурьяном.

У меня в ушах еще не утих гул, и я не сразу понял, что говорит Ветерок. Он говорил возбужденно и быстро:

– ...на стекло наступила и хромает... И говорит: “Беги в милицию!” А я подумал: вдруг эти вас там схватят? И скорей за ковром!

– Значит, у тебя получилось! – радостно сказал Виталька.

Ветерок заулыбался.

– Я и не думал, получится или нет. Надо же было выручать. Я через крышу к вам на вышку забрался, вытащил, расстелил и как крикну: “Вперед!” И будто сам полетел, без ковра даже... А потом смотрю – он подо мной.

– Кто-нибудь видел? – спросил Виталька.

Ветерок покачал головой.

– Я же не прямо. Я сперва к реке и вдоль обрыва. Я же понимаю.

– Что ты понимаешь! – сказал Виталька. – Ничего ты не понимаешь! Какой ты замечательный человек, ты нисколько не понимаешь!

Он облапил Ветерка за плечи и, радостно хохоча, повалил на ковер. Я тоже захохотал и повалился на них, и получилась куча мала. И так мы вопили от счастья и барахтались, пока не съехали с ковра в бурьян. Тогда мы успокоились и притихли. И вспомнили, что у Ветки порезана нога.

– Сильно порезала? – спросил Виталька.

– Не очень, – сказал Ветерок. – Просто бегать быстро не может... Что это? Вон там, наверху. Слышите?

Наверху нарастали гудки и сирены. К башне мчались автомобили.

Глава семнадцатая

Мы так и не узнали точно, что стало с Эдиком и Федей. По городу расползались фантастические слухи. Кто-то говорил даже, что на колокольне свила гнездо целая банда, у которой хранились громадные запасы золота и оружия. Многие утверждали, что была перестрелка между бандитами и милиционерами. Бабки шептались, что большой колокол ударил сам собой, чтобы люди наконец вспомнили про грехи, а заодно изловили воров на колокольне.

Виталька, Ветка, Ветерок и я слушали эти сказки и украдкой хохотали. Правда, порой нам делалось страшновато: вдруг узнают про ковер-самолет? Но никто не узнал.

Хорошо, что тетя Валя и мама не любили слухов и сплетен. А то бы они быстренько догадались, что на колокольне без нас не обошлось.

А Эдика и Федю нам было даже чуточку жаль. Мы представляли, как они в милиции рассказывают про двух мальчишек, забравшихся к самым колоколам и пропавших неизвестно куда. А им никто не верит! Обидно, когда говоришь правду, а тебе не верят.

Прошло несколько дней, и слухи стали утихать, город постепенно забывал таинственную историю. А часы шли...

После приключений на колокольне мы долгое время не летали: пошли дожди. Сначала это были теплые дожди – от них поднимался пар над булыжными мостовыми, а по лужам весело прыгали всплески, похожие на маленькие стеклянные короны. Потом дожди стали монотонными, лужи потемнели, и на них стали появляться пузыри – словно всплывали со дна электрические лампочки. Это означало, что ненастье затягивается.

Мы не очень скучали. Снова развернули в боевой порядок свои картонные армии и устраивали такие бои, что тети Валина люстра брэнчала всеми подвесками. Несмотря на ковер.

Прибегали мокрые веселые Ветерок и Ветка и тоже включались в наши сражения.

Потом Ветерок притащил книгу “Три мушкетера”. Книга была новая, корочки ее негромко хрустели и пахли клеем и коленкором. На них блестел позолоченный узор и темнели скрещенные шпаги. А внутри книги таились такие приключения, что мы по несколько часов не могли оторваться. Усядемся в кружок на ковре, будто кочевники на кошме, и читаем по очереди, позабыв про все на свете. Однажды после такого чтения попробовал я быстро встать – и бухнулся на пол: ноги затекли, а я и не заметил.

По вечерам Виталька рисовал картину из мушкетерской жизни. На картине были темные дома с желтыми окошками, большая луна, горбатый мостик и всадники в шляпах с летящими по ветру перьями. Лошади у Витальки не очень получались – они были похожи на больших собак. А все остальное выходило здорово.

Я выстругивал из досок тонкие мушкетерские шпаги и приделывал к рукояткам щитки из консервных банок.

А ковер-самолет мирно дремал на полу между нашими топчанами – будто простой ковер.

К середине августа дожди стихли, но тепло не наступало. Было солнечно и ветрено. С севера бежали небольшие темные облака с золотистыми косматыми краями. Это было красиво, но в такое холодное небо лететь не хотелось.

Лишь в самом конце месяца вернулось лето – с безветренным теплом, с плывущими по воздуху пушистыми семенами и паутинками, с запахом перезревших трав. Эти дни совпали с первыми школьными заботами.

Тридцать первого августа у нас в школе было собрание. Нас построили во дворе по классам, и завуч Вера Северьяновна сказала с крыльца речь. Она сообщила, что в этом году мы должны особенно хорошо учиться. Так она говорила в начале каждого учебного года. Всем было непонятно, почему всякий наступающий учебный год она объявляет особенным и почему в прошлом году можно было учиться хуже, чем сейчас. Однако никто Веру Северьяновну об этом не спрашивал. Опасались.

Нельзя сказать, что Вера Северьяновна была очень сердитая. Но она все время казалась недовольной. Большая, грузная, с белой прической (не седой, а просто белой), в пуховой шали на плечах, она двигалась по коридорам, как большая снежная баба, и ловила нарушителей. Любого школьника она считала нарушителем. Ей казалось, что если человек еще ничего не натворил, то все равно натворит, а если пока не получил двойку, то обязательно получит. Нарушителей она ставила на всю перемену у стенки, а “особо опасных” уводила в кабинет, уныло ругала там и вызывала родителей.

Зато с учителями нам повезло. Начальных классов тогда было не три, а четыре, и меня по-прежнему учила Мария Васильевна. Она с первого класса с нами возилась, и, по-моему, добрее ее не было на свете учительницы. А у Витальки были теперь разные учителя, и самая главная из них – классная руководительница. Молодая, веселая, похожая на вожатую из пионерского лагеря. Она преподавала историю и рисование. Виталька с первого дня в нее просто влюбился. Из-за этого у нас и получилась неприятность. Но это потом. А первые дни сентября были счастливыми.

Уроки кончались быстро, на дом задавали немного, на дворе по-прежнему стояло лето. Правда, светлые ночи кончились, и к девяти часам вечера уже становилось темно. Однако это были уютные добрые сумерки. Потом над крышами всплывала круглая луна.

Мы летали в зеленых от луны воздушных слоях, и летучие семена, похожие на пушистых насекомых, щекотали нам лица.

Мама знала про ковер-самолет. Не знаю, как она проведала о наших приключениях, но однажды спросила:

– На чем это вы летаете?

Пришлось признаться и показать ковер-самолет. Мама вздохнула и покачала головой. Я стал ее успокаивать и говорить, что это ни капельки не опасно. А мама сказала:

– Меня не опасности огорчают, а то, что ты стал такой... неоткровенный. Не мог мне рассказать... Не хотел, да?

- Ну... я думал, что тетя Валя тебе говорила, – попробовал я выкрутиться.
- Тетя Валя... – усмехнулась мама. – Вот и грустно, что про своего сына я все от других узнаю.
- Мам, я больше не буду, – сказал я уже не для выкручивания, а искренне.
- Ладно уж... Только шеи себе не ломайте, летуны.

Подошел дядя Сева и заметил, что в детстве летают многие, а шеи никто не ломает. Пусть мама не тревожится...

Теперь мы не очень прятали ковер-самолет. Многие про него уже знали. По крайней мере, мальчишки. Они приходили к нам, даже незнакомые, оглядывались и шепотом просили покатать. Они клялись молчать всю жизнь. И правда, ни один не нарушил клятву.

Иногда мы по вечерам устраивали катания с речного обрыва. Сажали на ковер человек семь и бросались на нем с берега. Ковер со свистом шел вниз, шелестя по верхушкам зарослей. Лунный искрящийся воздух летел навстречу. Друзья вопили от страха и восторга. Пересыпанная зелеными бликами река стремительно двигалась на нас.

Над самой водой мы выравнивали полет, разворачивались и садились на песчаной прибрежной полосе.

Вверх столько пассажиров ковер-самолет не тянул. Они карабкались на откос по заросшим тропинкам, но никто не обижался. Это было похоже на катание со снежных гор. Только вместо зимы обнимал нас теплый вечер, полный густой зелени, лунных облаков и смеха товарищей.

А через несколько дней случилась беда. Виталька сломал ногу. Не из-за ковра-самолета, совсем по-дурацки. Ступня у него попала в широкую щель деревянного тротуара.

Виталькину ступню заделали в гипс на три недели. Это не мешало летать, но в школу он ходить не мог. Два дня Виталька не горевал, но потом сообразил, что в субботу урок рисования, и очень расстроился. Он вспомнил, что обещал показать учительнице свои картины.

Он так ворчал и капризничал, что я не выдержал:

- Ты как маленький! Не можешь потерпеть!
- Да, не могу! Я по ней соскучился! – дерзко сказал Виталька.

Я проникся уважением к его чувствам и пошел к своему соседу, девятикласснику Климу. Клим был лихой наездник-велосипедист и целыми днями не слезал с седла. Я объяснил ему, что Веткин велосипед после очередного летательного испытания чинится, а Витальку надо возить в школу и после уроков привезти обратно. Клим отговорился тем, что у его велосипеда слабые шины и не вынесут перегрузки. Я напомнил, что свою одноклассницу Галку он возит на раме, не боясь перегрузок. Клим без всякого смущения объяснил, что Галку он не возит, а носит на крыльях любви. Он разговаривал со мной, как с маленьким, и я разозлился. Я заметил, что такую тетю, как Галка, не выдержат никакие крылья.

Это слегка обострило наши с Климом отношения, и я торопливо вернулся к Витальке.

Мы думали-думали и решили рискнуть.

Рано утром я отвез Витальку к школе и высадил прямо в окно его класса на втором этаже. А после уроков забрал его и умчал домой.

Утром нас никто не видел, но днем мы улетали под радостные и завистливые крики множества зрителей.

А в понедельник на первом уроке Мария Васильевна спросила:

– Олег, давно уже про тебя всякие сказки рассказывают. Это правда? Ты в самом деле на чем-то летаешь? Как это?

– Обыкновенный ковер-самолет, – сказал я. – Ничего особенного. Мы с Городецким сперва тоже удивлялись, а потом привыкли.

– Кто бы мог подумать! – сказала Мария Васильевна.

Она удивилась, но не очень. За три года мы удивляли ее разными штуками столько раз, что она ко всему привыкла.

– Вы мне покажете ваш ковер-самолет? – спросила она.

– Пожалуйста! Даже покатать можем.

Класс развеселился.

– Тихо, дети, тихо, – сказала Мария Васильевна. Потому что чудеса чудесами, а дисциплина прежде всего.

После этого разговора я стал думать, что все обошлось. И ошибся.

Был уже почти вечер. Я у себя во дворе ждал, когда прибегут Ветерок и Ветка, чтобы идти к Витальке. А пока их не было, я воевал с крапивой. Это были гвардейцы кардинала Ришелье. Мы дрались честно, на равных: у меня была новенькая деревянная шпага, у “гвардейцев” – ядовитые жала и кусачие

листья, похожие на зеленые ладони. Руки и ноги у меня были красными от жгучих укусов, а клинок зелен от вражеской “крови”.

Сквозь плотный строй врагов я прорубился к кардинальскому капитану – самому высокому кусту с седой от старости верхушкой.

– Эй, вояка! Шагай сюда! – услышал я.

В калитке стояли Клим и Галка.

– Чего надо?

– Нам ничего, – ехидно сказал Клим. – А вот завучу надо чего-то. Велела тебя доставить живого или мертвого. И сию минуту.

Видно было, что он не врет.

От ожидания неприятностей мне стало грустно и тревожно. Конечно, я не подал вида. Воткнул клинок в землю и храбро зашагал к калитке. Даже заметил вскользь, что уроки кончились и завуч могла бы человека не беспокоить, когда он занят своими делами.

Галка посмотрела на меня сочувственно. А Клим хмыкнул:

– Ничего. Подождет твой сенокос.

Он посадил Галку на раму, мне велел сесть на багажник, и мы покатали к школе.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я нервничал.

– Сиди, не брыкайся, – сказал Клим. – Что она, съест тебя, что ли?

Съест не съест, а хорошего я тоже не ждал. Но не убежать же, в самом деле.

Клим и Галка доставили меня в школьный вестибюль. Клим сказал:

– Ну, шагай. Знаешь небось, где ее кабинет.

Разумеется, я знал. Приходилось бывать. Не по своей воле, конечно.

На лестнице я почувствовал себя неуютно. И не только потому, что боялся неприятностей. В школу я всегда приходил в форме – упакованный в серое сукно от шеи до ботинок, а сейчас меня “взяли” прямо на улице, будто перенесли сюда на машине времени из каникул. Растрепанный, исцарапанный, в шелушащихся пятнах загара, я совершенно не подходил школе – ее строгим стенам, плакатам, портретам Гоголя и Пушкина и большим “Правилам для учащихся” в такой же, как у портретов, раме. О ненавистной жесткой гимнастерке и кусачих штанах до пят я сейчас вспоминал, как о надежной броне. Будто эта броня могла защитить меня от колючих глаз Веры Северьяновны, от ее гнева и вообще от всяких бед.

Увы, от всей формы на мне был только черный лаковый ремень с латунной пряжкой, а за ремнем легкомысленно торчал деревянный кинжал. Разве такой кинжал – защита от бед? И я чувствовал себя так, будто меня в летней моей одежке выставили в нетопленые зимние сени.

С нехорошим холодком в животе я постучал в дверь кабинета. Голос Веры Северьяновны сказал “войдите”, и я – что делать! – вошел. Пробормотал:

– Здравствуйте...

Вера Северьяновна сидела за громадным своим столом. Она отражалась в настольном стекле, как айсберг в квадратной полынье. Сбоку у стола сидел незнакомый мужчина – в очках и с бородкой. Он смотрел на меня нормально, по-доброму. А Вера Северьяновна – как на виноватого.

– Подойди, – сказала Вера Северьяновна.

Я дошел до середины комнаты, а дальше как-то не получилось.

– Ну вот. Этот самый, – сказала Вера Северьяновна мужчине и снова стала смотреть на меня. Словно хотела сказать: “Полюбуйтесь, что за красавец”.

Я почувствовал себя совсем незащищенным.

Незаметно передвинул на животе рукоятку кинжала, чтобы закрыть дырку на футболке, спрятал под мышки перемазанные землей ладони, но спрятать ободранные и зеленые от травяного сока локти было некуда. Еще мне хотелось втянуть в себя, как шасси, пыльные изжаленные ноги, но это тоже было невозможно. Я только беспомощно переступал кедами.

– Встань как следует. Перестань танцевать и опусти руки, – потребовала Вера Северьяновна.

Я вздохнул и встал как следует.

– Вот что, Лапников, – сказала Вера Северьяновна. – О твоём поведении мы побеседуем позже. А пока расскажи, как вы это устраиваете. Все эти ваши полеты.

Я слегка пожал плечами. Что я мог рассказать?

– Просто летаем...

Вера Северьяновна рассердилась:

– Не дергай плечами! И отвечай, когда спрашивают. Василий Матвеевич специально пришел из института, чтобы разобраться в ваших фокусах. И будь уверен, разберется. Василий Матвеевич – кандидат физических наук.

– “Физик, – подумал я. – Теперь будет допытываться, как мы убираем силу тяготения и все такое...”

– Ты долго будешь молчать? – сурово спросила Вера Северьяновна.

Физик посмотрел на меня, на нее и вдруг сказал:

– Можно мы побеседуем с глазу на глаз?

Завуч обиделась и возмутилась. Я сразу это понял, потому что она покраснела и стала дергать шаль на груди. Но сердитых слов она физику не сказала – это ведь не со мной разговаривать. Она даже улыбнулась:

– Хотите поговорить по-мужски? Ну что ж...

И она вышла из кабинета.

– Иди-ка сюда, Олежка, – тихо сказал Василий Матвеевич. И я вдруг увидел, что он очень похож на дядю Севу. Он поставил меня между колен, потрогал кончиками пальцев рукоятку кинжала, увидел дырку на майке, чуть-чуть усмехнулся и поднял глаза.

– Ты Расскажи по порядку, как и что. И ничего не бойся.

Я рассказал. Как нашли ковер, как летали. Только про историю с колокольней не стал говорить: это для науки не важно.

Физик не перебивал. А когда я кончил, он спросил:

– Значит, вы никак не командуете? Никаких слов ковра не говорите? Захотели – и полетели?

Я кивнул.

Физик почему-то улыбнулся. И задал странный вопрос:

– А ковер-то новый?

– Нет. На вид совсем старый... Но еще крепкий.

Физик вдруг засмеялся, крепко сжал мои локти, а потом взъерошил мне волосы. А мне было совсем невесело.

– Вы теперь заберете ковер? – прошептал я и понял, что могу разреветься.

Все еще смеясь, он покачал головой:

– Не бойся.

Я поверил и перестал бояться.

Появилась Вера Северьяновна.

– Ну, товарищи мужчины? Я уже могу присутствовать?

Физик вежливо сказал, что присутствовать она может: мы уже все выяснили.

– Вот как! – удивилась завуч. – Так быстро?

– Да. Видите ли, Вера Северьяновна, физика не занимается такими проблемами.

– Да? Странно... А какая же наука занимается?

Физик улыбнулся и развел руками.

– Боюсь, что никакая. Может быть, поэзия? Но это, по-моему, не наука... Что касается науки, то она такие явления не берется объяснять. Это с одной стороны. А с другой стороны, здесь особой загадки и нет. В детстве многие летают. Кто на коврах-самолетах, кто просто так...

– И... что же теперь будет? – слегка испуганно спросила Вера Северьяновна. А потом посмотрела на меня так, что я опять ушел на середину кабинета.

Физик проводил меня взглядом.

– Ничего не будет. Детство, к сожалению, быстро проходит.

– Да, но... пока оно пройдет, вы представляете, что они успеют натворить? К тому же, Василий Матвеевич, я не понимаю главного: как они летают?

– Ну как... Видимо, силой воображения.

– Что значит “силой воображения”? – с досадой произнесла Вера Северьяновна. – Воображение у всякого есть, а ведь никто в небеса не прыгает. Я вот точно знаю: сколько ни воображай, а полететь все равно не смогу.

– Охотно верю, – вежливо сказал физик.

Вера Северьяновна долгим взглядом посмотрела на него, потом на меня, потом в окно. Постучала пальцами по столу. И опять взглянула на меня – уже обычным своим взглядом: как на виноватого.

– Ты можешь идти, Лапников. Завтра придешь с мамой.

Вот тебе и на!

– А чего я сделал? – по привычке сказал я.

– Не рассуждай, пожалуйста! – раздраженно прикрикнула Вера Северьяновна. – Сказано: привести мать, вот и все. Приведешь, а там разберемся, что ты сделал.

И тут я рассердился. Незаметно, не громко, а так, про себя. И понял, что больше не боюсь. Потому что зачем она зря кричит? Разве я стекла бил, или стенки царапал, или курил на переменах, или двойками зарос? Ничего подобного. Подумаешь, летал с Виталькой на ковре-самолете! Это наш ковер, а не ее.

Надоела мне вся эта история, и захотелось ее закончить поскорее. Ясными глазами глянул я на Веру Северьяновну, почесал левым кедом правую щиколотку и независимо сказал:

– Мама завтра занята. Если хотите, я ее сегодня позову.

Физик чуть-чуть улыбнулся мне.

– Зови сегодня! – сердито откликнулась Вера Северьяновна.

– Хоть сейчас?

– Можешь сейчас.

– Вот и хорошо, – сказал я. Поправил за ремнем деревянный кинжал и ушел из кабинета.

Дома я сообщил маме, что ее вызывает завуч, но я ни в чем не виноват, а все дело в ковре-самолете.

– Так я и знала, – сказала мама.

Она оставила на кухне свои дела, ушла к себе в комнату и через минуту появилась в платье, которое надевала, чтобы в гости идти или в театр. Красивая и строгая.

Мама мельком глянула на меня и сказала:

– Хотя бы рубашку переодел. На чучело похож.

Но я торопливо объяснил, что все равно уже был сейчас в школе в таком “чучельном” виде и что дело не в рубашке, а в том, что нам с Виталькой хотят запретить летать. Мама только рукой махнула. И мы пошли.

Мы пошли рядом – красивая решительная мама и ее непутевый сын в полинялой футболке, жеваных шортиках, с деревянным кинжалом за ремнем.

Я видел, что мама слегка сердилась, но я не понимал: на меня или на кого-то другого.

Когда мы появились в кабинете завуча, физика там уже не было.

Мама села, а я так и остался у двери. Но теперь я не чувствовал себя беззащитным. Потому что мама тут и вообще... Я стоял и ждал. А мама сидела и тоже ждала.

– Я хочу поговорить о вашем сыне, – начала Вера Северьяновна, – должна сказать, что он меня беспокоит.

– Да? – сдержанно сказала мама и внимательно посмотрела на меня.

– Да. Насколько я помню, в прошлом учебном году он был ударником. Боюсь, что в этом году он им не будет.

– Но ведь год только начался, – заметила мама.

– Плохо он у него начался! – не выдержала Вера Северьяновна. – До чего додумались с Городецким! По воздуху летают!

– Так ведь дети же... – осторожно сказала мама.

– Вот именно, что дети! Пусть сперва окончат школу, а потом летают. Мы и на земле-то с ними едва справляемся, а что будет, если все дети по воздуху носиться станут?

– Все не станут, – вмешался я. – Не у каждого же есть ковер-самолет...

Вера Северьяновна глянула на меня так, будто лишь сейчас заметила.

– Выйди, Лапников, в коридор, – скучным голосом сказала она.

Вот так фокус! О моем ковре-самолете речь идет, а я – выйди! Я растерянно посмотрел на маму.

– Иди, Олег, – строго сказала мама.

Я шагнул в коридор, обиделся и встал у окна. Из-за двери доносились голоса: тихий – мамы и громкий – Веры Северьяновны. Но разобрать слова я не старался. Больно надо подслушивать!

Потом голоса умолкли, и мама вышла из кабинета.

– Пошли, – тихо сказала она.

И мы молча пошли рядом. По коридору, по лестнице, по школьному двору.

На улице мама положила мне руку на плечо и непонятно как-то сказала:

– Ну что, Олежка...

Я поднял глаза.

– Что?

Мама помолчала еще и серьезно спросила:

– Значит, никак вы не можете не летать?

– Не можем, конечно, – торопливо сказал я. – Ну как же, мама, не летать, если ковер-самолет...

Мама сказала:

– Ну и летайте.

И мы летали. И в этом теплом сентябре, и на будущий год, когда снова пришло лето, и еще через год...

Потом стали мы летать реже. Старше стали, и появились у нас другие интересные дела. Виталька в восьмом классе начал влюбляться каждый месяц и парил в небесах без всякого ковра-самолета. А я увлекся писанием стихов и все время ходил огорченный, потому что городская газета не хотела эти стихи печатать.

Ковер опять перекочевал в чулан, а в мезонине тетя Валя стала хранить сломанную мебель.

Мы кончили школу и незаметно стали взрослыми. Не все получилось так, как мы мечтали. Ветка стала не балериной, а детским врачом. Она очень хороший врач, живет в Ленинграде, и ее знают все ребяташки в районе. Ветерок добился, чего хотел: стал штурманом полярной авиации. У него есть сын Алешка, трехлетний карапуз. Здоровый, толстый и пока ничуть не похожий на Ветерка-мальчишку.

У меня врачи в приемной комиссии морского училища послушали сердце и посоветовали подумать о сухопутной профессии. Я стал писать книжки для детей и теперь, по правде говоря, очень рад, что выбрал такую работу.

Виталька, то есть Виталий Андреевич, живет в Подмосковье и работает учителем рисования. Ведет уроки, ходит с ребятами в походы, учит их рисовать радуги, закаты, месяц над озерами, рощи, синие реки – всю красоту земную.

Но не только этим он занят. Недавно Виталий прислал мне толстый журнал “Искусство”, и там на клейках напечатаны картины молодых художников, которые получили премии на всесоюзной выставке. Есть там картина художника В. Городецкого “Воспоминание о детстве”.

Над зеленой землей с разноцветными крышами и грудями деревьев, под светлыми утренними облаками плывет ковер-самолет. На нем двое мальчишек. Один сидит на краю, свесив загорелые ноги (одна нога босая, с другой сандалия тоже вот-вот свалится). Мальчишка запрокинул лицо, смеется и смотрит на облака. Под облаками горит на солнце пестрый прямоугольник воздушного змея. Другой мальчишка лежит на животе, подняв пятки, и глядит вниз. Там, внизу, у крылечка, желтого от свежих досок, стоит девчонка. С высоты она кажется совсем маленькой. Да и на самом деле небольшая.

Девчонка не смотрит на ковер-самолет. Она глядит на крышу, где мальчик в бьющейся на ветру зеленой рубашке тянет нитку змея. На картине буйное лето. Такое, что кажется, будто пахнет лебедой, полынью, речным песком и нагретыми досками заборов.

Я смотрел на картину, и было мне радостно и грустно.

Радостно – потому что картина радостная.

Грустно – потому что словно распахнулось на миг окошко в детство – в ту страну, куда нет возврата.

И еще я почувствовал зависть к Витальке. Он так здорово рассказал в картине про сказку нашего детства! А я? Чем я отблагодарю ковер-самолет? И я решил написать про него книжку. Вот эту, которую вы прочитали.

Но чтобы написать эту книжку, мне надо было съездить в родной городок. Все вспомнить.

А я боялся ехать. Мне казалось, что город окажется не таким, каким запомнился. Дома будут низкими и старыми, улицы – узкими, река – неширокой и мутной.

Но я ошибся. Город был прежним. Деревянные дома стояли как высокие терема и сверкали большими окнами. Дворы остались просторными и зелеными. Там, как раньше, словно праздничные флаги, хлопало по ветру белье и шумно играли мальчишки. Меньше стало деревянных тротуаров, больше многоэтажных домов, а на реке гудели новые белые теплоходы. Но так же пахло с берега сырым песком, просмоленными лодками и мокрыми бревнами. Такие же высокие травы стояли вдоль заборов в переулках.

Дом, в котором я жил с мамой, дядей Севой и Ленкой, снесли, и на его месте строился девятиэтажный корпус. А тети Валин дом был цел. И тетя Валя жила там, как в давние годы. Она стала вся седая, но характер ее ничуть не изменился. Мы полдня просидели с тетей Валей, вспоминали те дни, когда я и Виталька жили в мезонине. Я несколько раз собирался спросить, где ковер-самолет, но не решился. Мне начинало казаться, что это была просто сказка.

Тетя Валя достала Виталькины детские рисунки, наших бумажных солдатиков и даже пушку, сделанную из катушек от ниток. Пушка была в исправности, даже с резинкой. Хоть сейчас стреляй.

– Какие ужасные сражения вы устраивали! – воскликнула тетя Валя. – Весь дом качался. Все-таки вы были настоящие сорванцы.

– Мы были невозможные люди, – со смехом сказал я. – Нас надо было выставить во двор и не пускать в дом, пока не научимся вести себя прилично.

– А что вы делали с граммофоном! И, наверно, думали, что я не знаю...

Я вздохнул. Граммофон, укрытый вязаной салфеткой, стоял на прежнем месте. И часы с кукушкой висели где положено. Кукушка обезголосела, но каждые полчаса добросовестно вываливалась из своего окошка и разевала клюв...

От тети Вали я пошел бродить по улицам. В квартале от нашего дома я заглянул на широкий двор. Там, в траве, у дровяных сараев играли ребята. Они устроили не то цирковое представление, не то соревнования по вольной борьбе.

Кажется, все-таки соревнования. Пара за парой выходили на лужайку, и начиналась схватка. Борцы старательно сопели, падали, поднимались, опрокидывали друг друга, а зрители, сидя на поленницах и в траве, галдели и свистели, как все болельщики на свете. Я подошел. В первую минуту меня не заметили, а потом громкоголосый мальчишка с сердитой темной челкой на лбу оглянулся и спросил:

– Вам кого?

Я не стал ничего придумывать и притворяться. Сказал, что раньше жил в этих местах, а теперь хожу и вспоминаю детство.

– Можно посмотреть, как вы играете?

Мальчишка пожал плечами, а потом согласился:

– А чего ж! Смотрите!

Я шагнул ближе. И увидел, что они борются не на траве.

Ребята боролись на ковре. И я сразу узнал его.

Нет, я ничего не сказал в первый момент. Я просто смотрел на знакомые узоры, по которым катались два девяти-десятилетних борца: круглоголовый рыжий мальчик с веселыми глазами и его соперник – щуплый и большеглазый, с редкими конопушками на скулах, в синей майке-безрукавке.

“Знают они или не знают, какой это ковер?” – думал я, и меня слегка знобило от волнения.

Они не знали. Они катались по коврику, переплетаясь коричневыми в белых царапинах руками и ногами, колотили по нему пятками, втыкались в него носами и даже не догадывались, какое чудо под ними!

А ковер спокойно лежал, дожидаясь, когда кто-нибудь откроет его тайну. А может быть, уже и не ждал?

...Рыжий мальчишка прижал своего худенького соперника к коврику лопатками и вскочил. Зрители захлопали, но жидковато. Девочка с растрепанной косой сердито сказала:

– Конечно! У них весовые категории разные.

– А я виноват? – сказал рыжий мальчик и заморгал.

Его противник молча поднялся и тихо отошел в сторону. Девочка внимательно смотрела ему вслед.

– Ребята, – сказал я. – Послушайте... Откуда у вас этот ковер?

Мальчишка с сердитой челкой подозрительно глянул на меня:

– А что?

– Да так. Интересно.

– Тетенька одна дала, – объяснил рыжий победитель – Вот ему. – Он кивнул на проигравшего мальчика. – Мы цирк устраивали у него во дворе, а она рядом живет, вот и подарила... Это хороший ковер. На вид старый, а зато мягкий такой.

– Я знаю, – сказал я и понял, что делаю решительный шаг. – Когда-то это был мой ковер. Наш с товарищем... Это был ковер-самолет.

Они сдержанно засмеялись. Они приняли мои слова за неудачную шутку взрослого человека, который заигрывает с ребятами.

– Не верите, – проговорил я и понял, что ничего не смогу доказать. – Ну ладно... А мы на нем летали.

– А вы сейчас попробуйте, – насмешливо сказал мальчик с челкой.

“А что!” – подумал я. Но тут же понял, что не решусь. Я представил, как большой, взрослый, в отглаженном костюме, сижу посреди двора на старом ковре, а кругом язвительно хохочут мальчишки.

Неловко улыбнувшись, я сказал:

– У меня не выйдет. Я уже большой.

– А как на нем летают? – вдруг требовательно спросила девочка с растрепанной косой.

– Очень просто. Надо представить, что летишь, и он полетит...

– Ура! Я представил! – дурашливо заорал мальчишка с челкой и животом бухнулся на ковер.

– И я! Ура! Мы тоже представили, – закричали остальные, и на ковре тут же выросла куча мала. Даже девочка с косой кинулась в свалку.

Только худенький мальчик в синей майке остался в стороне. Он сидел на деревянной колоде, обняв коленки и упершись в них подбородком. На миг мы встретились взглядами, но он тут же отвел глаза.

– Эй, кончайте! Мне шею отдавили! Отпустите ногу! – раздавалось из кучи.

Потом кто-то самый находчивый крикнул:
– Сейчас мультики по первой программе! В шестнадцать двадцать!
Куча рассеялась. Бывшие борцы и болельщики кинулись по домам, к телевизорам. На меня они даже не оглянулись, только девочка на бегу крикнула:
– До свиданья!
Мне стало грустно. Я поглядел им вслед, а потом опять повернулся к коврику.
И увидел, что я не один.
Мальчик в синей майке не убежал со всеми. Он стоял у края коврика, тоненький и побледневший так, что его конопушки казались темными зернышками.
– Скажите... – начал он, и голос у него был какой-то виноватый и в то же время требовательный. – Скажите, пожалуйста... Вы пошутили? Да?
Я переглотнул от волнения и тихо сказал:
– Нет. Я не пошутил.
– Но так не бывает, – проговорил он негромко, но почти сердито. И глаза у него потемнели.
– Бывает, – сказал я, не отводя глаз.
Мы помолчали. Во дворе нарастала непонятная тишина.
– Не бывает... и все-таки бывает? Да? – спросил он шепотом.
– Да, – сказал я.
– И надо... просто представить, что летишь? – спросил он почти беззвучно.
Было тихо-тихо кругом, только еле слышный звон доносился из травы. Может быть, это звенели солнечные лучи или само лето.
Не отрывая от меня глаз, мальчик медленно встал на коврик коленями. Потом сел. Отвернулся от меня, зачем-то погладил коврик. Потом плавно вытянул над ним ладонь.
Коврик приподнялся, замер на секунду в полуметре от земли и тихо заскользил над верхушками травы.
Мальчик негромко вскрикнул, скатился на землю, вскочил и со всех ног бросился ко мне. Он обхватил меня, прижался всем телом, и я почувствовал, как прыгает под майкой его сердце: словно упругий мячик, с разгона влетевший в тесный угол и заставшийся между стенок.
Он отчаянно смотрел на меня, запрокинув лицо, и в темной глубине мальчишкиных глаз перемешались испуг и восторг.
– Не бойся, – сказал я. – Поверь мне, это не страшно.
Он улыбнулся, словно говоря: “Я понимаю. Но я еще не привык”.
– Смотри, он ждет тебя, – сказал я мальчику.
Коврик и правда ждал, опустившись на траву.
Мальчик вздохнул и толчком оторвался от меня.
– Шагай, не бойся.
Он постоял, кивнул. Заправил выбившуюся из-за пояса майку. И, оглядываясь на меня, пошел к ковру-самолету. Он шел медленно, однако ни разу не остановился.
Я смотрел, как он идет. Я немного завидовал: вся сказка была у него впереди.
Будь счастлив, мальчик.

1976 г.

<http://www.gramotey.com/>

Электронная библиотека Грамотей
21.01.2014